

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ –
филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук»

Т.А. Дзуганов

**ОЧЕРКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ ЧЕРКЕСИИ
XV – XIX вв.**

Нальчик · 2018

УДК 94(470.6)
ББК 63.3(235.7)4/5
Д 43

Печатается по решению
Ученого совета ИГИ КБНЦ РАН

Научный редактор:
кандидат исторических наук *Д.Н. Прасолов*

Рецензенты:
доктор исторических наук *А.Х. Абазов*
кандидат исторических наук *З.А. Кожев*

Д 43 **Дзуганов Т.А.**

Очерки экономической истории Черкесии XV—XIX вв. —
Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ
РАН, 2018. — 136 с.

ISBN 978-5-91766-150-6

Монография посвящена исследованию ключевых моментов экономической истории черкесов в XV—XIX вв. В работе впервые анализируется эволюция торговли и предпринимательских практик у адыгов в XV—XIX вв. На основе обобщения имеющихся на сегодняшний день источников и материалов по данной проблематике выявлена роль черкесского княжества Копа в причерноморской торговле XIV—XV вв., критически переосмыслена проблема черкесской работорговли, определены особенности социально-экономического статуса купечества в традиционном адыгском обществе. Представлен развернутый анализ номенклатуры таманского направления черноморской торговли во второй половине XVIII в. и его взаимосвязи с культурой потребления традиционного адыгского общества. Выявлено значение торговых связей в процессах интеграции черкесов в экономическое пространство Российской империи. Определена региональная специфика развития предпринимательских практик в Нальчикском округе в пореформенный период.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям, студентам, а также всем, кто интересуется историей и этнографией народов Кавказа.

УДК 94(470.6)
ББК 63.3(235.7)4/5

ISBN 978-5-91766-150-6

© Дзуганов Т.А., 2018
© ИГИ КБНЦ РАН, 2018

ВВЕДЕНИЕ

Черкесское предпринимательство как явление еще ни разу не становилось объектом специального научного исследования. Несмотря на то, что предпринимались определенные попытки его изучения в контексте анализа социально-экономического развития адыгского общества в целом, сам вопрос еще не получил должного освещения в специальной литературе. Эта ситуация, по нашему мнению, объясняется почти полным отсутствием достоверных и системных источников, на которые можно было бы опереться современному исследователю. В этой связи не приходится удивляться тому факту, что в современном кавказоведении относительно вопроса эволюции предпринимательства у адыгов до сих пор отсутствует комплексный подход.

Для большинства авторов, занимавшихся общественно-экономическими отношениями у черкесов, отправной точкой является трактат Пейсонеля, составленный в середине XVIII в. Это произведение можно по праву считать первой серьезной попыткой систематизации и обобщения данных торгового оборота Черкесии. Вместе с тем, более ранние периоды экономической истории, в силу определенных причин, выпадали из исследовательского поля ученых. Так, например, нераскрытыми и по сей день остается большинство вопросов, связанных с развитием предпринимательства, особым статусом купечества и проч. Тем не менее отдельные эпизоды экономической истории черкесов все же удостоивались пристального внимания ученых. Как правило, это касалось деятельности меновых дворов.

Учитывая невозможность в рамках одной отдельно взятой работы охватить весь комплекс имеющихся вопросов, мы решили сконцентрировать наши усилия на ключевых аспектах проблемы. В качестве таковых нами были определены следующие направления:

роль черкесов в международной торговле;
проблема «черкесской работоторговли» в средние века;
статус черкесских купцов и история черкесских брендов на мировых рынках;
особенности интеграции черкесов в общероссийское экономическое пространство.

Первые упоминания о состоянии торговли у черкесов встречаются в сообщениях арабских купцов уже с X в. Арабы, заинтересованные в расширении экономических связей тщательно собирают и фиксируют любые сведения, лежащие в сфере их интересов. Не остается без внимания и Кавказское побережье Черного моря, в том числе такое перспективное направление как территории союза касожских племен — предков черкесов¹.

Более подробные сведения о торговле черкесов содержатся в нотариальных актах и прочей деловой документации причерноморских городов-колоний латинских республик XIV—XV вв. — Генуи, Венеции, Амальфи и Пизы. Анализ этих источников позволяет реконструировать характер и важнейшие направления коммерческих связей черкесских княжеств в этот период.

Как известно, турецкая экспансия в Причерноморском регионе во второй половине XV в. привела, в том числе, к тотальному уничтожению латинских колоний, положила конец доминированию итальянцев в экономике края. Вместе с тем, европейские коммерсанты сохраняют определенный интерес к коммерческим коммуникациям Кавказа и в последующие столетия. Путешественники и купцы, посещавшие земли черкесов вплоть до первой половины XIX в. исправно фиксировали любые сведения касательно местной торговли. Как правило, эти сообщения носили отрывочный и бессистемный характер. Первая серьезная попытка обобщить и систематизировать данные о черкесской торговле предпринимается в середине XVIII в. французским торговым консулом в Крыму Карлом Пейсонелем².

В отечественной исторической литературе интерес к указанной теме начинает проявляться со второй половины XIX в. Первые шаги в этом направлении были осуществлены уже на рубеже XIX—XX вв.³ Именно в этот период в свет выходят первые научные и научно-популярные публикации, авторы которых

ставили перед собой задачу освещения некоторых экономических аспектов традиционного уклада горских народов, в том числе и адыгов. Особого внимания, в этой связи, заслуживает деятельность корреспондентов СМОМПК⁴, а также серии книг, содержащих исследования и материалы, под общим названием «Сборник сведений о кавказских горцах». Краеведы-любители, в основном из числа служащих царской администрации на Кавказе, заложили основы современного кавказоведения.

Начало XX в. ознаменовалось выходом ряда научных публикаций, сыгравших ключевую роль в изучении особенностей общественно-экономических отношений адыгов, в том числе раскрывающих роль предпринимательства в их повседневной жизни⁵.

Во второй половине XX в. интерес к изучению экономической истории адыгов продолжает усиливаться⁶.

Как правило, приоритет отдавался публикации обобщающих сборников документов и материалов, характеризующих положение дел в данном вопросе со второй половины XIX в.⁷ В этой связи некоторые вопросы экономической истории черкесов долгое время оставались без должного освещения. Особенно это касается проблем, связанных с изучением возникновения и развития торговли и предпринимательства у адыгов, специфики и направления важнейших торговых магистралей.

Определенные позитивные изменения произошли в новейшее время. В свет выходит ряд публикаций, авторы которых начинают уделять больше внимания особенностям организации и формам предпринимательства у адыгов⁸.

Практика показала, что изучение истории торгового дела черкесов требует комплексного подхода и всестороннего анализа, при котором будут учтены не только основные виды и направления предпринимательской деятельности, но и условия формирования местного рынка, его взаимосвязь с внешним. Не должны остаться без внимания ключевые факторы, определявшие вектор развития ремесленного производства и особенности формирования культуры потребления.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бэр А. История всемирной торговли. В 2-х частях. Ч. 1. М., 1876. С. 141.

2. Пейсонель К. Трактат о торговле на Черном море // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. / под. ред. В.К. Гарданова. Нальчик, 1974. С. 179—203.

3. Мурзакевич Н. История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837; Брун Ф.К. Черноморье. II. Одесса, 1880; Гаврилов П.А. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 2. Тифлис, 1869; Надеждин П.П. Опыт географии кавказского края. Тула, 1891.

4. Журнал «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» издавался Управлением Кавказского учебного округа в Тифлисе с 1881 г.

5. Пожидаев В.П. Хозяйственный быт Кабарды. Воронеж, 1925; Христианович В.П. Сельскохозяйственные районы Кабарды. Труды по обследованию Кабарды. Воронеж, 1929; Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV веках // Исторические записки. Т. 3. М., 1938.

6. Белоусов А.Б. Экономическое развитие Кабарды. Нальчик, 1955; Кумыков Т.Х. Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1959.

7. Русско-адыгейские торговые связи 1793—1860 гг.: сб. документов. Майкоп, 1957; Торгово-экономические связи России и Северного Кавказа в период Кавказской войны (40—50-е гг. XIX в.). Нальчик, 2005.

8. Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII — первой половине XIX века: социально-экономические очерки. Краснодар, 1989; Ачмиз К.Г. К вопросу о характере русско-адыгских торговых отношений в годы Кавказской войны // Вестник АГУ. Вып. 4(148). Майкоп, 2004; Озова Ф.А. Торговля тканями и одеждой в Черкесии (X—XVIII вв.) // Археология и этнология Северного Кавказа. Нальчик, 2015. № 5.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЧЕРКЕССКОЙ ТОРГОВЛИ В XV—XVIII ВВ.

РОЛЬ КНЯЖЕСТВА КОПА В РАЗВИТИИ ЧЕРКЕССКОЙ ТОРГОВЛИ В XV В.

Первые наиболее достоверные сведения, дающие нам представление о развитии торговых отношений у адыгов, содержатся в известиях арабских путешественников IX—X вв. Арабы относительно рано начинают посещать с торговыми целями бассейны Каспийского и Черного морей. Один из трех основных морских торговых путей халифата пролегал от Черного моря к восточным берегам Африки¹. Сношения с северными побережьями этих морей завязались уже в VIII в. при Гарун аль Рашиде после прекращения враждебных столкновений с хазарами, оказывавшими упорное сопротивление арабской экспансии, и заключения мирных соглашений². Хазарский каганат, державший под своим контролем значительную часть торговых магистралей, отныне не препятствовал поставкам в халифат товаров и вынужденно допустил арабских купцов на причерноморские и кавказские рынки.

Наиболее значительным пунктом обмена товарами между северными и западными странами на Черном море являлся Трапезунт (Требизон/Трабзон). Большое значение арабы придавали Тифлису, через который шел торговый путь к хазарскому Семендеру, а оттуда в Итиль и к Дербенту. Последний был особенно важен для северной торговли, т.к. именно туда горцы доставляли на продажу продукты земледелия и скотоводства. Заинтересованность в развитии торговых связей, в том числе и с кавказскими народами подвигла арабов предпринимать длительные путешествия с целью лучше узнать политическую и экономическую ситуацию в регионе, нравы и обычаи местного населения.

По сообщениям первых арабских путешественников, «кашаки (касоги русских летописей — Т.Д.) — большой народ, его территория простирается от гор Кабох (Дагестан — Т.Д.) до Понтийского моря. Это самое красивое племя людей среди народов этих гор. Нет более иных мест, где бы человеки обоих полов имели черты лица более правильные, цвет лица более белый, стан более стройный, плечи и бедра более широкие; наконец, чьи все формы были бы более прекрасными. Одежды этого народа состоят из льняной ткани ярко-красного цвета, из римских шелковых тканей и всяких сортов золотого цвета драпов. Среди полотен льна, что производят кашаки, есть сорт, именуемый талой, который более тонкий и одновременно более прочный, чем льняное полотно из Дибика»³ (в Египте). «Одежда из этой ткани стоит до десяти динаров. Ее вывозят в соседние магометанские страны, где ее получают также из других областей Кавказа; но те льняные ткани, что являются кашакской выделки, более предпочитаемы. Край кашаков посещается торговцами из Требизонда, туда добирающихся морем, а кашаки сами, в свою очередь, бывают в этом порту Понтийского моря, в котором ежегодно устраиваются базары, куда отправляются торговцы многих народов: мусульман, римлян, армян и т.д.»⁴.

Этот короткий, но тем не менее содержательный рассказ позволяет реконструировать некоторые детали торгово-экономических отношений предков современных адыгов в период раннего средневековья. Из сообщения явствует, что упомянутые касоги уже к началу IX в. были инкорпорированы в структуры причерноморской и прикаспийской торговли, а через них при посредничестве хазарских, арабских и византийских купцов и в мировую. Таким образом, крестьяне и ремесленники выращивали и обрабатывали лен, производя из него высококачественный сорт льняной ткани, успешно конкурировавший на мировом рынке с лучшими египетскими аналогами. Производимая ими продукция пользовалась определенным спросом на мировых рынках и была вполне конкурентоспособной, ценимой выше египетской льняной ткани (тала).

Торговля, по словам источника, контролировалась местной знатью, использовавшей прибыль от этого предприятия для

удовлетворения собственных потребностей в предметах и товарах роскоши.

Интерес арабов к адыгскому сегменту общекавказского рынка не ослабевал и в следующих столетиях. Ими тщательно собираются и обобщаются любые сведения, имеющие отношение к данному вопросу.

Арабский путешественник Ибн Баттута, посетивший столицу Золотой Орды — Сарай в 30-е гг. XIV в., зафиксировал наличие в городе наряду с другими базарами и отдельного черкесского рынка⁵. К сожалению, более подробных сведений о специализации именно черкесских купцов не сохранилось, тем не менее, учитывая условия высокой конкуренции — соседство византийского, кыпчакского, русского и пр. базаров, можно предположить, что черкесский специализировался на товарах своей страны.

Большой интерес представляет свидетельство Ибнфадлаллаха Эломари секретаря египетского султана Эльмелик-Эннасыра, который на основании информации предоставленной ему купцами, посещавшими Золотую Орду, утверждал, что в землях черкесов — «горах лесистых и плодовых... произрастает посеянный хлеб, струится вымя (т.е. водится скот), текут реки и добываются плоды»⁶. Следовательно, черкесы могли привозить на продажу в Сарай разнообразную сельскохозяйственную продукцию. С товарами Черкесии информаторы Эломари имели возможность познакомиться в Сарае, либо в Маджаре, который в XIV в. представлял собой центральный транзитный пункт всей северокавказской торговли⁷. С севера сюда вели два караванных пути: из Хаджитархана (Астрахани) и из Азака (Азова), — по которым доставлялись товары с Востока и из Западной Европы. В свою очередь, на маджарские базары свозились продукты экспорта со всего Северного Кавказа. Представительство черкесских купцов в Маджарах, вероятно, было значительным. Картину дополняет другой эпизод из повествования Ибн Баттуты. Путешественник встретил в Маджаре еврейского купца, прибывшего из Андалусии (Испания) сушей «... через Константинополь Великий, через Румские земли и страну Черкесов (выделено мной — Т.Д.)»⁸. Само путешествие заняло четыре месяца. «Торговцы странствующие,

которые знакомы с этим делом, подтвердили правильность его слов», — добавляет Ибн Баттута⁹. Следовательно, транзит товаров через земли адыгов уже в 30-е гг. XIV в. не являлся чем-то экстраординарным, а был обычным и даже более безопасным в сравнении с другими. Им вполне могли пользоваться купцы и из других европейских государств. Причем, проезжая через Черкессию, эти купцы должны были делать остановки и, что вероятно, продавали часть своего товара, закупали местный.

Расцвет средневековой торговли и предпринимательства адыгов приходится на XIV—XV вв. и связан с итальянским присутствием в Причерноморье.

Предприимчивые генуэзцы и венецианцы обосновались на кавказском побережье в конце XII в., когда ослабевшая Византия утрачивает контроль над черноморскими проливами, несколько позднее они проникают в Азовское море. Везде, где им удалось закрепиться, они основывают торговые колонии с надлежащей инфраструктурой и администрацией. Только в Причерноморье их насчитывалось 39. Крупнейшие из них — Каффа, Матрега (Тмутаракань), Мапа (Анапа), Тана (Азов), Бата и Копа. На вооружении итальянцев находились наиболее передовой европейский опыт кораблестроения и навигации, самая совершенная на тот период техника кредитно-финансовых отношений. Благодаря их торгово-предпринимательской деятельности, черноморская торговля вновь была включена в систему мировых торговых коммуникаций.

Находившаяся на пересечении основных караванных магистралей между Западом и Востоком Каффа быстро превращается в крупнейший центр мировой торговли. Ее обороты возрастали в арифметической прогрессии. В коммерческие операции активно включается причерноморское население Кавказа, которому представилась возможность выхода на новые рынки. Здесь важно отметить, что итальянская колонизация Причерноморья не является отправной точкой процесса включения адыгов в систему международной торговли и Константинополь до своего ослабления являлся ключевым, но отнюдь не единственным торговым партнером черкесов. Появление черкесских брендов и, что самое важное, черкесских купцов и целых торговых

подворий далеко за пределами их территории зафиксировано значительно ранее.

Итальянцы, монополизировав право посреднической торговли на всем побережье Черного моря, получили контроль над экспортом, в том числе и кавказских товаров. Это позволило приобрести им не только экономические, но и политические рычаги давления на своих партнеров, что наглядно прослеживается на примере Константинополя и Каира. Византия напрямую зависела от поставок хлеба и другой сельскохозяйственной продукции Кавказа и Крыма. В неурожайные годы, которые случались нередко, они становились единственным источником ее выживания. В связи с этим Константинополь вынужден был идти на значительные уступки по многим ключевым вопросам генуэзцам и венецианцам. Египет, кровно заинтересованный в покупке кавказских рабов (в основном черкесов и татар — Т.Д.) для мамлюкской гвардии, также вынужден был даровать итальянцам значительные торговые привилегии.

Торговые сношения Каффы с малоазиатскими торговыми центрами — Ираклеею, Амастрою и Синопом — со временем приобретают регулярный характер. Переплывая из порта в порт, каффинские купцы достигали Севастополя (Сухум — Т.Д.) и Трапезунта. Там, нагружившись товарами, они при попутном ветре в восемь дней достигали Константинополя. По «генуэзскому пути», через пролив святого Иоанна (Керченский пролив — Т.Д.), генуэзские корабли по Азовскому морю доходили до Таны, где меняли европейские товары на русские меха, азиатский шелк, пряности Индостана¹⁰.

Караваны из Китая, Тибета, Индии, Туркестана через Астрахань и Тану доставляли свои товары в Кафу. Китай поставлял фарфор; Индия — алмазы, пряные коренья; Бенгали — опиум; Малабар — шафран, сандаловое дерево; Цейлон — жемчуг и корицу; Тибет — мускат; Эфиопия морем доставляла слоновую кость; Аравия — мирру и ладан¹¹. Генуэзцы в обмен на это предлагали: разнообразные сукна, в основном пурпурного и красного цветов; пояса; ожерелья; браслеты; кольца и другие ювелирные украшения; леопардовые шкуры; окрашенные пурпурным цветом шелковые и шерстяные ткани, изделия из железа и меди, и

другие разнообразные товары¹². В Константинополь отправлялись генуэзские корабли с пшеницею. Помимо нее, византийцы охотно покупали рабов, серебро и золото, шерсть, меха, воск.

Ассортимент продукции из Италии и Германии, поступавший на рынки Причерноморья, в основном состоял из недорогих товаров: легкие сукна всех сортов, но, как правило, ярких расцветок; шкуры животных, окрашенных в пурпурный цвет; ювелирные изделия. В обмен они получали зерно, шерсть, продукты скорняжного ремесла, войлок или кече, мед, конский волос, воск. Все эти товары они заполучали почти даром и перепродавали в Европе по очень прибыльной цене¹³.

Тамань служила пунктом общения и торговли с населением Кубани и Кавказа. Генуэзцы извлекали из этих областей: продукты скорняцкого ремесла, кожаные ремни; марену; шерсть; миткаль и шафран, имевший известность как очень чистый; но главным местным продуктом был воск, в то время весьма востребованный в церквях и монастырях по всей Европе. Воск из Черкесии был менее чистым и менее окрашенным, чем из Фракии, но его там получали в большом количестве¹⁴. Итальянцы вывозили из края зихов также мед, меха, каракулевые шубы, но главной отраслью торговли Черкесии была торговля рабами¹⁵.

На рынки Черкесии генуэзцы доставляли мыло, рис, соль, хлопок-сырец и хлопчатобумажную пряжу, ладан, перец и имбирь, который черкесы смешивали с медом и получали очень крепкий напиток, ряд изысканных пряностей, инжир, нард, итальянские сукна и бокасины (куски полотна для пошива рубашек).

Генуэзцы привозили в Черкесию также доспехи и кольчуги, которые продавали дворянам. Этот товар был не менее значительной частью торгового импорта.

Одна из наиболее важных в экономическом отношении итальянских торговых факторий — Копа (Локопа, Копарио) — была расположена на правом берегу Кубани. Она находилась в 280 милях от устья реки на территории подвластной черкесским князьям, обозначенной на средневековых итальянских картах как «местность Копарио». На карте Висконти 1318 г. и более поздних везде фигурирует Копа или Локопа. Эти названия

получены ею, вероятно, от реки Кубани — Сисоро или Лосисоро. Центром густонаселенной области являлся черкесский город Копя, распространивший свое название на все близлежащие территории.

Товары этого богатейшего края были хорошо известны в Европе и относительно регулярно поступали на рынки Константинополя задолго до итальянской колонизации Причерноморья. Торговля была столь значительной, что в Константинополе уже во второй половине XII в. существовало специальное торговое подворье, ориентированное на продукцию из Копарио. Это подтверждается немногочисленными документами той эпохи, дошедшими до нас. В соответствии с трактатом от 1170 г., заключенным между византийским императором Мануилом и Генуей, генуэзцы получили в Константинополе торговое подворье со складом товаров под названием Копарио¹⁶. По договору 1178 г. генуэзцам возмещались убытки, причиненные разрушением их «*embolo di Copario testé concessio*», т.е. торгового склада Копарио¹⁷.

Бесспорно, можно установить определенную связь между торговым подворьем *Copario* в Константинополе и *Copario* — Копой, упоминаемой в генуэзских документах XIII—XV вв., т.к. генуэзцы торговали на Кубани уже во второй половине XII в. С конца XIII в. торговля Генуи с Копой достигает значительных размеров. Икра из Копарио уже в первой половине XIV в. составляла важнейший элемент итальянского экспорта. Об этом свидетельствует довольно частое упоминание этого продукта в генуэзских документах того периода¹⁸.

Вместе с тем следует отметить, что применительно к этому периоду речь может идти лишь о торговом поселении генуэзцев в Копе, тогда как сам город существовал гораздо раньше и управлялся своими князьями. В начале XIV в. из этого города выселилась часть купцов, образовавших колонию на Западном Кавказе, получившую затем определенную экстерриториальность.

Ради удобства сношений с колониями Таной и Копой генуэзцы очень дорожили сохранением свободного прохода через пролив, ведущий в Азовское море, и потому стремились во что бы

то ни стало поставить под свой контроль город Матрегу, доминирующую над Таманским полуостровом и проливом¹⁹. В начале XV в. Таманский полуостров, по крайней мере та его часть, где располагалась Матрега, находился в собственности черкесского князя Джамбека. И несмотря на все усилия Великой Общины, черкесы не собирались добровольно уступить итальянцам город и важнейший стратегический плацдарм. Матрега являлась коммерческим и политическим центром. Во времена Латинской империи город посещали европейские и греческие купцы, приезжавшие из Константинополя за сушеной рыбой и следовавшие дальше до устьев Дона на барках. Сюда приходили все соседние народы для обмена своих продуктов на товары Запада через посредство генуэзцев

Конец затянувшемуся кризису, грозившему перерасти в вооруженный конфликт, удалось положить весьма оригинальным способом. Один из виднейших представителей нобилитета Каффы Симон де Гизольфи в 1419 г. женил своего сына Винченцио на Бика-канон, дочери князя Копы Берозоха. Последний в качестве приданного подарил Матрегу молодым. Случай в черкесской истории уникальный. С тех пор город стал чем-то вроде феодального домена семьи Гизольфи.

Вместе с тем не до конца выясненным остается факт легитимности уступки Матреги в качестве приданного семье де Гизольфи. Если город на момент свадьбы Винченцио и Бика-канон принадлежал князю Джамбеку, о чем мы узнаем из письма сына Винченцио, Захарии де Гизольфи (да и в последующем Захария считал себя в вассальной зависимости от потомков Джамбека князя Костомоха и его сына Кадибельди), то какое юридическое право имел Берозох распоряжаться Матрегой? Есть только одно логическое объяснение: Гетикус воспользовался «правом сильнейшего». Берозох был весьма влиятельной личностью среди зихских князей и, видимо, в 1419 г. его позиции были настолько сильны, что он мог позволить себе подобный шаг.

Как уже говорилось выше, с 1419 г. Матрега превращается в феодальный домен де Гизольфи, находящийся в двойной зависимости — Каффы и черкесской Копарио. Отныне бесперебойная

и привилегированная навигация итальянских торговых судов в колонию была обеспечена.

По-видимому, подобное положение вещей вряд ли устраивало остальных черкесских владельцев, желавших наложить руку на пошлину с проходящих кораблей. Еще при жизни Берозоха Матрега подверглась нападению со стороны князя Кадибельди, потомка Джамбека, который в 1457 г. захватил город. Превратив его в разбойничий плацдарм, он в течение нескольких месяцев беспрепятственно грабил проходящие поблизости торговые суда. Затем, ввиду угрозы со стороны Кафы и не располагая достаточными силами для удержания Матреги, вынужденно возвратил Захарию княжество и вернулся домой.

Имя последнего владельца Копарио, местности, где была расположена основанная итальянцами фактория Копа, известно нам по немногим сохранившимся документам. Это черкесский князь Берозох. Долгое время этническая принадлежность Берозоха (Берзебоха, Берзехуха, Парсибока), оставалась невыясненной. Ф.К. Брун, изучая документы архива банка Сан-Джорджио, смог пролить свет на личность загадочного князя. В одном из этих документов говорится о финансовых издержках карательной операции генуэзцев против вассалов некоего Berzeboch, которого исследователь отождествляет с упомянутым в других документах «Dominus Coparii Berzebuch» — мужем Борунды и отцом «Cambelota». Он же, по предположению Бруна, одно и то же лицо с «Berzeboch», с которым была заключена конвенция для найма солдат в 1462 г., как и с упомянутым под 1455 г. «Dominus Coparii Parcibech» по прозвищу Jeticus или Geticus. Это позволяет предположить, что к владельцам Копы принадлежали также «Usdemoroch Dominus Jeticorum», о котором говорится под 1446 г., и мнимые «готские» князья²⁰, гостившие у владельца Тамани в 1482 г. «Без сомнения, — заключает Брун, — они были Черкесы, явно тождественные с Зихами или Джихами других писателей. Форма их имени в генуэзских актах объясняется названием их страны, т.е. Джикетии. По той же причине Трапезундский император называет их «la nation des Gith» (Зихи — Т.Д.) в своем письме к герцогу Филиппу Бургундскому от 22 апреля 1453 г., где он упоминает их

(зихов — Т.Д.) в числе своих союзников в предполагаемом крестовом походе против турок».

Европа, озабоченная падением Константинополя и не желавшая терять свои торговые фактории в Причерноморье, лелеяла идею о крестовом походе. Активное участие в его подготовке принимал Ватикан. Но проповедуемый Каликстом III и Пием II общеевропейский поход так и не осуществился. Черноморские колонии тщетно ждали появления могущественного и победоносного флота, который должен был прийти с Запада²¹. Напрасны были и все усилия по консолидации антитурецких сил в Причерноморье. По мнению Ф.К. Бруна, главнокомандующим контингента христианских зихов, которые должны были в числе других народов Причерноморья, принять участие в антитурецкой коалиции, являлся именно Берзибох²², владелец Копарио.

Колония Копы в пределах черкесского княжества, по мнению Гейда, была основана, прежде всего, для рыбных промыслов и торговли невольниками²³, и со временем превратилась в «рыбный завод», охотно посещаемый каффинскими купцами. Коммерция приносила столь значительный доход, что в 1427 г. туда для надзора за делами и сбором налогов был назначен специальный консул²⁴. Население колонии было разноплеменное. Большинство составляли поселившиеся в колонии черкесы, среди пришлого преобладали греки, затем итальянцы и армяне. Во главе местного управления колонии стоял консул, при нем — Совет. Население колонии занималось главным образом солением рыбы и приготовлением икры, а также продажей невольников.

Обязанности консула Копы и других чиновников, находившихся при нем, определяются в статуте 1449 г.²⁵. Прежде всего консул, приехав в Копу, должен был собрать здесь всех купцов и затем явиться к местному владельческому князю, чтобы совместно с ним установить цену на рыбу на текущий сезон. До установления официальной цены никто из купцов не имел права покупать рыбу под угрозой ее конфискации. Консулам и их официальным помощникам поручалось также наблюдать за тем, чтобы никто не привозил в Копу соли в большем количестве, чем требовалось ему лично для засолки рыбы. На консула же возлагалась обязанность уплачивать князьям Зихии

ежегодную дань, которая вносилась генуэзцами в форме обязательных даров.

Во избежание злоупотреблений, могущих при этом произойти, в статусе говорится: «Также постановляем, что когда названный консул должен будет отдавать дары князьям Зихии, то пусть созовет казначея и советников, которые должны осмотреть и отметить товары для этих князей, и следует им отмечать отдельно бокасины длинные и короткие, а затем должны они эти отмеченные куски передать оценщикам, которые предварительно дали присягу хорошо и правильно назначать цены, согласуясь со справедливой ценой». В пользу консула поступали определенная уставом плата за рыбу и икру, за грузы с приходящих судов, за вывозимых из Копы невольников и, наконец, штрафы, налагаемые на жителей консулом за нарушение установленных правил торговли и промышленности. В 1460 г. в Копе была учреждена должность весовщика²⁶.

Доходы в Копе поступали от обложения судов, лавок и прочих предприятий и промыслов жителей, а также штрафов. Из сохранившихся документов известно, что в колонии существовала довольно развитая инфраструктура: помимо консулата, было свое казначейство, бюро весов и мер. Не осталась без внимания и духовная составляющая жизни населения фактории. Для обслуживания религиозных нужд действовала приходская капелла. Явление само по себе довольно уникальное. Из 39 итальянских поселений на Черноморском побережье собственную капеллу имели считанные единицы. Эти факты подтверждают ее важность и степень значения для итальянцев.

Расчеты в коммерческих операциях осуществлялись в бокассилах, служивших региональной валютой. Это были куски ткани из тонкого льна для рубашек различной длины; они заменяли в Черкесии деньги. Наряду с ними фигурируют аспры, мелкая серебряная монета, которая постепенно заменила эту примитивную денежную единицу. Помимо аспров имели хождение *sonni* — первоначально серебряные бруски определенного веса, но чаще ими обозначали известный вес или сумму серебра, которая равнялась от 160 до 200 аспров по курсу²⁷. Купцы, заключающие контракт на закупку товара в Копе, обозначая

денежные суммы в аспрах-«барикатах» (серебряная монета, носившая имя хана Берке)²⁸, бывших ходячей монетой в Крыму, тут же переводили эту сумму на предметы меновой торговли — ткани, ковры и т.д.

Здесь следует обратить внимание на следующий важный момент. В кавказоведческой литературе XIX в. сложился устойчивый стереотип об отсутствии денежного обращения у черкесов и, соответственно, их экономической отсталости. Миф, конструируемый на протяжении столетий, включает в себя положения об отсталой экономической системе, слабо развитом сельском хозяйстве и ремеслах, «набеговом» способе производства, господстве исключительно меновой торговли, когда предки нынешних адыгов, не зная ценности денег, использовали их преимущественно для украшения оружия. Основоположниками такого заблуждения стали первые средневековые путешественники, преимущественно миссионеры, посещавшие пределы черкесов. Этот вывод содержался в большинстве описаний, во многом поверхностных и неточных, оставленных ими в память о своих путешествиях. Именно факт преобладания менового характера торговли у черкесов и стал главным аргументом, на котором базируется эта ошибочная теория. Идея была подхвачена европейскими исследователями Кавказа, затем перекочевала на страницы отечественной историографии, где благополучно дожила до наших дней. Остается непонятным, почему никто из ученых, касавшихся этого вопроса, не обратил внимание на многочисленные свидетельства обратного. Анализ деловой документации Каффы, постановлений и распоряжений банка Сан-Джорджио в Генуе, наконец, торговых договоров и частных писем населения итальянских причерноморских колоний, дает совершенно противоположную устоявшемуся мнению картину. Черкесы вполне ориентировались в существовавшей на тот момент сложной и запутанной денежной системе. Они неоднократно выступали партнерами генуэзцев в коммерческих сделках. В обращении у них находились монеты разных стран и достоинств. Дело, по-видимому, в другом. Опасности длительных морских переходов, сама специфика средневековой торговли вынуждали европейских купцов навязывать причерноморским

народам, в том числе и черкесам, бартер в качестве основной формы расчетов. Кроме того, чрезвычайное разнообразие монет в период средневековья затрудняло и тормозило торговую деятельность. Монета часто подделывалась. Фальшивки особенно часто попадались во Франции и в Германии, тогда как в других странах, например в Англии и в Италии, обращались «хорошие деньги»²⁹. Предпочтение отдавалось византийским, флорентийским, венецианским, рейнским и венгерским золотым монетам. Для расчетов употреблялась обыкновенно серебряная марка.

Отношение золота к серебру было не везде одинаково. Вследствие ряда многих объективных и нередко субъективных факторов колебания курса драгоценных металлов по отношению друг к другу стало довольно частым явлением. Во Франции, Германии и Англии — это отношение в среднем составляло 1 к 12; в Италии соотношение курса иногда достигало 1 к 16. В среднем по Европе соотношение золота к серебру, на протяжении XIII—XVI вв. составляло 1 к 10,5. Платежи в основном производились серебром и лишь в редких случаях, как, например, при покупке драгоценностей, золотом³⁰. При разнообразии монет для взаимной уплаты употреблялись обыкновенно деньги той местности, где заключались сделки. Купцы привозили на рынок нечekanый металл, разменивали его тут же на местную валюту с тем, чтобы по окончании торгов вновь обменять ее на чистое серебро или золото. Такого рода размен стал весьма прибыльным промыслом и производился преимущественно в Италии. Разнообразие монет и ненадежность чекана обусловили появление специалистов, обладающих необходимыми экономическими и техническими знаниями — менял. Их деятельность начинает приобретать промышленный размах. Менялы, особенно во Флоренции и Ломбардии, образовывали в Италии товарищества, которые быстро расширяли сферу своих экономических интересов далеко за пределы родного государства. Эти объединения стали предтечей банков, появившихся несколько позднее. Их отделения и конторы множились не только по всей Европе, но и в самых экзотических местах, где в торговле принимали участие европейские купцы. Общие интересы подобных товариществ за

пределами Италии охранялись специальными представителями (консулами). В их обязанности, помимо прочего, вменялось добиваться от местных владельцев специальных привилегий для итальянских торговцев. К XIV в. конторы менял вытесняются банками, которые были в состоянии оказывать торговцам более широкий спектр услуг. Помимо традиционных займов под проценты и денежных переводов, осуществлялись обмен полученных и долгов, отсрочки платежей, ставших праобразом вексельных писем. Опасность перевозки денег на большие расстояния и запрещение вывозить в некоторых землях золото и серебро в значительной мере способствовали развитию вексельного дела. Первопроходцами в этом деле опять-таки выступали предприимчивые итальянцы.

В эту сложную систему кредитно-вексельных отношений черкесы оказались инкорпорированы уже в XV в. Сохранившиеся документы банка Сан-Джорджио свидетельствуют, что черкесские князья неоднократно становились его клиентами. Фигурантами коммерческих сделок выступают представители черкесской аристократии: князья Берозох, Костомох, Кадибельди и др., бравшие кредит в причерноморских конторах банка, правда, не всегда вовремя возвращали его³¹. Одним из своих специальных распоряжений правление Сан-Джорджио попыталось даже запретить князю Матреги, наполовину черкесу, принимать и укрывать у себя злостных неплательщиков из среды черкесского нобилитета. Из этого ничего не вышло, т.к. Захария Гизольфи, внук Берзибоха, также являвшийся должником банка, небезосновательно опасался мести своих «неспокойных» родственников³².

Из документов видно, что в Копе была ярмарка, длившаяся вероятно с конца апреля до 15 мая. Купцы — греки, армяне и турки или гемузыцы — нанимали суда, которые они имели право задерживать у устьев Кубани на 15 дней до закрытия рынка. Конечно, из этого вовсе не следует, что Копа была временным рынком. Торговля могла вестись и, безусловно, велась и в другое время года; ярмарка была лишь завершением этой торговли. Об этом свидетельствует состав постоянного местного населения Копы, присутствие итальянских купцов, наличие консульства,

церкви, торговых учреждений, конторы мер и весов и, наконец, регулярный обмен с местными племенами³³.

Есть также сведения, что предприимчивые генуэзцы вели разработку серебряных рудников в горах Кавказа³⁴, следовательно, Копа, учитывая ее важное стратегическое положение, являлась перевалочным пунктом для транзита добытой руды. Значительные прибыли, получаемые итальянскими купцами, стимулировали укрепление и расширение экономических связей с Черкесией.

Торговая фактория, несмотря на определенную экстерриториальность, находилась, по-видимому, в двойной зависимости: она была подчинена местному князю и одновременно генуэзскому консулу. Она отличалась по своему административному устройству от других колоний, находившихся в полной зависимости от генуэзских властей, и была чем-то вроде полуфеодального владения. К тому же, «к несчастью для нее, — как писал Гейд, — ее окружали соседи из инородцев черкесской (выделено мной — Т.Д.) или «гетской», по выражению генуэзских современных документов, расы, всегда готовых напасть на купеческие суда и разгромить их. Ввиду этого Каффа должна была постоянно содержать в этой местности несколько военных судов, чтобы удерживать подальше этих разбойников»³⁵.

Присутствие военного флота и, по-видимому, воинского гарнизона итальянцев в опасной близости от черкесских поселений не могло не вызвать серьезных политических, а возможно и военных, осложнений. К сожалению, немногочисленные сохранившиеся документы этого периода крайне скудно отражают данный момент истории италло-черкесских взаимоотношений. Содержащиеся в них сведения обрывочно и весьма субъективно характеризуют ситуацию с точки зрения итальянцев. Вместе с тем вполне обоснованным выглядит предположение о возможной эскалации вооруженного конфликта и, как минимум, участвовавших в грабежах торговых караванов с обеих сторон.

Тем не менее Каффа продолжала курс на упрочнение торговых связей с Копой. Для достижения этой главной цели в ход шли любые средства, и если намеченное не удавалось осуществиться с позиции силы, то в ход шли политические интриги,

подкуп, шантаж. В 1471 г. консул Филиппо Чиавроиа сообщил о «соглашениях, заключенных к великой выгоде наших (купцов) с местными князьями Зихии и Копы». И далее: «Весьма радуемся тому, что вы имеете вести от князя Зихии и что наши [купцы], надеясь на выгодное дело, отправились в Копу», — писали протекторы консулу в Каффе 30 июля 1473 г.³⁶

Предприимчивые генуэзцы зачастую шли на риск, т.к. заключаемые с местными князьями мирные договоры часто были скорее формальностью, а параграф о «ненападении» соблюдался «коварными» зихами отнюдь не всегда. Ситуация последних лет присутствия генуэзцев в Причерноморье носила характер перманентной войны с черкесскими феодалами. В донесении консула Каффы банку Сан-Джорджио о делах колоний от 16 и 18 мая 1471 г. говорится: «Что же касается больших убытков и опасностей, которыми зихи ежегодно угрожают нашим купцам и гражданам в Копарио, постановлено было нами в этом году воспретить туда доступ кому бы то ни было до тех пор, пока удастся вступить с теми зихами в какое-либо соглашение. Думаем, что в этом году намерение наше легко будет исполнить, так как те зихи не имеют соли, без чего рыбу свою долго сохранять не смогут»³⁷.

Для наказания «этих полудиких племен» власти Каффы в 1471 г. идут на беспрецедентные меры, введя экономическую блокаду княжества и фактории, запретив всем подданным любые сношения с Копой. Местные жители вскоре ощутили действие такого решения в недостатке соли для переработки рыбы и икры, т.к. ее поставки из Крыма контролировались генуэзцами. Кавалино Кавало, посланный из Каффы для урегулирования конфликта и заключения договора с местным правителем (*il signore di Сора*) и другими князьями³⁸, скоро вошел в соглашение с ними и получил обещание, что впредь западные купцы и их суда не будут подвергаться нападениям. «Ему удалось устроить все по нашему желанию и заключить условие с князем Биберди и Петрезом, князем Зихии, а также Бельзебоком, князем Копарио, и его супругой», — доносит консул в своем отчете в Геную. Однако это не помешало правителю Копы³⁹ в этом же году «причинить неприятности» некоторым генуэзцам так, что каффинская власть вынуждена была пойти на существенные уступки. Она, между

прочим, снабдила правителя Копы материалом для постройки крепости, что стало, по мнению метрополии, непростительной ошибкой в отношении столь непрочного соседа. Получив в свое распоряжение крепость, черкесский князь становился менее уязвим для военного шантажа со стороны генуэзцев.

Генуя, недовольная таким обстоятельством и стремясь не допустить усиления черкесов, попыталась перехватить инициативу. В письме консулам Каффы от 4 марта 1475 г. говорится, что протекторы банка узнали о крайне неприятном обстоятельстве — постройке черкесским князем крепости в Копарио «вопреки установленным правилам, и о том, что консулы Каффы допустили вывезти оттуда и в ту местность доставить известь, камень и прочие материалы, требуемые для постройки». По мнению лиц, знакомых с положением вещей, в интересах Генуи необходимо разрушить эту крепость. В этой связи предписывалось «сосредоточить все помышления» на достижении этой цели. «Но, — подчеркивали протекторы, — действуйте, однако, осторожно и втайне, чтобы не проведали о стараниях ваших...». Кроме того, предписывалось немедленно начать следствие против виновных в доставке материалов из Каффы. Должны были быть привлечены к ответственности и те, кто предоставил суда для перевозки материалов в Копу, и даже те, кто находился там в отсутствие консула. Далее вновь предлагалось «войти в соглашение с князем Биберди и другими соседями князя Копарио или с одним из них. Это, быть может, приведет вас к цели»⁴⁰.

Намерениям правления Сан-Джорджи уничтожить возведенную в Копарио крепость и тем самым ослабить Берозоха не суждено было осуществиться. Несмотря на все усилия и предпринимаемые в этой связи действия, генуэзцы до взятия Каффы турками не успели исполнить данное распоряжение⁴¹. Вследствие падения Копы в том же 1475 г. и оккупации ее османами, планы генуэзских властей не были приведены в исполнение.

Турки в союзе с крымскими татарами, почти нигде не встречая серьезного сопротивления, захватывают все итальянские причерноморские колонии. Стремясь укрепиться на северо-восточном побережье Черного моря, они оставили в Копе сильный гарнизон, в задачу которого входило держать под своим

контролем устье Кубани и Таманский полуостров. Но, судя по сохранившимся документам, черкесы не собирались мириться с таким положением вещей. Собрав силы, они атаковали противника. Турецкие гарнизоны были выбиты не только из Копы, но также и из Матреги и Анапы. Политическая ситуация в регионе на короткое время стабилизировалась. В 1479 г., по сообщению Ибн Кемаля, турки вынуждены были повторно завоевывать непокорные черкесские города и крепости северо-восточного побережья⁴². Описывая турецкий поход на Черкесию, хронист отмечает: «Пришедшие в ту страну храбрецы неожиданно нанесли удар, устроили охоту, собрав взятых в добычу красавиц. Захватив Кубу (Копу — Т.Д.), которая является одной из знаменитейших крепостей, со всеми окружающими землями ... разгромили владения черкесов, очистили саблех ту страну...»⁴³.

Захват турками-османами итальянских Причерноморских колоний в 1475 г. положил конец взаимовыгодному торговому партнерству Генуи и Черкесии. Вследствие падения княжества Копы в том же году, черкесы лишились важнейшего звена своей экономической системы, их торговым коммуникациям был нанесен серьезный урон.

После захвата турками Копы и генуэзских колоний на Черном море, торговля здесь на непродолжительное время затихает. Османы ко времени описываемых событий еще не имели своего торгового флота, но вполне отчетливо осознавали все выгоды, которые им сулил контроль над коммерческими операциями в Причерноморье. Вместе с тем новые правители Константинополя позаботились о том, чтобы не повторить ошибки династии Комнинов, отдав монополию Черноморской торговли какой-то одной стороне, как это было в случае с Генуей. Право торговать в Черном море получают Франция, Великобритания и несколько позднее Голландия. Умело играя на их противоречиях и не позволяя усилиться даже временно ни одной из них, турки вплоть до XVIII в. контролировали все Причерноморские импортно-экспортные операции.

Торговые коммуникации Черкесии, получившие сокрушительный удар со стороны османов, постепенно восстанавливаются. Начинается новый этап в развитии ее экономических

связей. С XVI в. основным направлением черкесской внешней торговли становится торговля с Крымским ханством.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бэр А. История всемирной торговли. В 2-х частях. Ч. 1. М., 1876. С. 141.
2. Там же. С. 134.
3. D'Osson M.S. Des peuples du Caucase. Paris, 1828. P. 25.
4. Там же. P. 26.
5. Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884.
6. Там же. С. 231.
7. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985. С. 122.
8. Тизенгаузен В. Указ. соч. С. 288.
9. Там же.
10. Муфзакевич Н. История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837. С. 34—35.
11. Там же. С. 38.
12. Там же.
13. Elie de la Primaudaie. Etudes sur le commerce au moyen âge. Histoire du commerce de la mer Noire et des colonies de la Crimée. Paris, 1848. P. 125.
14. Там же. P. 125.
15. Там же. P. 236.
16. Цитата по: Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний // Исторический вестник. Вып. V. Нальчик, 2007. С. 14.
17. Там же.
18. Гейд В. История торговли в Средние века / перевод Л.П. Колли // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1915. № 52. С. 109.
19. Там же. С. 153.
20. В своем письме директорам банка Сан-Джорджио в 1482 г., Захария помимо прочего рассказывает о гостивших у него черкесских князьях, называя их «готскими» или «гетскими» князьями. Письмо было составлено на латыни и, в соответствии с модной тогда традицией, именуется черкесов «гетами». В соответствии с той же традицией, татар в это время иногда в документах именовали скифами.

21. *Гейд В.* Указ. соч. С. 166.
22. *Брун Ф.К.* Черноморье. II. Одесса, 1880. С. 234.
23. Там же. С. 153.
24. *Elie de la Primitaiaie.* Указ. соч. Р. 126—127.
25. Устав для генуэзских колоний в Черном море // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V. С. 829.
26. Там же.
27. *Юргевич В.* О монетах генуэзских, находимых в России // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. VIII. С. 153—154.
28. *Bratiani.* Recherches sur le commerce génois dans la Mer Noitre au XIII siècle. Paris, 1929. Р. 238.
29. *Бэр А.* Указ. соч. С. 123.
30. Там же.
31. *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Указ. соч. С. 15.
32. Там же.
33. Цитата по: *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Указ. соч. С. 16.
34. *Rasmussen.* Journal asiatique. Т. V. Paris, 1835. Р. 225.
35. *Гейд В.* Указ. соч. С. 170.
36. Цитата по: *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Указ. соч. С. 22.
37. Там же.
38. В документах, использованных Гейдом упоминаются: «Cum domino Biberdi et Petrezoc domino Zichiae ac cum Belzebos et domino Sorarii».
39. В документах переписки по этому вопросу между правлением банка Сан-Джорджио и правительством Каффы правитель Копы называется: «Parabioc, Parabioch, Parsaboc, Parsabioc, Verzibec, Belzebos».
40. Цитата по: *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Указ. соч. С. 32.
41. *Гейд В.* Указ. соч. С. 170—171.
42. Цитата по: *Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV — первая половина XVI вв. М., 1990. С. 55.
43. Там же.

ЧЕРКЕССКАЯ РАБОТОРГОВЛЯ В XIII—XV ВВ.: ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Одной из спорных проблем современного кавказоведения остается вопрос о так называемой черкесской работорговле в Средние Века. Как правило, под этим определением зачастую подразумевается не только торговля захваченными пленниками, но и собственными детьми и родственниками почти в промышленных масштабах. Сложившееся в научном мире во второй половине XIX в. мнение о гипертрофированных размерах этой работорговли, благополучно сохраняется в кавказоведческой литературе, как в отечественной, так и в зарубежной, по сей день. Это мнение базируется на весьма расплывчатых сообщениях европейских путешественников, посетивших Черкессию в период средневековья и поверхностном изучении нарративной и деловой документации массариев гемуэзской колонии Каффы — главного невольничьего рынка в Причерноморье. Такой избирательный подход в использовании источниковой базы не мог не привести к ошибочным результатам исследований. В итоге, некорректные и документально не подтвержденные положения о распространенной среди черкесов практике торговли собственными детьми и родственниками в целях наживы, а также значительно преувеличенных оборотах именно черкесской торговли невольниками кочует по страницам различных научных публикаций¹.

Не отрицая самого факта существования такого явления, как работорговля в Черкессии в указанный период, мы, тем не менее, вынуждены поставить под сомнение обоснованность этих и подобных утверждений. Сложившийся к XIII в. у черкесов институт рабства носил ярко выраженный патриархальный характер. Мы не будем специально останавливаться на этом моменте, т.к. это явление уже было подробно прокомментировано в специальной литературе². Задачи исследования требуют от нас на

данном этапе наиболее полного определения понятия исторического феномена «черкесская работоторговля» в XIII—XV вв. В связи с этим, логично будет дать верное определение этого явления, изучить его основные механизмы и движущие силы, определить источники пополнения контингента рабов, проследить основные направления невольничьего трафика.

Отправной точкой нашего исследования является вопрос этнической идентификации так называемых «черкесских рабов» на невольничьих рынках Европы и Востока, определение размеров их присутствия и путей, по которым проходил невольничий трафик, начинавшийся в Черкесии.

Еще в начале XIX в. этнический термин «черкесы», под которым тогда были известны адыги, оставался в русской и иностранной литературе собирательным и не редко употреблялся в качестве общего наименования всех кавказских горцев³. Можно предположить, что в предшествовавшие эпохи, проблема с идентификацией кавказцев по этнической принадлежности была еще более запутанной. Поэтому все утверждения о значительном присутствии на невольничьих рынках именно черкесских рабов даже в первом приближении вызывают большие сомнения в их достоверности. Следует отметить, что точных данных об объемах и оборотах торговли людьми на Черноморском побережье Черкесии, или как ее еще именовали в этот период, Зихии, в предшествующую XIII в. эпоху не существует. Сведения, содержащиеся в немногочисленных источниках крайне скудны и отрывочны, в лучшем случае, ограничиваются констатацией самого факта наличия в торговом обороте невольников из числа черкесов.

Как уже говорилось выше, еще в XVIII — начале XIX вв. одной из наиболее крупных этнических групп на Северном Кавказе были адыгские народы. Средневековым авторам они были известны под терминами «адыге» и «черкесы», при этом адыге — самоназвание, а черкес — иноязычный этноним, встречающийся в источниках не ранее середины XIII в. Сам термин адыге входит в употребление не ранее 70-х годов XV в., до этого наиболее распространенным обозначением являлся термин зихи. Джорджио Интериано в своем описании Черкесии, которое вышло в Венеции в 1502 г., впервые использовал термин «адыге» наряду

с «зих» и «черкес». «Зихами — зовутся на народном греческом и латинском языках, татары и турки зовут их черкесами, и на собственном наречии имя им адиге»⁴.

Общеизвестно, что основной источник пополнения контингента рабов в Черкесии XIII—XV вв., это многочисленные локальные конфликты и войны с соседями. Кардинальные изменения геополитической ситуации в Прикавказских степях и в Причерноморском регионе в этот период неизбежно вели к многочисленным военным столкновениям всех со всеми, и черкесы в этом ряду не исключение. Вместе с тем сохранившиеся документы свидетельствуют, что захват черкесами пленников являлся не целью, а следствием этих столкновений. Войны, которые вели черкесы, были направлены прежде всего на сохранение собственных территорий и независимости. В основе большинства вооруженных конфликтов в этот период лежала борьба за контроль над важными стратегическими ресурсами, в том числе, и людскими, потому применительно к черкесским княжествам, прилагавшим неимоверные усилия в деле сохранения собственного суверенитета, торговля пленниками объективно может рассматриваться как средство этой борьбы, но не самоцель.

Захваченным пленным предоставлялось возможность выкупить себя на свободу. Если же его родня не могла набрать необходимую сумму, такой невольник навсегда переводился в статус раба с вытекающим отсюда поражением в правах.

Невольники у черкесов пополнялись так же за счет ясырей, регулярно поступающих от подвластных народов. Большая часть этих невольников вывозилась венецианскими и генуэзскими купцами на рынки Таны и Каффы, т. к. иного применения им в Черкесии не знали, а нужды натурального по своему характеру крестьянского хозяйства вполне обеспечивались самими черкесами без применения труда рабов.

Кроме того, из числа рабов-ясырей формировался выкуп, выплачиваемый черкесскими аристократами в определенных случаях, когда они не могли противостоять набегам крымских татар и предпочитали откупиться. Такие набеги случались довольно часто, известны случаи, когда в течении одного только года Черкесия дважды подвергалась подобным нашествиям

крымчаков. Современники по этому поводу отмечали: «Власти-тели Татарии имели обыкновение идти воевать дважды в год или по крайней мере хоть один раз, но подобные предприятия следовало бы скорее называть разбоем, чем войной. ... выступали до 100 тысяч человек приблизительно, направляясь либо в Польшу, либо в Московию или же в Черкесию»⁵. Сама Черкесия в этот период, даже объединив усилия разрозненных княжеств, вряд ли могла бы выставить сопоставимые силы.

Для самих крымчаков добыча рабов в описываемое время, являлась важнейшей доходной статьёй в масштабах государства. С похода за добычей и невольниками начиналось правление нового властителя Крыма. По словам Д'Асколи, татары, добравшись до неприятельских границ, делили войско на четыре части. Две или три тысячи воинов — телохранителей оставались охранять ханскую ставку. Далее «войско делится на несколько частей: 4 или 6 тысяч человек идут на право, столько же на лево, а прочие прямо переступают границу и там, расходясь по сторонам, в разных местах и одновременно забирают кто отца, кто мать, кто сыновей, кто дочерей, кто дядю, кто племянника; одни хватают мужа, другие молодую жену; одного отрывают от сохи, другого от жилища; так что ничего не слышно, кроме криков, плача и жалоб. Пленных, связанных веревками, закованных в цепи и кандалы, подвергают жестокому обращению и даже заставляют их усиленно идти пешком, погоняя палочными ударами...»⁶. Захваченные таким образом черкесы, вместе с русскими, поляками, грузинами и представителями прочих народов, угонялись татарами на невольничьи рынки Крыма.

Контингент «черкесских рабов» попадавший на невольничьи рынки пополнялся и из других источников, например, при заключении династических браков. Такой способ просуществовал вплоть до XIX в. и описан во многих источниках. Доминиканский монах Арканджело Ломберти, который состоял миссионером в Конгрегации театинцев в Мингрелии в середине XVII в. и, по его же словам, проживший на Кавказе 18 лет, в воспоминаниях оставил нам описание любопытного эпизода, раскрывающего нам его механизмы. «В мое время случилась свадьба между одишским владельцем и дочерью главного царя

всех черкесов, по имени Кашак-мепе. Посланники царя Кашака приехали в Одиши и от его имени объявили, что царь их желает этого брака и просит в подарок сто рабов, навьюченных различными тканями и коврами; сто коров, сто быков и сто лошадей. Тут, конечно, затруднения никакого не было, так как в противном случае брак не состоялся бы»⁷. По-видимому, слиянием этих двух противоположных направлений трафика рабов (из Черкесии, но не являющихся этническими адыгами, а также собственно черкесов, захваченных в набегах) и объясняется множественное упоминание последних на невольничьих рынках.

Другой, не менее важный аспект нашей проблемы тесно связан с изучением и анализом сохранившихся источников, имеющих отношение к «черкесской работорговле». И в этом нам, безусловно, поможет тщательное исследование материалов, имеющих отношение к истории рабства и работорговли в Европе в XIII—XV вв.

Указание на существование в Западной Европе в XIV, XV и последующих веках рабства как особого института и той роли, которая отводилась в нем невольникам, поставляемым с кавказского побережья, было впервые сделано Пардессю⁸, выделившим их в «особый класс», в противоположность крепостным крестьянам. Еще в 30-х гг. XIX в. он натолкнулся в статутах Венеции, Генуи и других местностей на ряд постановлений, регулировавших торговлю рабами и свидетельствующих, не смотря на официальный запрет, на ее значительное развитие в XIV и последующих веках.

Проникновение европейцев в Зихию происходит примерно в 30—40-е гг. XIII века. Первыми европейцами, посетившими земли черкесов были венгерские миссионеры, странствующие в поисках прародины своего народа. Они прожили среди зихов 50 дней, но никаких свидетельств о развитой торговле среди них не оставили. Затем последовали представители дипломатических миссий, направляемых Римским Папой ко двору ханов Золотой Орды (доминиканец Юлиан в 1340 г., Гильом Рубрук в 1253 г.). Проезжая в ставку хана, они вынужденно пересекали территории адыгских племен. Никаких сведений о черкесской работорговле их записи так же не содержат.

Причем, если Юлиан ограничился формальной отпиской, то Рубрук, у которого, по-видимому, было больше времени, подробно описывает ассортимент рынков черкесской Матреги, пользующийся спросом у западных купцов: это «сушенная рыба, а именно осетры, чебаки и другая рыба в беспредельном количестве»⁹. Упоминания о торговле людьми мы у него не находим.

Следующим по хронологии следует сообщение немецкого дворянина Иоганна Шительбергера (1381—1440 гг.). Именно в его записках впервые встречаются краткие сведения о работоторговле у черкесов, и именно этот персонаж является основоположником теории о распространении у них (черкесов) торговли собственными детьми. Сражаясь с турками в армии венгерского короля Сигизмунда, он в 1396 году попадает в плен к султану Баязиду I. Будучи в плену и перемещаясь в обозе турецкого войска, он получает уникальную возможность «ознакомиться со многими странами Европы и Азии, в том числе и с Кавказом (Черкесия, Дагестан, Азербайджан, Грузия, Армения)»¹⁰. Шительбергер пишет в своих воспоминаниях: «Item, земля черкесов, так же при Черном море, ... тем не менее, они злые люди, продающие язычникам собственных детей своих и тех, которых они крадут у других...»¹¹. Сообщение это имеет очень важное значение для понимания общей картины торговли людьми у черкесов, особенно в той его части, где говорится о продаже собственных детей. Речь здесь идет о бытовавшей в адыгском обществе в этот период традиции, которую условно можно обозначить как разновидность социального лифта в условиях патриархального общества. Молодые черкесы, стремясь изменить свой социальный статус, либо прославиться и добиться почестей и богатства, нередко покидали родину с целью поступления на воинскую службу. Как правило, их путь лежал на Восток. Бургундский дворянин Бертрандон де ла Броквиер, в 30-х гг. XV в. совершавший паломничество к святым местам и, в отличие от Штильбергера, не стесненный ни временем, ни свободой, получил возможность более близко познакомиться с этим феноменом. Встретив по дороге шестерых молодых черкесов, направляющихся на службу к султану в Каир¹² Ла Броквиер имел с ними продолжительную беседу и был поражен как честолюбием своих собеседников, так и весьма необычным, по мнению ев-

ропейца, способом ее реализации. Любопытный эпизод, наглядно иллюстрирующий отношение черкесов к работоторговле как к форме социального лифта содержится в хронике придворного летописца мамелюкских султанов Бен Ийаса. Он рассказывает о прибытии в Каир некоего пожилого черкеса с двумя сыновьями. Желая вырастить их настоящими воинами, черкес продает их в школу для мамлюков, сам же поступает инструктором в соседнюю¹³. В большинстве случаев родители не могли лично сопроводить детей, потому посреднические услуги оказывали заезжие купцы. Суть договора сводилась к обязательству купца доставить мальчика в Каир, а попадет он в гвардию султана или нет, зависело от личных качеств кадета. Формально купец приобретал ребенка у родителей и в случае неудачи имел право распоряжаться им по своему усмотрению. Но за соблюдением договора внимательно следили черкесские мамелюки Каира, кровно заинтересованные в пополнении своих рядов именно из числа земляков. Других возможностей возвыситься у мальчиков из крестьянских семей просто не было. По-видимому, свидетелем заключения такой сделки и стал Шительбергер, который не понимал до конца смысла происходивших событий и сделал скоропалительные выводы, весьма далекие от сути происходивших на его глазах событий. Нет сомнений, что черкесы решили воспользоваться случаем прохода турецкого войска, в обозе которого следовал немецкий дворянин, для устройства военной карьеры своих сыновей.

Примечательно, что большинство авторов, лично посещавших пределы черкесов в этот период, практически не упоминают о наличии здесь развитой торговли невольниками, тем более собственными детьми. Иосафат Барбаро, по некоторым данным, посол Венецианской республики в Тана в 1436—1452 гг., лично посетил черкесское княжество Кремух. В его описаниях встречается подробный перечень основных товаров черкесов: «Земля их изобилует хлебом, скотом и медом...»¹⁴. Но опять-таки никаких сведений о торговле людьми нет. Мог ли торговый консул Венеции — одного из основных европейских поставщиков рабов в этот период, не упомянуть о таком важном моменте?! Тем не менее в мемуарах венецианца нет никаких упоминаний о продаже невольников, тем более «собственных детей», о чем поведал Шительбергер.

Справедливости ради, стоит отметить, что термин «раб» в соседстве с этнонимом «черкес» все же встречается у Барбаро. Венецианец рассказывает о некоем католическом монахе, жившем в Тане. Занимаясь торговлей птиц, тот настолько разбогател, что смог купить себе мальчика — черкеса, крестил его и со временем сделал монахом¹⁵. Как мы видим, Барбаро лишь констатирует факт покупки раба — черкеса. Кроме того, находясь в качестве торгового представителя Венеции в крупнейшем торговом центре — Тане почти 20 лет и собирая всю информацию имеющую интерес для купечества своей родины, Барбаро нигде не упоминает о масштабной работорговле, якобы процветавшей у черкесов.

Рассказ Барбаро подтверждается известным свидетельством Ибнфаддаллаха Эломари, секретаря египетского султана Эльмелик—Эннасыра¹⁶, но и в этом сюжете никаких упоминаний о работорговле среди черкесов мы не находим.

Следует констатировать, что скудные и порой обрывочные источники оставили много места для некорректной и предвзятой интерпретации понятия «черкесская работорговля». Весьма показательны в этой связи результаты исследований видного французского ученого XIX в. Э. Примоде, занимавшегося изучением истории торговли в Левантийском и Причерноморском регионах. Основываясь на сохранившихся документах, он пишет, что именно генуэзцы и венецианцы занимались и торговлей невольниками, покупали их на Кавказе и перепродавали египетскому султану. Дербент, по мнению Примоде, был самым важным рынком невольников и сборным местом купцов гиланских, ширванских, хазарских и многих других стран. Туда привозились невольники даже из России, отмечает автор¹⁷. Тана, где египетский халиф имел своего консула, так же как и в Дербенте, была одним из первых рынков этой гнусной и бесчеловечной торговли.

В 1432 г. генуэзский дворянин по имени Имперiale был в Каффе поставщиком невольников для султана. По ходатайству генуэзцев каирские владельцы получили от константинопольского императора дозволение плавать по Черному морю и каждый год посылали туда два корабля. Груз невольников, привозимых на этих кораблях в Египет, большую часть составляли

черкесские и грузинские мальчики, которые назначались в службу мамелюков. Откуда автор почерпнул сведения именно о черкесских и грузинских рекрутах не ясно, русский текст издания Примоды, вышедший в 1848 г. примечаний не содержит. Но автор тем не менее продолжает: «Некоторые из этих несчастных продавались сами, других продавали родители, а **большею частью** ими торговали итальянские купцы. Народы Кипчака и Кавказа, говорит один древний арабский писатель, всегда готовы были продать своих дочерей, но сыновей продавали только в том случае, когда голод или война отнимала у них все другие средства к пропитанию»¹⁸. Здесь и далее можно наблюдать некорректное цитирование автором первоисточника. «Арабский писатель» приводимый Примодой — это Ибнфаддаллах Эломари, но сам Эломари выразился несколько иначе: «Во время голода и засухи они (выше говорилось о Русских и Тюрках) продают своих сыновей. При избытке же они охотно продают своих дочерей, но не сыновей, детей же мужского пола они продают не иначе, как в крайности»¹⁹. Т.е., прекрасно наслышанный о черкесах, секретарь египетского султана Эльмелик — Эннасыра именно в этом месте своего сочинения говорит о совершенно других народах, не имеющих отношение к кавказским. Далее, имея в виду степняков — татар, Эломари продолжает: «многие из степных жителей этого государства одеваются в шкуры... По временам, когда в иные годы они находятся в стесненных обстоятельствах, они продают детей своих, чтобы на выручку с них прокормить себя, и говорят относительно тех из детей своих, которых они продают: «лучше остаться в живых нам и ему (дитяти), чем умирать нам и ему»²⁰. Черкесы в данном разделе, как мы видим, не упоминаются вовсе, тем более в связи с продажей собственных детей. О них говорится дальше, в том месте, где Эломари повествует о сопротивлении кипчакам соседних народов. «Хотя они, Кипчаки, одержали верх над ратями Черкесов, Русских, Маджаров и Ясов, но эти народы похищают детей их и продают их купцам»²¹. Таким образом, арабский хронист сообщает о действиях дружин четырех народов, но Примода по неизвестным причинам предпочел не заметить и этого, возложив всю вину за торговлю пленниками исключительно на черкесов.

Развивая свою мысль, далее Примоде приходит к поразительному выводу, характеризующему экономику Черкесии периода средневековья, далеко не с самой лучшей стороны: «Вообще, главную торговлю Черкесии составляли невольники. Черкешенки большею частью были прекрасны, стройны и обворожительны; мужчины почти все отличались высоким ростом и были хорошо сложены. Цена невольников была неодинакова: красота, возраст, здоровье и различие должностей, к которым они предназначались, определяли их цену. Вместе с тем французский ученый возлагает часть ответственности за поступление черкесских рабов на прикубанских татар! «Прикубанские татары, ведя непрерывные войны с черкесскими племенами, забирали на Кавказе женщин и детей и толпами приводили их в Тану, где и продавали христианским купцам за самую ничтожную цену»²².

Это место у Примоде вызывает особенно много вопросов. Начнем с того, что это заимствование из труда другого известного французского ученого и дипломата Карла Пейсонеля, и относящегося ко второй половине XVIII в.: «Рабы являются одним из главных предметов торговли Чересии» и далее²³. Ситуация с торговлей невольниками у черкесов, описанная Пейсонелем, не соответствовала да и не могла соответствовать в силу объективных причин реалиям XIII—XV вв. Как свидетельствуют письменные источники и результаты археологических исследований, уже к X в. ведущей отраслью экономики адыгских народов было пашенное земледелие. Довольно развитым было и скотоводство, а оружие и доспехи, встречающиеся в погребениях, позволяют сделать вывод о наличии высокоразвитого ремесла²⁴. Нашествие монголов могло несколько замедлить процесс экономического их развития, но уже в начале XIV в., по сведениям, собранным Эломари, ситуация с земледелием, скотоводством и торговлей в Черкесии нормализовалась.

Нет сомнений, что Примоде, знакомый с трудами арабского путешественника Ибн-Батуты, бывавшего в столице Золотой Орды в начале XIV в., не мог не знать о наличии в городе отдельного черкесского рынка, упоминаемого арабским хронистом²⁵. Этот черкесский рынок, наряду с византийским, кыпчакским и русским, с большой долей вероятности, специализировался на

товарах и изделиях ремесла своей страны, а вовсе не невольниками, перегонять которых в Сарай не было никакого экономического смысла. Логичным объяснением столь странного небрежения Примоде записями арабского хрониста мы не располагаем, можно лишь допустить, что использование французским ученым сведений Ибн-Батуты, могло разрушить его стройную концепцию гипертрофированной «черкесской работоторговли». Кроме того, ученый намеренно или неосознанно путает крымских татар с ногайцами, которые закрепились в Прикубанье только в XVI в., т.е. примерно через столетие после падения венецианской Таны, и потому в XV в. никакие «Прикубанские татары» не могли «толпами» приводить черкесский полон на рынки этой венецианской фактории.

В XIII столетии сначала Венеция, Пиза, Амальфи и Генуя налаживают торговые связи с Сирией и Палестиной, затем Египтом. Их купеческий флот получает право вести торговые операции на побережье Черного моря. Итальянцы, по словам И. Лучицкого, застали здесь уже существовавшую обширную торговлю рабами. Она производилась главным образом, с Египтом, куда татары отправляли целыми партиями плененных ими русских, кавказских горцев и т.д., пополнявших собою ряды войск и гаремы египетского султана²⁶. Комментируя этот факт, В. Гейд отмечал: «Уже с давних пор было принято у мамлюкских султанов, которые правили с середины XIII в. в Египте, набирать свою армию путем выкупа рабов из северных областей, так как жители Египта сами менее приспособлены к ведению воин. С другой стороны, гаремная жизнь тех султанов и их знати требовала постоянно свежих поставок рабынь»²⁷. Примечательно, что ни Лучицкий, ни тем более Гейд, который по праву считался одним из лучших специалистов по Левантийской и Черноморской торговле, в своих публикациях никаких сведений об участии в работоторговле непосредственно черкесов, либо других кавказских народов не приводят.

Торговые представители султана, пользовавшиеся правом, пожалованным им византийским императором Михаилом Палеологом, ежегодно являлись в Крым за живым товаром. Образование итальянских колоний в Тане, Каффе и т.д. в начале

не изменило ни в чем характера торговых отношений Египта с черноморскими странами. Торговля рабами лишь сосредоточилась в этих городах, как наиболее удобных гаванях. Тем не менее по словам Гейда, работорговля в прибрежных территориях Черного моря в этот период достигает высочайшего расцвета. Агенты султанов, которые хотели выкупить рабов, выбирали своей целью, в первую очередь, особенно северное побережье Черного моря, а султан Бибарс сумел благодаря послам и подаркам склонить императора Византии Михаила Палеолога, который, очевидно, не осознавал важности дела, разрешить египетским торговым судам проходить через Босфор; за год это было одно судно, которое должно было отправиться к Черному морю и обратно, но иногда их было два, а грузом, который они переправляли, были рабы, благодаря которым власть султанов стала значительно сильнее. Торговля этим товаром не могла быть нигде более прибыльной, чем здесь, заключает автор²⁸.

Итальянские колониальные власти ограничивались одним надзором за продажей рабов. Но затем выгодность торговли заставляет их сначала обложить пошлиною покупаемых рабов, а потом и забрать торговлю рабами в свои руки. Со второй половины XIII в. итальянские и, главным образом, генуэзские купцы ведут уже деятельную торговлю рабами, продолжая по-прежнему вывозить их в Египет. Они даже расширяют ее, пользуясь правом торговли с Арменией, с которой Генуя заключает торговый договор в 1288 г. Этот договор обеспечивал им получение нового контингента рабов. Армения вполне дозволила им эту торговлю, стыдливо оговорив лишь одно условие, контролировать соблюдение, которого, впрочем, у нее не было никакой возможности, а именно — не продавать рабов сардинцам.

Обширный рынок рабов образовался в Италии. И это было в то время, когда «торговле рабами на западных побережьях Средиземного моря был нанесен сильный удар вследствие побед христианских государств над сарацинами и маврами. Отнятие у сарацин Корсики, а затем Сардинии, отнятие у них еще раньше Сицилии, завоевание христианскими королями Пиренейского полуострова сузили размеры рынка раньше, чем явился к услугам итальянцев черноморский рынок рабов»²⁹. Понятно,

что с прекращением рабства среди европейского населения спрос на рабов естественно должен был быть перенесен на лиц чужой веры, чужой национальности. Образование крупной поземельной собственности необходимо вызывало потребность в большом количестве рабочих рук, и спрос на рабов должен был вырасти. До середины XIII в. он удовлетворялся привозом рабов из Испании и Африки. В XIV и XV вв. рабов стали получать из совершенно иных местностей, хотя уже по иным побуждениям и для удовлетворения иных потребностей.

В соответствии с неписанными традициями этого времени, христианин имел право считать любого «неверного», подавшего под его власть, своим рабом. И эти «неверные», т.е. представители других конфессий, были основным объектом их торговли. Особенно большое количество иностранных рабов, которые привозились в Европу, происходили из государства Кипчак и принадлежало либо к татарам, либо к одному из покоренных последними народов, которых нередко также называли «татарами». Русских и черкесов было намного меньше; за ними следовали в еще меньшем количестве турки, сарацины, (египтяне и сирийцы), татары, славяне и греки. Рабы из Причерноморья поступали на невольничьи рынки бесперебойно и в больших количествах. Например, татары, по словам Гейда «не единично, а целыми семьями» привозились в Венецию, служившую важнейшим перевалочным пунктом в мировом рабском траффике.

Понятно, что преобладание Генуи и Венеции на этом последнем рынке сделало из этих городов главные центры торговли рабами в Италии XIII—XIV вв. Уже отсюда получали невольников остальные итальянские города. Туда же являлись агенты от них для закупки рабов, т.к. в Венеции и Генуе куда рабов привозили сотнями и тысячами, рынок всегда был полон. И. Луцицкий, ссылаясь на данные итальянского историка и архивиста Чибарарио, который свои выводы основывал на документах казенного сбора с рабов в Генуе, исчисляет количество рабов, находившихся на генуэзском рынке в 1397 г. в 3400; в 1458 г. — в 1800 человек, для 1472 г. и 1476 г. в 1000 человек. В 1368 г. году, например, количество привезенных рабов было настолько значительно, что венецианское правительство, опасаясь беспорядков с их

стороны и возможного восстания, прибегло к массовым телесным наказаниям для усмирения рабов³⁰. Но это сосредоточение рынков лишь в двух городах влекло за собой большие неудобства для остальных городов Италии. Дело продажи рабов было обставлено так, что в Венеции, например, разрешение продавать рабов в другие города давалось лишь в том случае, когда спрос местных жителей был вполне удовлетворен.

К концу XIV в. к двум уже существующим добавился третий рынок работорговли. Флоренция вышла победительницей из длительной борьбы с другой торговой республикой — Пизой — за право доступа к морю. А укрепившись на морских магистралях, поспешила открыть собственный невольничий рынок, суливший большие барыши флорентийским купцам и соответственно, значительные доходы в городскую казну.

Рабы продавались не только в Европе, но и в Азии и в Египте, где спрос на них и для военных надобностей, и для гарема был постоянный. Мужчин всегда можно было продать в Египте, куда ежегодно доставляли до 2 тыс. рабов, женщин, на которых спрос был сильнее в Европе, — в Италии³¹.

Если говорились о соотношении полов, то тут выявляется значительное различие невольничьего траффика в Египет и в Европу. В Египте наибольшим спросом пользовались невольники мужского пола, так как, в основном, из рабов набирали армию. В Европе предпочитали девушек, в силу того, что «мягкий нрав их подходил для содержания их в доме, так как домашние работы выполнялись ими лучше, чем мужчинами, так как они легче обучались рукоделию, так как они могли лучше удовлетворить любые прихоти своих хозяев»³². Кого из них ожидала лучшая участь, рабов в Египте или рабынь в Италии, сказать нелегко. Одни находились в жестоких условиях, пока оставались в положении рабов, но они могли подняться до высоких титулов в армии, даже до султанского трона. Другие, конечно, были в более легких условиях, они часто получали свободу, при жизни хозяев или после их смерти, на основе письменного распоряжения, но они продолжали жить среди чужого народа.

По данным Лучицкого, дешевле всего ценились татары. Именно татары в наибольшем количестве поступали на рынки

Европы в наибольшем количестве, потому и цена на них была относительно небольшой. Их покупали за 139 лир. Лишь в одном случае, в XV в., за 16 летнюю татарку заплатили 1684 лиры. Дороже всего ценились русские женщины. Так, в 1429 году 17-летняя русская девушка была приобретена за максимальную цену — 2093 лиры. Для сравнения: 4 года спустя на том же рынке за целую татарскую семью, состоявшую из мужа, жены, и двух детей, заплачено 2738 лир. В 1425 г. году 24 русская рабыня была выкуплена за 1684 лиры³³.

Ниже по цене стояли черкешенки. Цены на них колебались от 842 до 1459 лир. Только в итальянской Лукке в XIV в. цены на черкешенок составляли от 2000 до 2400 лир³⁴.

Рабыни приобретались в качестве домашней прислуги. Служба, при условии перехода ими в христианство, продолжалась от 8 до 10 лет, затем они получали свободу. Покупать и содержать в прислугах рабыню могли позволить себе лишь состоятельные семейства. Наличие в доме рабыни, как правило, свидетельствовало о высоком доходе и социальном статусе хозяев и не могло быть широко распространенным явлением. Знатная флорентийка сеньора Strozzi в письме сыну от 13 сентября 1465 г. пишет: «Мне пришла мысль, что раз ты женишься, тебе необходимо будет взять рабыню... Какую-либо татарку, которые все выносливы в работе, или черкешенку, отличающуюся, как и все ее соплеменницы, здоровьем и силою, или русскую, т. е. из России, которые выдаются своей красотой и сложением. По моему мнению, лучше взять татарку»³⁵. Очевидно, красота и сложение являлись наиболее сильными элементами, влиявшими на цены. Кроме того, цены на женщин превосходили цены на мужчин. К XIV в. эта разница в цене становится более ощутимой. Документы свидетельствуют, что в этот период на 500 лир можно было приобрести около пяти рабов, либо одну рабыню. Как замечает И. Лучицкий, раб ценился ниже рабыни, да сверх того и спрос на раба был в Италии гораздо более слабым, чем на рабынь³⁶.

Подражая знатым родам, наиболее зажиточные итальянские буржуа стремились иметь в собственности рабов. У пекаря пирожков в Вигевано была даже черкесская рабыня (1465), как у Марко Поло была рабыня татарского происхождения³⁷.

Общую картину дополняет сообщение Гейда: «на большой рынок в Каире ежегодно попадало около 2000 мамлюков через Дамиэтте или Александрию, где султан оценивал их стоимость при помощи опытных оценщиков. Наивысшую цену давали за татар, один стоил 130—140 дукатов; за черкесов давали 110—120, за греков примерно 90, за албанцев, славян, сербов — 70—80 дукатов. Торговцы получали не только выгоду, но и особо награждались, так как, теперь они служили Исламу», — заключает автор³⁸.

Опираясь на исследования Пардессю, Гейд утверждал, что для транспортировки рабов использовались корабли, относительно которых действовал закон о мерах против переполнения судна. В соответствии с этим установлением такой корабль мог взять на борт с одной палубой не более 30, двухпалубное судно — только 45, трехпалубное судно — лишь 60 человек³⁹. Учитывая трудности навигации Черного моря, а также малую вместительность кораблей этого времени, Черноморский трафик рабов, в том числе и черкесов, просто не мог быть сколь-нибудь значительным. Вызывает большие сомнения и тот факт, что 2000 рекрутов, поставлявшихся ко двору султана, были большей частью с побережья Кавказа, т.к. в этом случае около 20 средних торговых кораблей итальянцев вынуждены были бы не менее двух раз за навигацию выполнять перевозки исключительно рабов. Но о подобных специализированных перевозках ничего не известно. Наоборот, в большинстве случаев, как видно из нотариальных актов, торговля рабами являлась скорее побочным занятием для итальянских купцов средней руки и богатых ремесленников. Это же подтверждается и данными Братиану⁴⁰.

Из генуэзских актов с 1192 по 1320 гг. видно, что наибольшее число рабов было взято из Валенсии, еще подвластной тогда маврам; 12 проданных рабов — жители Валенсии, 8 — Мурсии, 4 — Хативы, ...1 — турок, 3 — татарина, 3 — русских, 4 — кавказца⁴¹.

Из таблиц продажи рабов, составленной для периодов времени с 1247 по 1259 гг., затем с 1363 по 1394 гг. и, наконец, с 1401 по 1491 гг., можно вывести еще более интересные заключения. В течении времени с 1247 по 1259 г. в Генуе было заключено 50 сделок по покупке рабов. Из этих рабов — 21 на-

званы сарацинами. Остальные — преимущественно из Испании и всего 1 из Сардинии (в 1249г.), что указывает здесь на прекращение торговли рабами вследствие перехода Сардинии под власть Италии. Из всех этих данных обнаруживается, что главный контингент рабов в XIII в., особенно в первой половине, составляли западные побережья Средиземного моря⁴².

XIV век представляет уже совершенно иную картину. Национальный состав рабов резко изменяется. Испания уже не доставляет больше живого мяса, — оно получается, преимущественно, с берегов Черного моря. С 1363 по 1399 гг. в Генуе зафиксировано 25 случаев продажи рабов, из них — 24 татары, 1 — грек. Для XV в. изменения еще резче. За этот период в нотариальных актах проданными значатся: 8 — татар; 7 — русских; 5 — кавказские горцы; 2 — негры; 1 — турок. Очевидно, что продажи татар, преобладающие в XIV в., уступают место по численности продажам русских и иных рабов, замечает Лучицкий⁴³.

Это предположение подтверждается данными с невольничьих рынков Флоренции. Там за период с 1366 по 1397 гг. зафиксировано 339 случаев покупки рабов, из которых 259 татары, 27 — греки, 7 — русские, 7 — турки, 3 — славянины, 3 — кавказские горцы, 2 — боснийцы, 1 — араб, 1 — кандиец. В XV в., как уже говорилось выше, положение кардинальным образом меняется. «Число татар и татарок заметно уменьшается, наоборот увеличивается число рабов славян: сербов, болгар, русских, а так же греков и албанцев»⁴⁴. Рабство, существовавшее в Италии в XIV и XV вв., характеризуется тем, что главный контингент его состоял из женщин в возрасте в возрасте от 16 до 30 лет, т.е.: «в возрасте полного развития сил, ловкости, свежести и красоты»⁴⁵. Рабы покупались и предназначались исключительно для службы в доме в качестве прислуги.

К первой половине XV в. приток рабов в Италию значительно сокращается. В 1459 году венецианский сенат говорит об этом, как о крупном событии дня, несмотря на то, что количество рабов, находившихся в то время в Венеции и вывозимых из Африки и татарских земель, доходило до 3 тысяч⁴⁶. Опять же, если суммировать известные данные, нет никаких причин полагать о наличии в этот период сколь ни будь масштабных по-

ставок кавказских рабов на невольничьи рынки Европы и Азии. Наоборот, документы свидетельствуют об обратном. Тем более, нет никаких достоверных свидетельств о поступлении на эти рынки именно черкесских невольников. По-видимому, такое явление как «черкесский раб» есть ни что иное, как хитрый маркетинговый ход европейских работорговцев, желавших использовать легенды о бесстрашных черкесских мамлюках Египта и прекрасных черкешенках турецких гаремов в своих финансовых предприятиях.

Подводя общие итоги, можно утверждать, что под работорговлей у черкесов следует понимать не узконаправленные финансовые операции, имеющие своей конечной целью лишь извлечение прибыли, а совокупность разнообразных социально-политических и экономических институтов, объединенных активным использованием в своих интересах такого инструмента, как невольничий рынок. Главным образом он использовался черкесами в качестве «социального лифта», юридического оформления рекрутинга и как способ избавления от избыточного числа пленников, захваченных в ходе войн и локальных конфликтов, т.к. потребности в широком использовании рабского труда экономика Черкесии не испытывала. Рабы, поступавшие из Черкесии, вливались в Черноморский трафик рабов, который уже с XIII в. становится важнейшей составной частью мировой торговли невольниками. Вплоть до конца XV столетия он находится под контролем, преимущественно Венеции и Генуи. Главные его направления — Египет и Италия. Очевидно, что основной контингент рабов состоял из пленных, захваченных татарами в ходе набегов на Русь, Польшу, самих татар, а также частично населения кавказских княжеств. Никаких достоверных данных, позволяющих говорить о преобладании среди этих рабов именно черкесов, нами не выявлено. Вопреки утверждениям позднейших авторов, на европейских рынках наибольшим спросом пользовались невольники, захваченные на африканском континенте, средиземноморском побережье и только затем доставляемые с берегов Черного моря славяне, татары и представители кавказских народов. Удельный вес последних был значительно ниже удельного веса невольни-

ков — татар. Устоявшееся в науке мнение о гипертрофированных масштабах черкесской работорговли является результатом некорректной интерпретации источников и документально не подтверждается.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. Зевакин Е.С. Пенчко Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний // Исторический вестник Вып. № V. Нальчик 2007. Бадян В.В. Чипперис А.М. Торговля Каффы в XIII—XV вв. // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев. 1974; Бетфозов Р.Ж. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик. 1991.

2. Бетфозов Р.Ж. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик, 1991.

3. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1967. С. 3.

4. Интериано Джорджио. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование / Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик, 1974. С. 46.

5. Д'Асколи. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик, 1974. С. 123.

6. Д'Асколи. Там же. С. 124.

7. Ломберти Арканджело. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией, в котором говорится о происхождении, обычаях и природе этих стран // Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 58.

8. Pardessus. Collection de lois maritimes anterieures au XVIII s. Paris, 1824—45, в 6 томах.

9. Гильом Рубрук. Путешествие в восточные страны Вильгельма Де Рубрука в лето благодсти 1253 // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. / под ред. В.К. Гарданова. Нальчик, 1974. С. 35.

10. Иоганн Шильтбергер. Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 г. // Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 38—39.

11. Иоганн Шильтбергер. Указ. соч. С. 38—39.

12. Имидж черкеса в книге бургундского путешественника первой половины XV века Бертрандона де ла Броквиера // Хотко С.Х. Очерки истории черкесов. СПб., 2001. С. 414.

13. Бен Ийас. Книга истории Египта, известной редкими цветами в событиях веков (на арабском).

14. *Иосафат Барбаро*. Путешествие в Тану Иосафата Барбаро, венецианского дворянина // Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 42.
15. Там же.
16. *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884. С. 231.
17. *Примодэ Э. Де Ла.* Торговля итальянцев в XIII и XIV столетиях // Сын Отечества. Кн. 9—10. СПб. 1848. С. 37.
18. *Примодэ Э. Де Ла.* С. 37.
19. *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884. С. 241.
20. *Тизенгаузен В.* Указ. соч. С. 231.
21. Там же. С. 234.
22. *Примодэ Э. Де Ла.* С. 39.
23. *Пейсонель К.* Трактат о торговле на Черном море // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. / под ред. В. К. Гарданова. Нальчик, 1974. С. 197.
24. *Бетфозов.* С. 113.
25. *Тизенгаузен В.* С. 306.
26. *Луцицкий И.* Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV и XV вв. Киев, 1886. С. 12.
27. *Heyd W.* Geshichie des Levantehandels im mittelalter. Т. 2. С. 543
28. Там же. Р. 544.
29. *Луцицкий И.* С. 12.
30. Там же. С. 13.
31. Там же.
32. *Heyd W.* С. 549.
33. *Луцицкий И.* С. 19.
34. Там же. С. 20.
35. Там же.
36. Там же.
37. *Heyd W.* Р. 548.
38. Там же. Р. 546.
39. Там же. Р. 547.
40. *Bratiani С.* Actes des notaries genois de Pera et de Caffa de la fin du troizime siècle. Bucrest, 1927.
41. *Луцицкий И.* С. 14.
42. Там же. С. 15.
43. Там же.
44. Там же. С. 15.
45. Там же. С. 22.
46. Там же. С. 55.

ЧЕРКЕССКОЕ КУПЕЧЕСТВО КАК СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ XIV–XVII вв.

Обширный комплекс имеющихся нарративных и этнографических материалов, характеризующих социально-экономическое развитие черкесов периода XIV–XVII вв., отрицает наличие в традиционном черкесском обществе сословия купцов. Объясняется это, как правило, господством натурального хозяйства и слабо развитой экономикой, вследствие чего товарно-денежные отношения так и не получили достойного развития. Такое положение вещей было закреплено также и нормами традиционного обычного права «Адыга Хабза», категорично табуирующего любые действия, направленные на извлечение материальной, и тем более, финансовой выгоды. Эти неписанные нормы, были обязательны к исполнению, в первую очередь, представителями адыгской аристократии и их ближайшего окружения, а за тем уже простыми общинниками. Что касается знати, то единственным занятием, подобающим ее статусу, на протяжении веков оставались традиционные война и охота.

Торговые операции внутри страны, как это явствует из некоторых источников, осуществлялись преимущественно представителями других национальностей — татарами, турками и армянами, которые вплоть до XIX столетия монополизировали сферу торговых отношений в Черкесии, в связи с чем складывается впечатление, что такой социальный слой, как черкесские купцы, действительно никогда не существовал.

Но так эта картина выглядит только в первом приближении. Анализ документов XIV–XVII вв. позволяет пересмотреть это устоявшееся в науке мнение. Черкесские купцы достаточно хорошо известны арабским, европейским и российским источникам уже с XIV в. Ибн-Батута, посещавший

Золотоордынскую столицу Сарай в начале XIV в., застал в городе, наряду с византийским, русским и прочими, отдельный черкесский базар¹. На всем протяжении XIV и XV столетий черкесские купцы — частые гости на рынках Каффы, Трапезунта, Бахчисарая, Каира и других крупнейших восточных центров торговли.

Вместе с тем Джорджио Интериано, посетивший Черкесию в конце XV в. никаких значимых сведений о купцах не приводит. Черкесская торговля в его описании носит примитивный меновой характер: «И так как в этой стране не употребляется и не имеется в хождении никакая монета (деньги) особенно внутри страны, то их сделки совершаются на бокасины, т.е. куски полотна на рубаху, и они оценивают всякую вещь для продажи и ценность всех товаров измеряется в кусках материи»². Свидетельство Интериано как очевидца крайне важно для понимания положения купцов в черкесском обществе. Итальянский путешественник аккуратно фиксирует господствующий в общественном мнении черкесов императив: «Они держатся того мнения, что никто не должен считаться благородным, если о нем имеются слухи, что он когда-либо занимался недостойным делом, хотя бы то был [человек] из самого древнего, даже царского рода. Они хотят, чтобы дворяне не занимались никакими торговыми делами, исключая продажи своей добычи, говоря — благородному подобает лишь править своим народом и защищать его»³. Интериано ясно дает понять, что концептосфера черкесов отрицала возможность занятия торговлей. Коммерческие операции воспринимались обществом, как нечто постыдное, недостойное, а потому предосудительные.

Таким образом, можно сделать вывод, что занятие торговлей противоречившее, в первую очередь, рыцарскому этикету черкесской знати, и нормам поведения любого члена общества, являлось предосудительным, и невозможным. В условия господства натурального хозяйства, даже изготовление оружия и доспехов не могло иметь характер торгового производства. В связи с этим само существование у черкесов такой социальной страты, как купечество, вызывает большие сомнения.

Описанная Интериано ситуация сохранялась в Черкесии и в XVII столетии. Это наглядно иллюстрируют мемуары католического монаха Д'Асколи, возглавлявшего в 1624–1634 гг. доминиканскую миссию в Каффе. Он упоминает о неких местных «купцах». Говоря о положении дел в современной ему «Чиркасии», доминиканец отмечает, что «деньги давать не принято, даже среди купцов, но существует обмен вещей⁴. Т.е., денежный оборот, хоть и незначительный, в стране явно присутствует, как и купцы, что собственно и засвидетельствовал Д'Асколи, но торговля преимущественно носит характер бартера. Фраза «не принято» в данном случае явно выходит за рамки экономической соразмерности и ее следует понимать, как императив традиционного общественного уклада.

Это общественное неприятие и отрицание торговли как явление относится к одному из наиболее труднообъяснимых культурных архетипов традиционного черкесского общества. Налицо превалирование общественного мнения над экономическими интересами. Торговля в соответствии с нормами обычного права «Адыга Хабза» воспринимается черкесами как занятие постыдное. Торговать, не умаляя при этом своего достоинства, черкес не может. Но поскольку совсем без нее обойтись нельзя, необходимо было искать пути обхода существующих запретов. Одним из возможных вариантов на протяжении столетий оставалась бартерная система. Противоречия между поведенческими нормами и экономическими интересами привели к утверждению меновой формы торговли внутри Черкесии. Вся коммерция сводилась к упрощенной и единственно возможной схеме, в рамках которой было возможно, не опасаясь обвинений в занятии «низким и недостойным делом», обменивать излишки своего хозяйства на необходимое. Нормы «Адыга Хабза» при этом никоим образом не нарушались.

Что же касается аристократии, то черкесский рыцарский кодекс «Уорк Хабза» накладывал на них дополнительные ограничения, препятствовавшие любым формам обогащения, помимо охоты и войны. Дворянин, уличенный в стяжательстве, рисковал подвергнуться общественному порицанию, потерять свой сословный статус. Подобная ситуация сохранялась вплоть до

середины XIX в., когда нормы обычного права черкесов, как и других кавказских народов, замещаются законами и уложениями Российской Империи.

Вместе с тем, если торговые операции между соплеменниками находились под негласным запретом, то ничто не ограничивало коммерческие отношения с иностранцами. Такая торговля отнюдь не возбранялась. Еврейские, армянские, турецкие и татарские купцы были частыми гостями в черкесских селениях. Сами черкесы, уже в качестве купцов, с конца XVI в. довольно часто встречаются на рынках сопредельных и дальних стран. И хотя общественный императив не изжит, черкесское дворянство, как и простое сословие, научилось обходить его строгие ограничения. «Кавказские наездники, — отмечал В. Броневский, — почитают неприличным торговать между собою, и думают, что благороднее отнятое подарить, нежели собственность продать. Но нужда побеждает однакож сей ложный стыд, и князя их, так-же как и простой народ, умеют торговаться и с выгодой продавать свои произведения только иноземцам»⁵. Наблюдение Броневского, относящееся к началу XIX столетия, характеризует формат черкесской торговли, складывавшийся на протяжении XVII—XVIII вв.

В условиях XIV—XVII вв. любое коммерческое предприятие в Черкесии даже для иностранных купцов неизбежно превращалось в малопривлекательное. К тому же выручку предстояло еще конвертировать в твердую валюту. Эта ситуация естественным образом тормозила развитие торговли, рост финансовых капиталов и экономику в целом. Вместе с тем, совсем обойтись без торговли было нельзя. Крестьяне нуждались в возможности продажи излишков своего хозяйства, а также приобретении тех продуктов, которые не могли изготовить самостоятельно. Аристократия Черкесии, основными занятиями которой на протяжении веков оставались наездничество и война, также была заинтересована в сбыте награбленной добычи и покупке предметов роскоши. Тем не менее реализация экономических интересов представителей различных слоев черкесского общества, как мы уже писали, жестко ограничивалась установками норм обычного права. В этой связи для предприимчивых черкесов,

пожелавших заниматься торговлей, оставаясь при этом в рамках общественных отношений, оставалось всего два пути: меновая торговля с соплеменниками или отходничество — перенос деятельности за пределы своей страны. В первом случае рентабельность коммерции была крайне низкой и не способствовала ни быстрому обогащению, ни накоплению капиталов, соответственно, этот путь для черкесских купцов являлся тупиковым. Второй — отходничество предоставляло им уникальную возможность торговать, формально не нарушая при этом норм обычного права и не подвергаясь общественному порицанию. Причем этот вариант устраивал так же и ремесленников, в основном оружейников и бронников, продукция которых из-за высокой конкуренции, на родине не находила должного сбыта.

В самом деле, в XVI—XVII вв. черкесские купцы, как и ремесленники - отходники, хорошо известны русским источникам, они — частые гости на рынках Астрахани и других крупных городов. В самой Астрахани уже к XVII в. имелся даже отдельный квартал черкесских ремесленников: «В Астрахани занимались деланием булатных сабель и панцирей; особенно этим искусством отличались черкесы, там жившие. Царь Алексей Михайлович приказал их истребовать к себе в Москву»⁶.

Эти купцы не сливались с местным населением и продолжали позиционировать себя черкесами. По-видимому, сохранению этнической идентичности способствовал тот факт, что, не смотря на свою вынужденную профессиональную эмиграцию, представители черкесского купечества поддерживали тесные связи с исторической родиной. Существование купцов как отдельного сообщества вне традиционного общества, но при этом не утративших с ним связь и позиционирующих себя как его часть, является характерной чертой черкесского купечества.

В документах того времени «горские черкесы» регулярно упоминаются среди «восточных» купцов, прибывающих для торгова в порубежные города и Москву⁷. В Торговом Уставе 1667 года, разработанном А.Ф. Ордин-Нащокиным, черкесские торговцы, наряду с кумыками, бухарцами и «астраханскими жителями»,

вынесены в отдельный список купцов, подлежащих особым правилам налогообложения⁸, что говорит о значительном их присутствии на русских рынках. Наконец, имеем распоряжение о торговле с Россией «Горских Черкасов и Узденей» царя Алексея Михайловича, указ от 23 апреля 1672 г. о сборе таможенных пошлин по Новоторговому уставу с товаров, вывозимых ими⁹.

Вопросу налогообложения черкесских купцов, прибывающих для торговли в русские города и поселения, отводится особое место и в указах Петра I. В инструкции окольному князю Волконскому, отбывающему на Терек в мае 1697 г., в исчерпывающей форме предписывается: «... а к Черкасским Князьям и Мурзам держать честь, а к Узденям и Черкесам ...ласку и привет и бережение». Вместе с тем Волконскому вменялось в обязанность строго следить за торговыми операциями, с целью воспрепятствования беспошлинной торговле и контрабанде, в которой неоднократно были замечены представители черкесской аристократии и «черкесские торговые люди»¹⁰.

Все эти факты, собранные вместе, свидетельствуют не только о регулярных торговых связях России и Черкесии, но и подтверждают предположение о существовании страты черкесских купцов и в XVII в. Эти «горские черкасы» вместе с «узденями» — дворянами, регулярно прибывающие для торгова в Москву и другие русские города, по-видимому, и являлись теми «черкесскими купцами», свидетельства о которых встречаются в арабских источниках с XIV в., а в европейских и русских источниках — с XVII в. Если их этническая принадлежность не вызывает никаких сомнений (об этом прямо говорится в Торговом Уставе 1667 г.), то проблема их социальной идентификации требует своего дальнейшего изучения.

Таким образом, подводя краткие итоги, можно утверждать, что на рубеже XIV—XVII вв. в Черкесии сообщество торговцев в силу объективных причин, выразившихся в общественном поприщании и неприятии торговли, не сумело оформиться в профессиональное сословие — купечество.

Вместе с тем наличие черкесских купцов достоверно зафиксировано письменными источниками уже в XIV в. Существование страты черкесских купцов прослеживается на протяжении

XIV–XVII вв. Тем не менее, статус купечества как сословия не получил своего окончательного оформления в черкесском обществе.

Под «черкесскими купцами» упоминаемыми в документах XIV–XVII вв. следует понимать сообщество дворян, купцов и ремесленников-отходников, объединенных необходимостью вести свои дела за пределами Черкесии. На протяжении XIV–XVII вв. черкесские «торговые люди» активно ведут свои дела на рынках Турции, Персии, Грузии и России. В сопредельных странах их сословный статус не только был признан, но и зафиксирован в нарративной литературе, как это, например, произошло в России в XVII столетии. Тем не менее, легитимизация этого статуса на родине в указанный период так и не произошла. В этих условиях купечество превращается в некий аналог «вынесенной страты», окончательное оформление в сословие которого, внутри черкесского общества, представлялось невозможным.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884. С. 306.

2. *Интефиано Дж.* Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. Нальчик, 1974. С. 48.

3. Там же. С. 49.

4. *Д’Асколи Э.Д.* Описание Черного моря и Татарии // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик. 1974. С. 65.

5. *Броневский В.* История Донского войска. Описание Донской Земли и Кавказских Минеральных Вод. Поездка на Кавказ. Часть IV. С.Пб., 1834. С. 87.

6. Очерк торговли Московского государства в XVI–XVII столетиях / сост. Н. Костомаров. СПб., 1862. С. 166.

7. *Семенов А.* Изучение исторических сведений о России и внешней торговле и промышленности с первой половины XVII-го столетия по 1859 г. СПб., 1859. С. 20.

8. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 13. М., 1870. С. 122.

9. Шпилевский С.М. О благоустройстве по уложению и современным ему памятникам / Временник Императорского Московского Общества истории и древностей российских. Кн. 24. Москва 1858. С. 112.

10. Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г. Т. 3. СПб., 1830. С. 308.

ГЕОГРАФИЯ И НОМЕНКЛАТУРА ТОРГОВОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА АДЫГОВ В XVIII в.

Вопрос о развитии торговли и предпринимательства у адыгов в XVIII столетия никогда не становился объектом специального научного исследования. Вместе с тем, осуществлялись определенные попытки его изучения в контексте анализа социально-экономического развития адыгского общества в целом. Эта ситуация, по нашему мнению, объясняется почти полным отсутствием, за исключением трактата Пейсонеля¹, достоверных и системных источников, на которые можно было бы опереться современному исследователю. Опять же, если говорить о предпринимательстве и торговле у адыгов в XVIII столетии, то нет четкого видения общей картины, выстроенной в хронологической последовательности.

В научной литературе при решении данной проблемы закрепился довольно упрощенный подход, когда развитие торговли и ремесел увязывается исключительно с натуральным характером традиционного хозяйства, логическим продолжением которого выступает прочно устоявшийся в кавказоведении тезис о примитивности черкесского производства и, соответственно, торговли в целом.

Такой взгляд нам кажется некорректным и не отражающим всей полноты картины. Коммерческие связи Черкесии в целом, и отдельных ее провинций находились в тесной зависимости от переменчивой политической обстановки на протяжении веков, соответственно отсутствие стабильности в регионе весьма негативно отражалось не только на темпах экономического роста и развитии торговли, но и на общей специфике производимой продукции. Вместе с тем не стоит забывать, что натуральный характер ведения хозяйства не всегда означает отста-

лые технологии и примитивное производство. Применительно к Черкесии XVIII в. натуральный тип хозяйства есть проверенный временем способ сохранить, а в случае возможных катаклизмов быстро восстановить систему жизнеобеспечения. Этим и объясняется тот факт, что первую в очередь черкесские ремесленники оттачивали и развивали технологии производства, направленные на решение оборонных задач. В условиях перманентной войны, такой способ ведения хозяйства вкупе с отмеченным характером производства оставался наиболее эффективным. В связи с этим неудивительно, что особенно больших успехов добились именно черкесские оружейники, а в области животноводства — черкесские (кабардинские) коннозаводчики.

Ситуация осложняется невозможностью точного подсчета также и продукции, изготавливаемой непрофессиональными ремесленниками, которая тем не менее находила сбыт не только у ближайших соседей, но и поступала на мировые рынки. Стоит ли напоминать, что черкесские торговые бренды уже с XVI столетия получили широкое распространение за рубежом. Помимо указанного выше, традиционно остаются неучтенными специфика и объемы продукции, произведенной черкесскими мастерами — отходниками, проживавшими за пределами Черкесии. В XVIII в., по свидетельству сохранившихся документов, черкесы имели регулярные торговые отношения не только с соседями, народами Северного Кавказа, но и с Турцией, Крымским ханством, Персией и Россией. Нельзя забывать, что помимо прочего, торговля не только вела к широкому культурному обмену, но и способствовала проникновению в Черкесию новых технологий. В дополнение к традиционным оружейным ремеслам в указанный период были освоены новые направления: изготовление пороха, выделка огнестрельного оружия и проч.

Изучение истории торгового дела черкесов требует комплексного подхода и всестороннего анализа, при котором будут учтены не только основные виды и направления предпринимательской деятельности, но и условия формирования местного рынка, его взаимосвязь с внешним. Не должны остаться без внимания ключевые факторы, определявшие вектор развития

ремесленного производства и особенности формирования культуры потребления.

Как правило, большинство исследователей ограничиваются перечислением традиционных занятий адыгов в этот период и констатацией «зачаточного» состояния обрабатывающей промышленности. По отдельности рассматриваются вопросы, связанные с распространением адыгских брендов на международном рынке и проблема отходничества черкесских ремесленников. По нашему мнению, такой подход явно устарел и отражает лишь детали единого целого, а потому нуждается в серьезном пересмотре.

Введение в научный оборот новых источников, совершенствование методов научного анализа, создают необходимые условия пересмотра ключевых аспектов данного вопроса и позволяют пролить свет на многие малоизученные стороны экономической истории адыгов.

Отправной точкой нашего исследования является определение географии развития торговых связей. Изучение сохранившихся документов позволяет выделить два основных направления внешней торговли - Черноморское и Волжско-Каспийское. Первое было ориентировано в основном на Турцию, Крымское ханство и некоторые западные державы, допущенные Портой для ведения коммерческих операций в Крыму и на черноморском побережье Кавказа. Крупнейшими центрами этой торговли традиционно являлись Каффа, Тамань и Бахчисарай. С конца XVII столетия Великобритания² и Нидерланды допускаются Портой для торговли в Черном море. Франция, по словам В. Уляницкого, главным образом заботилась о своей Левантийской торговле³, в то же время Версаль старался не упускать из виду и Черноморский регион. Подтверждением сказанному служит то обстоятельство, что субинтендант торговли и навигации французского королевства мессир Уэ уже в начале XVIII века располагал сведениями о состоянии черноморской торговли, в том числе и его черкесского сегмента⁴.

Для европейских торговых компаний определенные трудности представляло нежелание Турции допускать в Черноморский бассейн иностранные корабли. Товары могли доставляться

только на специально нанятых для этого турецких кораблях, ходящих под флагом Великобритании и позднее Нидерландов. Главными предметами вывоза служили продукты скотоводства, пчеловодства и охоты. Уже к 50-м гг. XVIII в. из Черкесии через Тамань и Каффу вывозилось до 100 тысяч центнеров овечьей шерсти, 100 тысяч кусков сукна (чекмень), от 5 до 6 тысяч шитых чекменей; до 60 тысяч суконных портков (шалвар), 200 тысяч бурок, от 5 до 6 тысяч бычьих кож, около 6 тысяч центнеров хорошего меду, 50 тысяч куньих шкур, 100 тысяч лисьих, 3 тысячи медвежьих и 500 тысяч овечьих⁵. Экспортная торговля, несмотря на свой ярко выраженный сырьевой характер, в определенной степени способствовала развитию местного кустарного производства, о чем и свидетельствуют показатели вывоза готовой продукции (чекмени, шалвары, бурки) и полуфабрикатов.

Центром второго направления являлась Астрахань, служившая на протяжении веков местом встречи купцов с Запада и Востока. Здесь происходила «знатная торговля с Индией, Хивой, Бухарой и Персией»⁶. Значение Астрахани как международного торгового центра заметно возросло в 20-х гг. XVIII столетия в связи с наметившимся улучшением российско — турецких отношений. Прутский мирный договор 1711 г. предоставлял определенные торговые преференции и право купцам обеих держав свободно посещать в коммерческих целях рынки друг друга. Торговля России через Астрахань и по азиатской границе, в силу объективных политических причин пришедшая в упадок, в короткие сроки была восстановлена. В этом определенную роль сыграли и черкесские купцы.

Видный ученый XIX в. А. Смирнов, давая характеристику русской торговле с «азиатскими» народами в этот период, отмечал: «Приезжавшим на Терек с товарами кумыкам из Кабарды, черкесам из Персии, Бухарии и Гиляна, торговым терекам (терцам) дозволено было с русскими торговать и менять по прежнему обычаю, взимая с них пошлину по установленным грамотам»⁷. По сути, это свидетельство того факта, что именно черкесские купцы одними из первых сориентировались в

новых условиях и откликнулись на желание России развивать азиатское направление своей торговли, сулившее определенные выгоды всем сторонам. Вместе с тем царское правительство не забывало об обеспечении собственной экономической безопасности, даже если это шло в ущерб темпам развития торговли. Речь идет о принятии ряда запретительных мер, направленных на ужесточение контроля над товарооборотом, сбором пошлины на таможне и уменьшением оттока стратегического сырья и товаров за границу. «Запрещено было русским продавать этим азиатцам заповедные товары, серебро, золото, пленных, воинские снаряды, хлебные запасы ... и никаких товаров у них на деньги не покупать, а меняли бы с ними на свои товары, по-прежнему»⁸. Вводилась специальная пошлина для россиян, пожелавших покупать лошадей у черкесов и татар на Терском базаре.

Здесь важно обратить внимание на вполне объяснимый дуализм в действиях России. С одной стороны, государство старалось развивать азиатское направление своей внешней торговли, с другой - стремилось сохранить важные для себя, стратегические металлы — золото и серебро - тем самым принуждая своих торговых партнеров к меновой торговле. Такое искусственное навязывание бартерного обмена серьезно ограничивало перспективы роста рынка и отталкивало часть местных торговцев, предпочитавших вести дела с турецкими и персидскими коммерсантами за наличный расчет. Вместе с тем бартер был выгоден широким крестьянским массам, как правило, стесненным наличностью, и скупщикам, действовавшим от лица российских мануфактур, которые заметно выигрывали в этих условиях.

Вместе с рынками быстрыми темпами развивался и сам город. Значительно, по сравнению с предыдущим периодом, увеличивается число постоянно проживающих, а также приезжающих на сезонные ярмарки купцов, среди которых часто встречаются черкесы. «Астрахань, главный город Астраханской губернии; купечества российского в сем городе 1675 душ ... Россиян больше всех, а кроме них есть ... Персияне, Греки, Кабардинцы, Калмыки и Индийцы, поселившиеся здесь для купечества»⁹. Как видно

из документов, в городе к указанному периоду черкесское купечество было представлено на постоянной основе. Обосновавшись в Астрахани кабардинские купцы являлись промежуточным звеном в налаженной системе Волжско-Каспийского направления торговли Черкесии.

Преимущественное положение именно кабардинских купцов как основных посредников в русско-черкесских торговых отношениях было обусловлено исторически. С начала XVIII в. торговые связи Кабарды с Россией, в процессе продвижения последней на Кавказ, усиливаются. Этому способствовало основание русских укреплений и городов — Святой Крест (1723) на р. Сулак, Кизляр (1735), Моздок (1763). Перечисленные укрепления и города «были главными торговыми пунктами между Россией и народами Кавказа»¹⁰. Обширная торговля велась как при посредничестве армянских и еврейских купцов, имеющих право беспрепятственно доставлять через границу свои товары, так и напрямую между приграничными русскими и кабардинскими поселениями. Процветала контрабанда, точные размеры которой не поддаются никакому исчислению, но явно превышавшая по товарообороту официальную.

В архивных источниках содержится перечень кабардинских товаров, находивших сбыт в русских поселениях: «главнейшее хозяйство их состояло в скотоводстве, земледелии и пчеловодстве, а богатство в избытках, от того занятия получаемых, как то в масле коровьем, меду, овчинах, в сукнах и бурках тамошнего изделия, кои привозили из Кабарды купцы их в знатном количестве в Кизляр, Астрахань и Черкасск, — куда пригоняли также на продажу, равно и в другие места, лошадей во множестве, рогатый скот и овец стадами»¹¹. В 1764 г. кизлярский комендант сообщал о кабардинском экспорте: «... весь торг состоит из собственного их рукоделия, яко то бурки, сукны серые, шитые кафтаны, шервары, чулки, шапки, овчинные шубы, мед, воск, арбы и колеса арбные, что все возят в Кизляр и в казацки городики»¹².

Расширяется ассортимент адыгских товаров, поступающих на экспорт. Яков Ленген в списке «естественных произведений Большой и Малой Кабарды, продаваемых россиянам и персам»

указывает бычьи шкуры, пушнину, а также «воск, мед, свечное сало, жито, черный и белый войлок»¹³. Рассказ Ленгена дополняется сообщением академика Гюльденштедта. «Между промыслами, скотоводство, наипаче разведение овец составляет главнейшее их (черкесов) упражнение. Шерсть они частью продают, частью сами делают из него сукно»¹⁴.

Постоянным спросом пользовались лошади черкесской (кабардинской) породы, отличавшиеся особенной статью, исключительной выносливостью и неприхотливостью. Из русского населения Северного Кавказа казаки особенно охотно приобретали кабардинских лошадей. Гребенские казаки «... лошадей же по большей части приобретают у кабардинцев» — отмечает Н. Ровинский, автор обширного труда по истории хозяйства Астраханской и Кавказской губерний до начала XIX в.¹⁵. Кабардинские лошади: «большей частьюю покупаются в России для пополнения конных полков» — указывал С. Броневский¹⁶.

В свою очередь, в русских городах и поселениях черкесы приобретали необходимые им вещи. По данным архивных источников XVIII века кабардинцы меняли на «рыбу, холст, соль, чугунные котлы, иглы и протчую мелочь, а в случае недорода, на пшеницу и пшено»¹⁷. Кроме того, кабардинцы покупали свинец и «ружья у российских купцов»¹⁸.

С середины XVIII века роль Кизляра и Моздока как важнейших центров торговли на Кавказе только возрастает. Негоцианты из этих городов регулярно прибывали для торговли в поселения Черкесии и Кабарды. Особенно их привлекали аулы Большой и Малой Кабарды, становившиеся на время местом встречи купцов из разных регионов, нередко из Турции и Персии. Так, в 1744 году из Кизляра в Кабарду выехало «разных людей с торгом более 100 человек»¹⁹. В 1781 г. купец из Моздока в своем донесении указывал, что в предыдущем году его брат, в торговых целях ездивший в Кабарду, вез с собой товаров на 700 рублей. Другой, более удачливый моздокский купец в этот же период «.. имел торг в Малой Кабарде ... на две тысячи пятьдесят рублей на восемьдесят копеек»²⁰.

Важную роль в торговле России с черкесами, кабардинцами и другими горскими народами играл Георгиевский редут, где «раз в неделю отправляли большие торги, называемые базарами. На них съезжались черкесы, ногайцы, татары... Они покупали у приезжающих из России купцов и армян медную и железную посуду и другие товары первых потребностей, так же пшеницу и разный хлеб от тамошних переселенцев. Продавали же масло, просо, лошадей, рогатый скот и овец»²¹.

Немаловажное значение для развития торговых отношений черкесов, кабардинцев и других горских народов с русскими поселенцами имел основанный в 1782 г. Ставрополь. По свидетельству Ровинского, в городе ежегодно устраивались две большие ярмарки, куда приезжали купцы из Воронежской, Курской и Екатеринославской Губерний²². Черкесы регулярно посещали эти ярмарки, т.к. товары, производимые ими, традиционно пользовались там хорошим спросом. «Во все сии торговые времена приезжают Черкесы, и привозят в продажу горский мед, овечью шерсть, овечьи, коровьи и звериные кожи.

Во время же ярмарки Черкесы, Татары, а особливо Калмыки продают овец, коров и коней немалое количество; и потом покупают пшеничную муку, пшено, разные материи для своей одежды и разные употребляемые ими мелочные вещи. Словом сии народы продажею и покупкою своею производят полезный оборот в Ставрополе торгующим купцам...»²³.

О росте товарообмена между русскими поселенцами и черкесами свидетельствует составленная коммерцколлегией ведомость о сборе пошлин в 1762 и 1763 гг. Н. Тхамоков, который ссылается на этот документ, подсчитал, что в один только Кизляр в 1762 году «из Кабарды и грузинских городов и из горских деревень» было привезено товаров, на общую сумму в 10 654 рубля²⁴. Учитывая возросшие торгово-экономические взаимоотношения с черкесами, правительство пошло на некоторые уступки и в ноябре 1764 года отменило пошлину на товары, привозимые кабардинцами и кумыками в Кизляр.

Нередко кабардинские купцы, объединившись с кизлярскими и дагестанскими, в коммерческих целях выезжали в Черкесию. Так, в 1748 году кабардинские владельцы писали

астраханскому губернатору: «...спустя два года из наших подвластных людей кабардинцев шесть и кизлярских три, да андреевских, айсайских и прочих кумыцких татар несколько человек ездили в крымскую сторону (т.е. за Кубань). Они везли «товар, которого было на пяти арбах»²⁵.

Карачаевцы и ногайцы, также охотно покупали черкесские товары, предпочитая их произведениям других народов. В рапорте барона Игельсторма за 1783 г., посвященному населению Крыма, в разделе о ногайцах говорится, что: «Мужчины ... носят шапки разных видов, но вообще круглые (кабардинки)... Девушки носят Черкесскую шапку, а замужние женщины покрывало по черкесскому образцу»²⁶. Предметы одежды и другие товары, произведенные в Кабарде и Черкесии, пользовались особенной популярностью у их ближайших соседей, т.к. являлись своеобразным эталоном красоты и качества.

Сохранялись традиционные торговые связи и с Закавказьем, откуда через Дагестан в Кабарду и далее в Черкесию шли предметы роскоши, ювелирные украшения, шелковые и бумажные ткани, сафьян. Дагестанское селение Кубачи являлось крупнейшим поставщиком холодного и огнестрельного оружия в Черкесию и Кабарду. Список товаров, поступавших в обратном направлении, был не менее значителен.

Ассортимент товаров, приобретаемый осетинами, чеченцами, карачаевцами и другими народами Северного Кавказа в Кабарде и Черкесии являлся для своего времени чрезвычайно широким, от табака и украшенных серебром курительных трубок, до предметов культа. Например, дорожный коврик для совершения молитвы в Дагестане назывался «черкеска»²⁷.

Традиционно большой спрос на кабардинские и черкесские товары сохранялся на протяжении всей первой половины XVIII века на рынках Астрахани. С.И. Плещеев, засвидетельствовавший этот факт в перечне товаров, пользующихся наибольшим спросом, упоминает «черкесские тулупы» и далее: «... главнейшие же произведения этой Кавказской области суть мёд, воск, лисьи и куньи меха, бычачьи и выдровые кожи, овчины, шерсть, самшитовый и ореховый лес и разные фрукты»²⁸.

Невозможно установить точную дату появления первых черкесских купцов на астраханских рынках. По-видимому, это произошло еще в раннем средневековье. Можно лишь констатировать, что в самой Астрахани уже в XVII в. существовал черкесский квартал, где постоянно проживали ремесленники — черкесы. Их продукция была широко известна и находила сбыт далеко за пределами Поволжья и Кавказа. Это подтверждается сообщением хрониста: «В Астрахани занимались деланием булатных сабель и панцирей; особенно этим искусством отличались черкесы, там жившие. Царь Алексей Михайлович приказал их истребовать к себе в Москву»²⁹.

Увлечение российских монархов черкесским (кабардинским) оружием продолжалось и в последующие времена. Вот, что писал по этому поводу, Ф. Жиль, первый директор Эрмитажа: «Кабардинцы ныне вполне покорились России, но их оружие и одежды еще господствуют на Кавказе»³⁰. Далее, развивая свою мысль, он отмечает: «Следовательно, слово кабардинский может быть прилагаяемо ко всему, что касается народов, называемых черкесами или чеченцами...»³¹, имея ввиду оружие, захваченное в боях с этими народами.

Но не только оружием и великолепными скакунами славилась Черкесия. Некоторые товары, производимые черкесами, были настолько популярны в России уже к началу XVIII столетия, что прочно вошли в повседневный обиход. Отчасти это наглядно иллюстрируется делом о так называемых «черкесских тулупах». В 1701 г. вслед за указом брить бороды, выходит очередной указ Петра I, запрещающий населению страны носить традиционную одежду и предписывающий одеваться в европейское платье. Отныне: «Всем, кроме священников, дьяконов, церковных причетников и пашенных крестьян, запрещено носить русское платье, черкесские тулупы, азямы... Приказано носить платье немецкое...»³². Давая характеристику этим реформам, Г. Есипов по этому поводу отмечает: «Вслед за уничтожением бород последовало уничтожение русского национального платья»³³. Можно утверждать, что уже к началу XVIII столетия адыгский бренд настолько прочно вошел в повседневный обиход населения России, что

воспринимался последним как элемент собственной традиционной одежды.

В.К. Гарданов подчеркивал, что в XVIII в. для закубанских адыгов торговля с Россией была отнюдь не новым явлением, а твердо установившейся традицией³⁴. Элегантные и практичные предметы одежды, произведенные в Кабарде и в Черкесии, весьма ценились в России и в последующих столетиях. Командир в знаменитом стихотворении Д. Давыдова выступает: «... в бурке на плечах, в косматой шапке кабардинской»³⁵. Шапки — «кабардинки», о которых мы уже упоминали, были особенно популярны в Малороссии у казаков, частью приобретаемые у ногайцев, частью изготавливаемые на месте. Со временем черкесская (кабардинская) одежда прочно входит в быт служилого сословия и офицерства России. Настольный словарь Ф. Толя за 1864 г. свидетельствует: «Кабардинка — 1) смущатая, высокая четверугольная шапка. 2) Кафтанчик с патронами на груди, род черкески»³⁶.

Подводя общие итоги, можно констатировать, что торговые связи адыгов в XVIII столетии находились на стадии подъема. Адыгские бренды были достаточно широко известны за рубежом, где безусловно пользовались устойчивым спросом. Исходя из сохранившихся документов и материалов, можно утверждать, что в большей степени на внешний рынок были ориентированы ткацкое, войлочное, оружейное, арчащенное, шорное и ювелирное производства.

Натуральный характер производящего хозяйства Черкесии, обусловленный спецификой ее геополитического положения, являлся определяющим фактором, оказывавшим значительное влияние как на развитие отдельных кустарных промыслов, так и на ассортимент производимой продукции, следовательно, и на весь характер черкесской торговли.

Архивные источники позволяют реконструировать географию торговых магистралей, по которым преимущественно проходил коммерческий транзит — Черноморское и Волжско-Каспийское направления. Черноморский трафик, в большей степени ориентированный на Турцию, уже с середины XVIII в. начинает демонстрировать признаки стагнации. Вместе с тем

даже в такой ситуации масштабы коммерческих операций, осуществляемых в этом направлении, впечатляют. По подсчетам, проведенным И.Н. Клингеном на основе данных Пейсонеля, общий объем внешней торговли Черкесии только через Тамань в указанный период достигал 160 тыс. рублей серебром по ценам того времени³⁷. Причем эти данные отражают состояние дел только по Таманскому направлению, и на порядок ниже общей цифры всей ее Черноморской торговли.

Значительно более развитым, если исходить из интенсивности экономических связей и объемов товарооборота было Волжско-Каспийское направление. В силу отсутствия точных данных на сегодняшний день, изучение особенностей и масштабов торговли Черкесии с Россией и Персией крайне затруднено. Можно лишь констатировать, что коммерческие связи с этими странами были устойчивыми и регулярными. Черкесских купцов можно было часто встретить от Черкаска и Астрахани, до Шираза и других городов Персии. Бренды адыгских товаров были хорошо известны и имели устойчиво большой спрос далеко за пределами собственно самой Черкесии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пейсонель К. Трактат о торговле на Черном море // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. / под ред. В.К. Гарданова. Нальчик, 1974.

2. Английская Левантийская или иначе Турецкая компания была основана в 1581 г.

3. Уляницкий В. Дарданеллы и Босфор и Черное море в XVIII столетии. М., 1883. С. 20.

4. Уэ М. История торговли и навигации древних. Париж, 1727. P. 220 (на франц. языке).

5. Пейсонель К. Там же.

6. Плещеев С.И. Обзорение Российской империи в нынешнем её новоустроенном состоянии. СПб., 1793. С. 178.

7. Смирнов А. Изучение исторических сведений о Российской промышленности с половины XVII-го столетия по 1858 год. Ч. I. СПб., 1859. С. 93.

8. Там же.

9. Чулков М.Д. Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего, и всех преимущественных узаконений по оной Государя Императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей Государыни Императрицы Екатерины Великой. В 6-ти томах. Т. VI, книга — IV. М., 1786. С. 180.

10. Тхамоков Н.Х. Социально-политический строй кабардинцев в XVIII веке. Нальчик, 1961. С. 99.

11. Там же.

12. Там же.

13. Ленген Я. Описание Кавказа с кратким историческим описанием Грузии. СПб., 1805. С. 17.

14. Гюльденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Кавказа. СПб., 1809. С. 138.

15. Ровинский Н. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. СПб.,

16. Броневский.

17. Цитата по Тхамоков Н.Х. Социально-экономический ... С. 100.

18. Там же.

19. Там же. С. 101.

20. Там же.

21. Тучков С.А. Записки Сергея Алексеевича Тучкова (1766—1808). СПб., 1908. С. 166.

22. Ровинский Н. Указ. соч. С. 484.

23. Там же.

24. Там же. С. 103.

25. Кабардино-русские отношения в XVI—XVII вв. Документы и материалы. Т. 2. М., 1957. С. 309.

26. Занятие Крыма в 1783 году. Материалы для истории Новороссийского Края // Журнал Министерства Народного Просвещения. Ч. XXX. СПб., 1841. С. 16.

27. Прежевальский П. Дагестан, его нравы и обычаи // Вестник Европы. Т. 3. Спб., 1867. С. 157.

28. Плещеев С.И. Указ. соч. С. 179.

29. Очерк торговли Московского государства в XVI—XVII столетиях / сост. Н. Костомаров. СПб., 1862.

30. Жиль Ф. Царскосельский музей с собранием оружия, принадлежащего Государю Императору. СПб., 1860. С. 195.

31. Там же. С. 198.

32. Есинов Г. Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1861. С. 166.

33. Там же. С. 165.
34. *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1967. С. 115.
35. *Давыдов Д.* Партизан / Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова. В 3-х частях. Ч. I. СПб., 1840. С. 16.
36. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. В 3-х томах. Т. 2 / под ред. Ф. Толя. СПб., 1864. С. 323.
37. *Клингген И.* / Основы хозяйства в Сочинском округе. СПб., 1897. С. 62.

ТОВАРНЫЙ АССОРТИМЕНТ В КУЛЬТУРЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ ЧЕРКЕСИИ В СЕРЕДИНЕ XVIII в.

Карл Пейсонель (1727–1790) — видный французский ученый, дипломат, известен своими работами, посвященными торговле на Леванте и Черном море. В общей сложности, он провел на Востоке 20 лет, из них 4 года в Крыму. Все это время Пейсонель тщательно собирал из всех возможных источников сведения о черноморской торговле. Накопленный им материал послужил в дальнейшем основой для нескольких работ, снискавших ему славу в научных кругах. Совмещая дипломатическую службу с защитой торговых интересов страны, Пейсонель заложил основы экономической политики Франции в Причерноморье.

Материалы исследований состояния коммерческих отношений в Причерноморском регионе убедили молодого консула в целесообразности расширения французского участия на этом динамично развивающемся рынке. В своих отчетах и письмах Двору он настойчиво продвигал идею необходимости освоения черноморского рынка. Подчеркивая эту мысль, К. Пейсонель настаивал: «Дружба с Портой может предоставить нашей торговле большие масштабы, гарантируя нам свободную навигацию в Черном море.

Это даст возможность Франции открыть свои колонии, свою промышленность, свое производство соли»¹. Его усилия в значительной мере способствовали присоединению Турции к Амьенскому договору в 1802 году, тем самым, открыв французскому торговому флоту доступ в Черное море.

Особенный интерес для ученых — кавказоведов представляет его «Трактат о торговле на Черном море» опубликованный в 1878 г. В нем «подводился итог многолетнему изучению торговых отношений в Черноморском бассейне»². Данные,

содержащиеся в этой работе, до сих пор являются важнейшим источником информации для всех исследователей, занимающихся историей Черкесии второй половины XVIII в. Эти сведения представляют исключительную ценность, т.к. ни один другой источник XVIII в. не дает подобного материала. Они заслуживают безусловного доверия, поскольку основаны как на его личных многолетних наблюдениях, так и (что особенно важно) на данных о торговых пошлинах, которые взимали в портах Крыма и Северо-Западного Кавказа, находившихся под суверенитетом крымского хана³.

Приводимые Пейсонелем сведения отображают состояние черкесской торговли, сложившееся к началу второй половины XVIII столетия. На сегодняшний день это наиболее подробное описание черноморской торговли черкесов данного периода, известное науке.

Ежегодный торговый оборот таманского порта в первом приближении, выглядит весьма значительным. По подсчетам И.Н. Клингена, опиравшихся на данные Пейсонеля, общий объем внешней торговли Черкесии только через Тамань в указанный период достигал примерно 1600 тыс. рублей серебром по ценам того времени⁴. Достоверность этой цифры вряд ли может быть подвергнута сомнению, т.к. в своих сообщениях о внешней торговле Черкесии Пейсонель использовал хотя и не вполне совершенный, но все-таки относительно систематический учет, который велся таможенными чиновниками крымского хана в Тамани.

Анализируя эти сведения об объемах торговли, не следует также забывать, что таманский порт являлся транзитным для большинства народов, населявших Восточный Кавказ в этот период, и товары, поступавшие через указанный пункт, направлялись не только к черкесам, но и к их ближайшим соседям, поэтому размеры собственно черкесской торговли в общем удельном весе коммерческих операций должны быть несколько ниже рассчитанной Клингеном цифры.

Вместе с тем необходимо помнить, что в отчеты Пейсонеля не попали данные по наиболее значительной после Тамани торговле на Черноморском побережье — от нынешней Анапы

до Сочи. По всему этому побережью у устья рек и в небольших бухточках находились многочисленные стоянки для мелких торговых судов, служившие в то же время и пунктами обмена черкесской продукции на привозные товары. Точное исчисление размеров торговли этих мелких каботажников затруднено в связи с полным отсутствием документов о ней, тем не менее можно предположить, что совокупные объемы товарооборота Черкесии через черноморские порты Тамани, Агчу, Агаджи, Суджука, Каплу и др., как минимум превышали 2 млн. рублей серебром.

Свои результаты исследований черкесского рынка К. Пейсонель представил в виде таблицы — росписи товаров с соответствующими комментариями. Вся таблица содержит около 80 наименований товаров, ежегодно ввозимых в Черкесию, и 25 экспортируемых. Наибольший интерес для исследователя представляет перечень импортируемых товаров, ибо эти сведения, помимо прочего, позволяют реконструировать структуру и характерные черты культуры потребления черкесского общества середины XVIII в.

Для облегчения обработки данных весь импорт, исходя из его стоимости и фактического назначения, условно можно разделить на три категории: предметы роскоши, ориентированные на удовлетворение потребностей знати; полуфабрикаты и сырье для ремесленников; товары для народного хозяйства, причем удельный вес последней ничтожно мал.

Открывает список импортируемой в Черкесию продукции мануфактура. Всего в нем присутствует 18 наименований, как в виде заготовок, так и готовой продукции. Это, преимущественно, ткани — ситец, тафта, шелк. Подробно указан перечень изделий — одеяла, простыни, передники, пояса и проч. Однако сразу обращает на себя внимание скромный ассортимент и относительно небольшие объемы этих поставок. Так, материи из Бруссы ввозилось всего 200 штук, а шелка из Магнезии — около 7 тыс. кусков, одеял — до 500 штук в год. Купальных простынь — до 600 штук, матерчатых поясов из Гербо — 400. Также ограниченными (в масштабах всей Черкесии), выглядят поставки дюльбента или кисеи для женских покрывал, всего заявлено

1000 кусков в год⁵. В связи с этим обращает на себя внимание как ограниченное количество этих мануфактурных изделий, что, впрочем, можно объяснить их дороговизной, так и устойчивый спрос на них — эти товары импортируются ежегодно. Следовательно, к моменту составления отчета французского консула (середина XVIII в.) в Черкесии сформировалась устойчивая категория потребителей предметов роскоши, ориентированных на турецкие товары и, соответственно, турецкий рынок. Ассортимент и цены на импортируемую мануфактурную продукцию ясно указывают на конечного адресата — аристократическую элиту страны. То же самое можно сказать и о большинстве других товаров, импортируемых через черноморские порты Черкесии в 50-х гг. XVIII столетия. Их конечным потребителем могла выступать только состоятельная верхушка местного нобилитета. Учитывая ассортимент товаров и их стоимость, можно с уверенностью предположить, что именно на удовлетворение потребности в роскоши этой социальной страты и была ориентирована импортная торговля Тамани. Трудно себе представить, что такой специфический и дорогой товар как, например, 3—4 тыс. фесок из Франции и Туниса, ежегодно ввозимых в Черкесию по данным Пейсонеля, пользовался спросом у мелких дворян и крестьян, тем более, был бы им по карману. По крайней мере, нами не выявлено ни одного документа, свидетельствующего в пользу этого. Но учитывая зафиксированную французским торговым консулом регулярность поставок, нет сомнения, что эти изделия находили своего покупателя. Следовательно, в Черкесии и на территории ее ближайших соседей имелось не менее 3—4 тыс. состоятельных аристократов, готовых ежегодно потреблять такое количество этого импорта. Сюда же, по-видимому, необходимо присовокупить кубанских ногайцев, встроенных в черкесскую торговлю. Сам Пейсонель, комментируя этот момент, писал: «Импортная и экспортная торговля ногайцев включена в подробности, которые я дал относительно торговли Черкесии, частью которой она и является»⁶. Соответственно, импорт рассчитывался на правящую верхушку Черкесии и Ногайской орды.

Полученные результаты подтверждаются анализом других пунктов из перечня импорта.

Помимо указанного, если верить таблице, в Черкесию ежегодно ввозилось: от 4 до 5 тыс. пар крымских сапог; 5 тыс. пар катир (обувь); от 2 до 3 тыс. седельных ленчиков из Бахчисарая и Каффы; от 2 до 3 тыс. тебенков (часть упряжи, покрывающая бока лошади); 3 тыс. пар стремян; от 3 до 4 тыс. лошадиных удил и т.д.⁷ Туда же следует отнести импорт ружейных стволов, порох, крымские луки и прочий дорогостоящий товар, который явно был рассчитан на более состоятельных клиентов.

Как уже отмечалось выше, простой подсчет дорогостоящих товаров, позволяет определить число состоятельных клиентов, готовых ежегодно потреблять эту продукцию. Анализ ее объемов и себестоимости убеждают нас, что их число достигало никак не менее 3–4 тыс. мужчин и, как минимум, такого же количества женщин, основного опосредованного потребителя импортных товаров. Изучение ассортимента ввозимой продукции позволяют сделать вывод, что значительная часть таманского транзита формировалась в расчете на состоятельных покупательниц из числа высшей черкесской знати. Большая часть ввозимой мануфактуры предназначалась для удовлетворения потребностей в товарах и предметах роскоши самых взыскательных модниц. Подтверждением тому служат зафиксированные ежегодные поставки в Черкесию: 200–300 пшемтал — киркалем (передников) из Солоник; 1000–1500 передников из Каира⁸; до 15000 самшитовых и роговых гребней; от 2000 до 3000 весьма дорогостоящих пакетов ниток для шитья различных цветов⁹ и проч. Причем, сегмент торговли, рассчитанный на женщин, вовсе не ограничивался вышеперечисленным списком.

Отдельной статьёй проходит импорт косметики, который судя по объемам, был востребован не только знатными аристократками. Пейсонель сообщает, что в Черкесию ежегодно ввозилось от 200 до 300 ок румян и белил, называемых киршен¹⁰. Это составляет примерно от 250 до 350 кг. (в современном пересчете) и было рассчитано приблизительно на 20–30 тысяч покупательниц. Ссылаясь на своих информаторов, торговый консул на страницах своего трактата утверждает, что все местные женщины, черкесские, абазские и кубанских ногайцев употребляют их (румяна и белила) в большом количестве¹¹. Этот

комментарий вызывает определенные сомнения. Черкешенки, абазинки и ногойки, о которых говорит автор, в XVIII веке еще не имели такой устойчивой традиции. Косметика использовалась ими в случаях крупных народных или семейных праздников. По крайней мере свидетельствами обратного мы на сегодняшний день не располагаем. Упоминания об использовании черкешенками косметики в этот период встречаются крайне редко.

Вместе с тем некоторые данные этнографии подтверждают данное сообщение французского консула. Специалистами-этнографами зафиксирована довольно интересная традиция, имевшая отношение к черкесским народным игрищам и продолжавшая встречаться у бжедугов вплоть до начала XX в. Речь идет о выборе «королевы красоты» на народных празднествах. По словам Б. Бгажнокова, длительное время занимавшегося этой проблемой: «Не случайно, что бы зрителей не ввел в заблуждение макияж (пудра, румяна, подведенные сурьмой брови), девушек заставляли умыться. Судя по сообщениям информаторов, в начале XX века у бжедугов это был едва ли не обязательный компонент рассматриваемой церемонии»¹². Описание этого обряда относится к 1914 году и подтверждает вероятность использования черкешенками косметики в дни больших народных празднеств и в более ранний период. К тому же не позже XVIII столетия среди черкесов распространяются присказки и поговорки, посвященные косметике и ее чрезмерному употреблению: «Краснощекая (румяная, нарумяненная) словно анатолийская лисица (имея в виду турецких модниц)», «глаза сверкают, словно анатолийская сурьма» и др.

Хотя в этих присказках речь идет собственно о турецкой косметике, ввоз которой подтверждает французский консул, мы располагаем также косвенными данными о поставках французской косметической продукции в Черкесию, но тремя десятилетиями позже того времени, когда Пейсонель находился в Крыму. Так, парижская «Gazette De Franse» в октябре 1887 г. сообщала на своих страницах о принятии Декрета Двора от 20 сентября того же года о запрете на производство и экспорт в Черкесию грима (румян, губной помады). Они были признаны вредны-

ми для здоровья¹³. Этот документ, по сути, свидетельствует об устойчивых поставках косметики из Франции в Черкесию в промышленных объемах. Участие Двора в столь щекотливом вопросе должно говорить о степени важности для французских парфюмеров-коммерсантов этого направления торговли.

К предметам роскоши, исходя из стоимости и отсутствия прямой практической значимости, могут быть отнесены также: сандаловое дерево, ладан, кофе, маслины и проч¹⁴. Все вышеперечисленное могло быть востребовано лишь в самых богатых домах и служить, помимо прочего, маркером социального статуса. И если табак, ввозимый в Черкесию в этот период еще можно признать товаром, пользующимся спросом представителями разных социальных слоев, то дорогой крымский сафьян, мыло из Смирны, а также дорогие сорта бумаги не оставляют сомнений в социальном и имущественном статусе своего конечного потребителя.

Объемы поставок вышеупомянутых и других, не менее экзотических для Черкесии середины XVIII столетия товаров, подпадающих под определение «роскошь», подтверждают наше первоначальное предположение о наличии в стране по меньшей мере в 3–4 тыс. наиболее платежеспособных клиентах из числа высшей аристократии. Приобретение этих предметов должно было служить для окружающих, как уже отмечалось, показателем высокого социального статуса покупателя, своеобразным проявлением «демонстративного расточительства» в одежде, и, особенно, в повседневной жизни. В связи с этим весьма любопытен обзор пищевой продукции, поступавшей ежегодно через таманский порт. Открывает этот список кофе мокко, которого ежегодно ввозилось от 30 до 40 тюков. Пейсонель делает примечание, что кофе из Франции «тоже имеет успех», намекая, по-видимому, на необходимость расширения поставок этого продукта¹⁵. Далее упоминаются от 450 — до 550 кг. перца, от 250 — до 350 кг. «имбиря, из которого местные жители изготавливают крепкий напиток с медом» и другие пряности¹⁶. К услугам местной аристократии турки ежегодно поставляют от 11 до 16,5 т. «сушеных винных ягод различного качества» и такое же количество черного винограда, около 4 т. черных маслин,

до 33 т. нардена — сиропа из гранатов. Незначительность объемов поставок свидетельствует об отсутствии широкого спроса на эти товары. Вместе с тем, их периодичность подтверждает наше предположение о наличии в Черкесии этого периода устойчивой социальной категории, готовой тратить немалые средства на их приобретение.

Ассортимент, объемы и, самое главное, дороговизна этой части таманского импорта также не оставляют сомнений в том, на кого он в конечном итоге был рассчитан.

Существенная разница ввозимого сырья и готовой продукции (12 наименований — сырье и полуфабрикаты, 6 — готовая продукция) объясняется тем, что вышеупомянутая черкесская аристократия в этот период хоть и предпочитала одеваться в одежду из импортных, более высококачественных материалов, но все же изготовленную местными ремесленниками в соответствии с собственными (черкесскими) национальными канонами моды и практичности. Задача по окончательной доработке ввозимых полуфабрикатов и изготовлению конечной продукции ложилась в основном на плечи местных мастериц. Общеизвестно, что существовавшее в Черкесии разделение труда в домашнем производстве отводило женщинам исключительную роль в изготовлении не только одежды и разнообразной утвари, но и большинства предметов первой необходимости¹⁷. Академик Паллас, посетивший Черкесию в конце XVIII в., комментируя мастерство местных женщин в изготовлении тончайшего сукна и одежды из него, отмечал, что их еще с детства приучают вязать, плести позументы, шить платья¹⁸. По свидетельству Дюбуа де Монпере, посетившего Кавказ несколько позднее российского академика, женщины в каждой черкесской семье были заняты изготовлением большинства предметов первой необходимости¹⁹.

Мастерство черкесских мастериц поражало современников и производило впечатление даже на искушенных европейцев. Примером тому наглядно служит любопытный эпизод, описанный автором трактата. В Крыму при встрече с сыном главного казначея Пейсонель увидел на нем «белую одежду» изготовленную из черкесского чекменя, «до такой степени прекрасной, что

я принял ее за французское сукно, и мне стоило большого труда отказать ее от своего заблуждения», - отмечает француз²⁰.

При детальном изучении списка ввозимого сырья и полуфабрикатов становится ясно, что большая его часть попадала в руки черкесских мастериц, т.к. именно они в условиях натурального хозяйства, обеспечивали потребности членов своей семьи в одежде, предметах первой необходимости и проч. и тем самым влияли на ассортимент и объемы этого вида импорта в Черкесию.

В процессе изучения представленной номенклатуры становится очевидным тот факт, что определенная часть сырьевых поставок была ориентирована на нужды местной кустарной промышленности. Как правило, это сырье, потребляемое на месте в Тамани. 12 лавок — красилен, имевшиеся по сообщению Пейсонеля в это время в городе, являлись основным заказчиком импортируемых красильных веществ общим весом более 600 кг. Также, на нужды ремесленного производства, в Черкесию в середине XVIII столетия ежегодно ввозилось, в пересчете на современную весовую систему около 125 кг. ртути, столько же свинца, 250 кг. стали, полторы тонны железа²¹.

Обращает на себя внимание сравнительно небольшой удельный вес этой части импорта. По-видимому, малые объемы этих поставок объясняются тем, что они были призваны обеспечить потребности в сырье ремесленников самой Тамани и близлежащих окрестностей. И было бы ошибочным, на наш взгляд, на основании этих данных строить предположение об уровне развитии ремесла и ремесленного производства в масштабах всей Черкесии. Как отмечалось выше, Пейсонель не располагал данными об объемах торговли мелких турецких каботажников по всему черкесскому побережью, потому эти цифры и не попали в его отчет. Кроме того нельзя забывать о бурно развивающихся торговых отношениях кавказских народов с Российской Империей в этот период. Потребности других провинций Черкесии в сырье и товарах первой необходимости обеспечивались в большей степени именно благодаря этим связям.

Как известно, уже к первой половине XVIII века важнейшими центрами торговли России на Кавказе становятся Кизляр и

Моздок. Торговцы из этих городов регулярно выезжали для торга в поселения Черкесии и Кабарды. Особенно их привлекали аулы Большой и Малой Кабарды, становившиеся на время местом встречи купцов из разных регионов, нередко из Турции и Персии. Так, в 1744 г. из Кизляра в Кабарду выехало «разных людей с торгом более 100 человек». В 1781 году купец из Моздока в своем донесении моздокскому коменданту указывал, что в предыдущем году его брат, в торговых целях ездивший Кабарду, вез с собой товаров на 700 рублей. Другой, более удачливый моздокский купец в этот же период «... имел торг в Малой Кабарде... на две тысячи пятьдесят рублей на восемьдесят копеек»²².

Важную роль в торговле России с черкесами, кабардинцами и другими горскими народами играл Георгиевский редут, где «раз в неделю отправляли большие торги, называемые базарами. На них съезжались черкесы, ногайцы, татары... Они покупали у приезжающих из России купцов и армян медную и железную посуду и другие товары первых потребностей, также пшеницу и разный хлеб от тамошних переселенцев. Продавали же масло, просо, лошадей, рогатый скот и овец»²³.

Иначе говоря, для Черкесии в XVIII в. развитие торговых отношений с северным соседом становится приоритетным направлением. Происходит процесс выдавливания Россией турецкого капитала с черкесского рынка. Это становится все более очевидным по мере продвижения Империи на Кавказ. Купечество Османской Порты изначально допустило ошибку, сознательно удовлетворившись узким сегментом рынка. Сделав ставку прежде всего на состоятельных клиентов, они значительно теряли в масштабах сбыта. Вся торговля, по сути, сводилась к удовлетворению потребности в товарах роскоши небольшой социальной прослойки. Как показали дальнейшие события, турки тем самым допустили серьезный стратегический просчет и создали все необходимые условия для расширения русско-черкесских экономических связей.

К середине XVIII в. набирающая обороты российская мануфактурная промышленность была готова поставлять на рынки Черкесии широчайший ассортимент своих товаров по доступным ценам. Пейсонель, оказавшийся в самом центре

разворачивающихся событий, отмечает: «Черкесы еще не покорены русскими и сохраняют до сих пор признак свободы, но так как Тамань, Темрюк, Атчу и Каплу являющиеся рынками, куда они имели обыкновение привозить свои товары и покупать себе все необходимое, находятся в конце концов в руках русских, то ясно, что вся торговля Черкесии окажется в конце концов в руках русских ...»²⁴.

В отличие от своих основных конкурентов, вынужденных доставлять товары морем, а потому закладывавших расходы на транспортировку и риски в их стоимость, русские купцы имели возможность осуществлять торговые операции сушей, что естественно, делало их предприятие более выгодным. Турецкие коммерсанты и в дальнейшем продолжали ориентироваться в своих предприятиях на состоятельную клиентуру, значительно уступая русским в мобильности, неумолимо теряя при этом позиции на местном рынке.

Таким образом опираясь на данные французского консула, можно констатировать, что таманское направление черкесской торговли в большей степени было ориентировано на состоятельного покупателя. Вместе с тем, в какой-то мере учитывались и интересы менее состоятельной публики. В приводимом Пейсонелем перечне все же присутствует товар, который без всяких натяжек мог быть востребован исключительно в сельском хозяйстве — это германские косы, которых ежегодно ввозилось до 35 тыс.²⁵. В предыдущем разделе своего трактата, посвященном торговле Крымского ханства, Пейсонель, говоря относительно реимпорта немецких кос, четко разделяет поставки этой продукции к ногайцам и черкесам. Из сообщения автора вытекает, что ногайцы их покупают в большом количестве непосредственно в Крыму. Черкесы же, по его словам, получают «значительное количество этих изделий» напрямую через Тамань²⁶. Не приходится сомневаться, что эти 35 тыс. предназначались непосредственно черкесским хозяйствам.

Как известно, черкесское крестьянское хозяйство вплоть до реформ 60-х г. XIX в. продолжало оставаться натуральным, следовательно, в описываемый период черкесы все необходимое, в том числе и орудия труда, производили самостоятельно. Опять

же в силу дороговизны, далеко не каждый черкесский крестьянин мог позволить себе приобрести данный товар. Значительно дешевле, а потому и рациональнее, было приобрести этот сельхозинвентарь у сельского кузнеца. Естественно, что качество местной поделки было заведомо ниже импортного немецкого, как и срок эксплуатации. Импортные косы могли использоваться в хозяйстве значительно дольше, значит число зажиточных крестьянских хозяйств Черкесии, куда ежегодно ввозилось до 35 тыс. этих изделий немецких металлургов, даже учитывая возможный реимпорт соседям, по нашему мнению, приблизительно равнялось 100 тыс. Вместе с тем эти расчеты числа зажиточных крестьянских хозяйств Черкесии в этот период получены эмпирическим путем и являются в определенной степени условными, а потому вполне могут быть уточнены и исправлены по мере выявления новых источников.

Подводя общие итоги можно утверждать, что к середине XVIII столетия транзитная торговля через таманский порт была востребована в большей степени социальной верхушкой черкесского общества. К этому времени внутри этой социальной категории сформировался устойчивый спрос на предметы роскоши, обеспечение которого и стало основной специализацией таманского импорта. Объемы и спецификация ввозимых товаров позволяют примерно установить численный состав данной категории потребителей. По нашему мнению, импортная продукция была рассчитана на 8–10 тыс. покупателей обоего пола из числа местной знати.

Зафиксированный Пейсонелем факт устойчивой транзитной торговли через Тамань сырьем и полуфабрикатами свидетельствует о продолжающемся развитии ремесла и кустарного производства у черкесов в данный период. На основе анализа данных французского торгового консула, можно выделить наиболее успешные их направления: ткацкое, войлочное, оружейное, арчанное, шорное и ювелирное производства. Но подобное положение вещей никоим образом не отразилось на состоянии и темпах развития таманского направления торговли. В большей степени виновником сложившейся ситуации являлась Оттоманская Порта, которая, несмотря на свое доминирование в

регионе, практически самоустранилась от участия в развитии торговли и экономики края. Османское законодательство и администрация действовали лишь на территориях, подконтрольных военным гарнизонам. Их влияние было ограничено во времени и пространстве. Черкесия в этой ситуации, выступает заложником в противостоянии двух извечных антагонистов — Турции и России.

В целом, торговые отношения с Черкесией представляли определенный интерес лишь для узкого круга купечества Порты, специализировавшегося на закупках и перепродаже сырья. Вывоз сельскохозяйственной продукции для нужд собственных производителей или дальнейшей перепродажи европейским мануфактурам в силу значительного удаленности от основных черноморских портов являлся малорентабельным. И хотя некоторая часть сельскохозяйственной продукции, животноводства и охоты под брендом «черкесских товаров» при посредничестве Турции поступала на мировые рынки, ее объемы в силу трудностей транспортировки не могли быть значительными. Более удобным для торговли сырьем и излишками сельскохозяйственного производства являлось другое направление, а именно торговля с русским приграничьем.

Не обладая необходимыми ресурсами и временем для интеграции Черкесии в общеимперскую экономику, Диван ограничил свои действия сбором пошлин и контролем над торговлей по кавказскому побережью Черного моря. Порты практически не развивают кавказское направление торговли, не являющееся для нее ни прибыльным, ни перспективным. Кавказские рынки были отданы на откуп мелким торговцам и редким представителям европейской коммерции. Пейсонель, описывающий торговлю с черкесами, раскрывает картину остановившегося в своем развитии рынка. Черноморское направление оказалось заперто в коллапсе политических противоречий между Турцией и Россией.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Пейсонель К.* Политическое положение Франции и ее нынешние отношения со всеми европейскими державами. Париж, 1789. Т. 2. С. 11.

2. *Пейсонель К.* Трактат о торговле на Черном море / Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. / под. ред. В.К. Гарданова, Нальчик, 1974. С. 179—203.

3. Там же.

4. *Клингген И.* Основы хозяйства в Сочинском округе. СПб., 1897. С. 62.

5. *Пейсонель К.* Трактат ... С. 192.

6. Там же. С. 198.

7. Там же. С. 195.

8. Там же. С. 192.

9. Там же.

10. Там же С. 194.

11. Там же. С. 195.

12. *Бгажноков Б.Х.* Этнография адыгов. Нальчик. «Эльбрус», 2011. С. 226.

13. *Gazette De Franse.* Paris, 1887. P. 4.

14. *Пейсонель.* Трактат. С. 194.

15. Там же. С. 193.

16. Там же. С. 193.

17. *Гарданов В.К.* Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1967. С. 178.

18. *Паллас П.С.* Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. / под. ред. В.К. Гарданова. Нальчик, 1974. С. 222—223.

19. *F. Dubois de Montpereux, Voyages du Caucase, chez les Abkhases, en Colchide, en Geordie, en Armenie et en Crimée.* Paris, 1883. 143.

20. *Пейсонель.* Трактат С. 195.

21. Там же. С. 192.

22. *Смирнов А.* Изучение исторических сведений о Российской промышленности с половины XVII-го столетия по 1858 год. Ч. I. СПб., 1859. С. 101.

23. *Тучков С.А.* Записки Сергея Алексеевича Тучкова (1766—1808). СПб., 1908. С. 166.

24. *Пейсонель.* Трактат С. 199.

25. Там же. С. 198.

26. Там же. С. 184.

**ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ ЧЕРКЕСОВ
В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ В ОБЩЕРОССИЙСКОЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
В XIX — НАЧАЛО XX ВВ.**

**ЧЕРКЕСЫ В ТОРГОВЛЕ РОССИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.**

Покорение Северного Кавказа и дальнейшие мероприятия по интеграции горского населения края в геополитическое и культурное пространство Империи в первой половине XIX в. ставили царское правительство перед необходимостью решения комплекса социально-политических и экономических задач. В этой связи, как на местах — в администрации Кавказской линии, — так и в высших эшелонах власти Империи сложилось ясное понимание необходимости налаживания торговых отношений с горцами как неперемennого условия скорейшей их интеграции в общеимперское пространство. Именно в торговле, в первую очередь, виделся залог к успеху в деле привлечения горцев к «благам цивилизации» и «отвращению их от разбоя и грабежа».

Одним из важнейших факторов, оказавших значительное влияние на процесс колонизации Россией Северного Кавказа и во многом определивших ее экономическую политику в крае стало формирование в недрах ее крепостнического хозяйства фабричной промышленности и вызревание капиталистических отношений. Стремление к расширению рынка сбыта товаров со стороны владельцев фабрик уже в первые десятилетия XIX в. привело к тому, что русские фабричные изделия, несмотря на военную обстановку и многочисленные препятствия, стали широко поступать на черкесские территории¹.

В соответствии с жалованной грамотой от 30 июня 1792 г., Черноморское войско «получило в вечное пользование остров

Фанагорию, со всей землей, лежащей по правой стороне реки Кубани, со всякого рода на ней угодьями, в числе которых драгоценным даром были соляные озера и лиманы»². Прежде эти озера, принадлежавшие крымским ханам, имели важнейшее экономическое значение и составляли существенную часть доходов крымской казны. Для закубанских черкесов это был почти единственный источник получения соли в промышленных объемах, и они были кровно заинтересованы в сохранении доступа к его ресурсам. Черноморцы же, получив в свое владение соляные озера и занявши степные пространства, в свою очередь, сильно нуждались, прежде всего, в строительном лесе, который они могли приобрести у черкесов.

Стихийно возникавшая в приграничных пунктах торговля была выгодна и черкесам, получившим возможность реализовать излишки своего хозяйства и ремесленного производства. Особенно это касалось черкесских крестьян, избавленных от необходимости везти свои товары в Тамань, единственный крупный порт Черкесии. «Они променивают сырые кожи, меха, воск, медь, лошадей, рогатый скот, войлоки, седла, уздечки, шитое платье на нужнейшие для них вещи, как - то порох, свинец, огнестрельное и белое оружие, чугунные котлы, холст, сукно, юфть и особенно соль»³.

Вместе с тем следует отметить, что торговые отношения черкесов и первых казачьих поселенцев возникли гораздо раньше описываемых событий. С начала XVIII в. эти отношения между становятся более интенсивными. В определенной мере этому способствовало основание русских укреплений — Святой Крест (1723), Кизляр (1735), Моздок (1763) и ряд других. Выросшие впоследствии в города, эти крепости уже с середины XVIII столетия являлись важнейшими центрами торговли России на Кавказе. Кизляр и Моздок в этот период, по мнению Н. Тхамокова «были главными торговыми пунктами между Россией и народами Кавказа»⁴. Черноморское побережье также издавна привлекало русских купцов, но здесь турецкий капитал продолжал удерживать лидирующие позиции вплоть до 30-х годов XIX в. Покорение Крыма и выход к Черному морю ускорили процесс освоения российским купечеством черноморских рынков.

Экономические выгоды черноморской торговли для российской коммерции, в том числе и ее черкесского сегмента, были подробно изучены и изложены в работе видного русского ученого-экономиста М. Чулкова. Описывая перспективы развития торгова с черкесами через Таманский рынок, он замечает: «Товары, которые в Тамани получать можно, суть соль — самосадка, мед, воск, лисьи и куньи мехи, бычачьи кожи, овчины, мерлушки, шерсть, зипуны, бурки и кошмы...»⁵. В обмен на это предполагалось экспортировать железо, чугун, металлическую посуду, хлопчатобумажные изделия и «щепетильные товары»⁶.

Правительство Екатерины II стремилось контролировать деятельность стихийно возникавших в приграничных районах пунктов торговли. Таврический генерал-губернатор специальным распоряжением от 1791 г. предписывал: «для общего блага, продажу соли, приобретенной в своих собственных пределах старшинами и казаками, черкесам закубанским и покупку у них хлебных семян и других надобностей производить и заниматься купеческою комиссиею с ними, соблюдаю от нашей стороны к ним ласковое обхождение...»⁷. Согласно этому распоряжению, до 1796 г. меновая торговля могла происходить в любом удобном для этого месте. Но в 1796 г. в дело вмешался непредвиденный фактор, вследствие занесения моровой язвы из-за Кубани на Таманский полуостров торговля, как и любые другие связи, была прекращена. Для предотвращения в дальнейшем угрозы массовых эпидемий правительство распорядилось создать по кордонной линии карантинные заставы. Эти вынужденные санитарные меры нивелировали первоначальный успех коммерческих предприятий правительства. Временное запрещение торговли с черкесами крайне негативно отразилось на экономике черноморских казаков, т.к. правительство не обладало возможностями и транспортными ресурсами для снабжения своих поселенцев необходимыми товарами. Черноморское войско терпело нужду в необходимых для себя предметах, вымениваемых на соль у закубанцев⁸. Прекращение поставок соли сильно ударило по крестьянскому хозяйству горцев, вызвало волну недовольствия, спровоцировало рост антироссийских настроений. Ситуация требовала немедленного разрешения.

Уже к 1802 г. казачье население Кавказской линии насчитывало 26 480 душ обоего пола, гражданского составляло 92 810 душ. Кроме этого в Черноморье проживало 25 000 человек обоего пола. В общей сложности оседлое русское население в начале XIX в. исчислялось в 146 294 душ⁹. Естественно, что эта огромная масса переселенцев нуждалась в строительном лесе и сельскохозяйственных товарах, которые им могли бы поставлять горцы. И хотя эти потребности отчасти удовлетворялись за счет стихийных базаров, потребность в них росла, а потому необходимость развивать торговлю была более чем очевидна. Правительство в этой связи предприняло ряд решительных мер направленных на развитие торговых сношений с горским населением Кавказа, как с «замирненными», так и не вошедшими еще в подданство России.

В связи с этими обстоятельствами войсковой наказной атаман генерал-майор Котляревский испросил высочайшее разрешение открыть меновые дворы с закубанцами на соль: один в Екатеринодаре против бжедугов, второй на Гудовичевой переправе против натухайцев, а третий против шапсугов, которые и были устроены и открыты для мены, а при них — карантинные учреждения. К меновым дворам от войска назначались смотрители, чиновники, переводчики и военные команды, а для карантинных дворов были разработаны специальные инструкции и карантинные правила.

10 октября 1811 г. были изданы высочайше утвержденные правила для торговых сношений с черкесами и абазинами. В соответствии с этим документом для торговли были определены два пункта: один в Керчи, для товаров, привозимых морем из Черномории и Абазии с полным портовым карантинном и таможеню, другой в Бугазе — меновой двор для товаров, привозимых сухим путем.

Предусматривалось, что в обмен на свою продукцию горцы будут беспошлинно, по тарифу получать любые российские товары и произведения в течение 10 лет со времени открытия Керченского порта и Бугазского менового двора, за исключением золотой, серебряной и медной монеты, как российского чекана, так и иностранной, а также российских банковых ассигнаций.

Ограничения накладывались и на продажу огнестрельного и холодного оружия, пороха, свинца.

Учреждая в 1811 г. меновые дворы в Керчи и Бугазе для производства торговли с черкесами и абазинами на новых основаниях, правительство назначило попечителем и помощниками его своих чиновников, снабдив их от министерства особыми инструкциями, а меновые дворы — казенной солью, с тем, чтобы мена производилась только на нее. Всем частным лицам было строго запрещено продавать и менять таковую закубанцам. Такой порядок на первых же порах вызвал волну противоречий. Правительственные чиновники, игнорируя интересы войсковых обывателей, которые нуждались не только в хлебе, но и в лесе, дровах и прочих предметах, которых в Черномории не доставало, открыли мену соли только на рожь, а привозивших прочие предметы закубанцев грубо возвращали назад, чем и вызвали неудовольствие войсковых жителей и неприязнь закубанцев, у которых отпало поэтому охота посещать Бугазский меновой двор. Кроме того, постоянно возникали споры между чиновниками войсковыми и правительственными, несмотря на предписание Ермолова, который основываясь на грамоте Черноморскому войску от 30 июня 1792 г., предоставлявшей войску свободную внутреннюю торговлю на благодарной черноморцы вот уже более 20 лет имели меновые дворы и право выменивать у закубанцев все вообще произведения их земли, предписал комиссару Бугазской карантинной заставы не вмешиваться в дела, до него не касающиеся (торговые)¹⁰.

Вместе с тем, вследствие непрекращающихся конфликтов между войсковой администрацией и правительственными чиновниками с одной стороны, и нежеланием горцев, которым дозволялось вывозить беспошлинно только «предметы первой необходимости для черкесского обихода: соль, хлеб и проч.»¹¹, а также исходя из низкой рентабельности, правительство закрывает в 1828 г. Бугазский меновой двор. В этом решении наглядно проявилось неумение военного руководства края наладить нормальный процесс торговых отношений. Вместе с тем ситуация требовала поиска новых путей разрешения.

В январе следующего года Командующий войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал Емануэль, согласно высочайшего повеления, разослал объявления к горским народам, обитающим между Черным и Каспийским морями и изъявившим верноподданство Российскому Императору, о свободной, беспошлинной торговле горцев с русскими всеми без исключения товарами на всех меновых пунктах, приглашая их всех воспользоваться этой новой возможностью. Причем все товары разделялись на две категории: «приемлющие заразу», которые должны подвергаться карантинному очищению на карантинных заставах, и «не приемлющие заразы», которые разрешалось привозить и менять повсюду, где имеются или будут учреждены меновые дворы, соблюдая при этом, чтобы под видом мирных горцев даруемыми преимуществами не пользовались неприязненные¹². Эти меры оказались половинчатыми и запоздалыми, потому не имели серьезных последствий. Разрешенная с горцами меновая торговля не принесла ожидаемых результатов и вместо развития постепенно приходила в упадок. Препятствием тому служили, с одной стороны, частое появление за Кубанью «заразительной болезни» - холеры, против распространения которой предпринимались карантинные предосторожности, и запрещение на ввоз в Россию многих товаров стесняло торговлю, с другой стороны, постоянная война с горцами, раздражавшая обе враждующие стороны.

Нельзя утверждать, что русское командование недооценивало значения развития торговых отношений с горцами. Генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии в 1804—1815 гг., Э. О. де Ришелье, несмотря на военные компании против черкесов, в которых он принимал участие, был убежденным сторонником необходимости развития этой торговли. «Их просто отгеснили к своим горам, ... они не могут обменивать на необходимые товары свои лишние изделия, свое зерно, дерево, свой мед и воск, добычу от охоты и животноводства, поэтому они мстят своим притеснителям и насилием берут то, в чем им отказывают в дружеском сношении»¹³. Генерал-губернатор, вдохновленный этими идеями, разрабатывает проект особой торговой экспедиции, призванной расширить торговые связи с прибрежными

черкесами. Реализация проекта была поручена поступившему на русскую службу итальянскому коммерсанту Рафаэлю Скасси. Предприимчивый итальянец, воспользовавшись своим близким знакомством с влиятельным черкесским князем Мехметом Индар-Оглу, в 1814 г. организовал доставку товаров на военном транспорте «Дунай» в Черкесию. Этот мирный шаг был по достоинству оценен черкесами, а Скасси и команда русского военного корабля «была встречена доброжелательно»¹⁴. Герцог де Ришелье, который, по словам Мариньи, являлся «душой этой первой экспедиции», вдохновленный успехами, «задумал с тех пор проект смены бесплодной войны на торговые связи с черкесами»¹⁵. Но кроме незначительных успехов, начинания Ришелье и Скасси не имели серьезных экономических и, тем более, политических результатов. Виной тому — ошибочность экономической стратегии Скасси, сделавшего ставку на свою дружбу с Индар-Оглу. Упомянутый князь, несмотря на всю свою влиятельность, не мог обеспечить коммерческим планам Скасси режим наибольшего благоприятствования на территориях сопредельных черкесских княжеств. Точечные торговые операции с Индар-Оглу превратились, по сути, в торговлю от имени этого нобиля с его соседями и союзниками, что в глазах остальных черкесов негативно отражалось на имидже всего предприятия. К тому же доходы от этих экспедиций в сравнении с запланированным были весьма незначительны. Этот провал был отмечен при русском дворе. Противники проекта добились его сворачивания.

Особенно неудачными результаты проекта выглядели на фоне успехов турецких купцов. Одной из целей Скасси было отвратить черкесов от торговли с Османской Портой, продемонстрировать все выгоды от коммерческих связей именно с Россией. Ситуацию накаляло и то обстоятельство, что Турция, вопреки всем запретам, продолжала контрабандно торговать с черкесами. «Турки снабжают их всеми товарами, что они просят привезти из-за границы», - комментировал ситуацию майор Тауш, служащий русской торговой миссии в Пшаде. По его оценкам, годовой оборот турецких купцов составлял около 2,5 млн. пиастров¹⁶.

Среди других причин упадка торговли следует назвать необеспеченность безопасности личности и имущества купцов, отправлявшихся к черкесам. Вследствие запрета на вывоз денег с российской территории любой торг терял свою привлекательность для черкесов, поэтому непрерывная торговля, хоть и в незначительных размерах, поддерживалась только нахичеванскими армянами, имевшим постоянные связи среди горцев, так что в начале 30-х г. «торговля наша с горцами пришла в совершенный упадок»¹⁷.

Неутешительная ситуация продолжала сохраняться и на казенных меновых дворах. Сквозь бравурные реляции ответственных чиновников все явственнее проступали черты стагнации торговых отношений. Подводя итоги торговли с горцами, Керчь-Еникальский градоначальник доносил князю Воронцову, что керченские и некоторые иногородние купцы вели с горцами меновую торговлю солью, которую правительство отпускало безденежно, взимая только по 10 копеек за пуд в возврате издержек на ее приобретение, посудую, чугунными изделиями и припасами, а взамен получали рожь, пшеницу, меха, мед и т.п. Мена эта происходила как при попечительстве, так и прежде всего под единственным и не всегда надежным покровительством кунаков. В мене соли сами русские купцы «имели большие выгоды, получая от горцев в зерне хлеб, мерою вдвое и втрое более против количества соли» но эти выгоды, по меткому выражению В.С. Шамрая, «иногда исчезали на поддержание связей с кунаками и на удовлетворение самовольных требований необузданных горцев, руководствующихся своими правилами или обычаями»¹⁸. Действия попечительства, учрежденного для усиления и поддержания такой торговли, ограничивались тем, что оно имело своих комиссаров на местах, где мена могла производиться с большим успехом. Главнейшая их обязанность состояла в поддержании дружеских связей с кунаками, из которых попечительство имело только Индар-Оглу. Хотя правительство не жалело на этот предмет издержек, отпуская ежегодно 15 тыс. рублей экстраординарной суммы в распоряжение попечителя, результат вышел незначительным. Ставка на протекционизм со стороны отдельно взятого черкесского князя

не оправдала себя: «при таковых средствах, вместо того, чтобы иметь не одного, а несколько значительных кунаков, ограничилось дружбой с Индар-Оглу, несмотря на могущество, которого, были случаи, что горцы причиняли насилия и грабежи нашим купцам»¹⁹.

Вследствие изменившихся условий на Кавказской линии, были изданы Высочайше утвержденные 13 марта 1835 г. правила для таможенного надзора по Кавказской линии, при Указе Правительствующему Сенату, в котором говорилось: «торговые отношения с черкесами, абазинцами и прочими горскими народами в черноморских портах и на Бугазе оставить впредь до усмотрения в настоящем положении, воспретить, однако же, вывоз к ним как по Черному морю, так и сухим путем тех самых предметов, которые упомянутыми правилами запрещается отпускать горцам по Кавказской линии; существующую в Бугазе таможенную заставу ныне же упразднить, а таможенный надзор в сем пункте, доколе оный потребуется, возложить на находящийся там меновой двор, оставив оный по сему предмету в ведении Керчь-Еникальского градоначальника»²⁰. В связи с присоединением Анапы и прилегающих территорий к владениям России Бугазская таможенная заставка была упразднена, т.к. необходимости в ней больше не было.

По новым правилам привоз товаров горского происхождения, поименованной в приложенной росписи, разрешался беспопшлинно на тех пунктах Кавказской линии, где по карантинным правилам привоз их мог быть допущен. С изменением, вместе с тем, и положения Черноморской кордонной линии, т.е. с приобретением пунктов на берегу Черного моря до границ Гурии, с учреждением крейсерства, изданием новых правил для таможенного надзора по Кавказской линии, упразднением Бугазской таможенной заставки, упразднением попечительства о меновой торговле с черкесами и абазинами встал вопрос о необходимости изменения также прежних правил торговли с закубанскими народами — сухопутной и морской — на новых условиях. Главное Кавказское начальство в лице Главнокомандующего барона Розена и Керчь-Еникальского Градоначальника придерживались мнения о необходимости окончательного

прекращения всяких враждебных действий против горцев как на суше, так и в море, и открыть с ними торговые сношения в самых широких размерах на льготных для них началах (беспошлинно) на всех пунктах, с пожертвованиями даже со стороны правительства выгодами своими и деньгами в виде субсидий частным лицам на торговые предприятия; прекратить всякие военные экспедиции против горцев; построить склады, открыть базары, отпускать безденежно соль, приобретать дружбу кунаков, привлекать на свою сторону мулл и дервишей и содержать войска на море и на суше только для защиты торговли и преследования контрабандистов, полагая достигнуть цели покорения горцев таким образом вернее, чем силою оружия.

Помимо указанных выше причин, развитию нормальных торговых отношений с горцами в значительной мере препятствовали процветающая в крае контрабанда, как со стороны Турции, так и со стороны армянских купцов, которые формально находясь в подданстве России, пользовались поддержкой и покровительством местной горской аристократии. Армянская диаспора к началу XIX в. сконцентрировала в своих руках все нити торговых отношений на Кавказе и не желала ни с кем делиться выгодами своего положения. Тем не менее, с учетом развития рынка, хозяйственный уклад горцев постепенно изменялся. Как отмечал Т.Х. Кумыков: «Торговые связи Северного Кавказа до некоторой степени оказывали влияние на рост хозяйства горцев, на восприятие ими новых методов ведения сельского хозяйства. Торговля способствовала адаптации не только отдельных лиц, но и целых групп общества к новым жизненным условиям русского капитализма»²¹.

С изменением положения Черноморской кордонной линии вследствие приобретения опорных пунктов на берегу Черного моря до границ Гурии, встал вопрос о необходимости изменения прежних правил сухопутной и морской торговли с закубанскими народами. Главное Кавказское начальство в лице Главнокомандующего барона Розена и Керчь-Еникальского Градоначальника придерживались мнения о необходимости окончательного прекращения всяких враждебных действий против горцев, как

на суше, так и в море, и открытия с ними торговых сношений на льготных для них началах (беспошлинно). Предполагалось построить склады, открыть базары, отпускать безденежно соль, приобретать дружбу кунаков, привлекать на свою сторону мулл и дервишей и содержать войска на море и на суше только для защиты торговли и преследования контрабандистов, полагая достигнуть цели покорения горцев таким образом вернее, чем силою оружия²². Это решение ознаменовало собой начало нового этапа в развитии торговых связей России и Черкесии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Покровский М.В.* Русско-адыгейские торговые связи. Майкоп, 1957. С. 7.
2. *Шамрай В.* Краткий очерк меновых (торговых) сношений по черноморской кордонной и береговой линии с Закубанскими горскими народами. С 1792 по 1862 г. // Кубанский сборник. Т. VIII. С. 362.
3. *Броневский В.* История Донского войска. Описание Донской Земли и Кавказских Минеральных Вод. Поездка на Кавказ. Ч. IV. СПб., 1834. С. 87.
4. *Тхамоков Н.Х.* Социально-политический строй кабардинцев в XVIII веке. Нальчик, 1961. С. 99.
5. *Чулков М.* Историческое описание Российской коммерции. Т. 2. СПб., 1785. С. 584.
6. *Чулков М.* Там же.
7. *Шамрай В.* С. 362.
8. Там же. С. 363.
9. Терский календарь на 1896 г. Владикавказ. 1895. С. 29.
10. *Шамрай В.* С. 371.
11. Там же. С. 381–382.
12. Там же. С. 382.
13. *Neumann K.* Russland und die Tscherkessen. Stuttgart, 1840. P. 61.
14. *Мафины Т.* Поездки в Черкесию. Нальчик, 2006. С. 28.
15. Там же.
16. *Тауш К.* Извлечение из «Заметок о черкесах», составленных немцем по имени Карл Тауш, который проживал восемь лет на служебном положении в Пшаде, близ порта Геленджик / Неизвестные страницы Кавказской войны. Нальчик, 2011.

17. *Шамрай В. С.* 384—385.
18. Там же.
19. Там же. С. 385.
20. Там же. С. 386.
21. Торгово-экономические связи России и Северного Кавказа в период Кавказской войны (40—50-е гг. XIX в.). Сборник документов / сост. Т.Х. Кумыков. Нальчик, 2005. С. 16.
22. *Шамрай В. С.* 387.

РОССИЙСКИЕ ЯРМАРКИ В ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ ЗАПАДНОЙ ЧЕРКЕССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Одним из центров, сыгравших важную роль в деле развития добрососедских отношений между горцами Кавказа и пришлым русским населением края, стал Екатеринодар с его ежегодными ярмарками.

Официальные документы фиксируют появление черкесов на этих ярмарках в 1830 году. Первыми посетителями Троицкой ярмарки стали представители знати, сумевшие на деле доказать свою лояльность Империи. Закубанские князья «Хамышейского племени Алкас и «Чирчинейского племени» Магмет обратились через смотрителя Екатеринодарского менового двора с просьбой пропустить их с товарами и подвластными людьми через Екатеринодарский карантин в город Екатеринодар на Троицкую ярмарку¹.

Просьба князей — «первого в уважении того, что он был проводником в экспедиции против шапсугов, а второго — что он доставлял на продажу лес» — была удовлетворена, и черкесские товары по карантинному очищению и тщательной проверке, «нет - ли между ними запрещенных к ввозу или принадлежащих Закубанским армянам, были по описи пропущены на ярмарку, которые и проданы за сумму 3936 р., купленные же на ярмарке русские товары на сумму 3887 руб. 35 коп., так же по проверке и описи, пропущены обратно»². Купленные черкесами товары состояли преимущественно из холста и ситца и частью из посуды.

В 1833 году на Екатеринодарскую Покровскую ярмарку были пропущены через Редутский карантин 3 черкеса Темиргоевского владетельного князя Казбича Ахметукова с товарами; 3 черкеса хамышевского племени; 19 человек разных аулов; 8 человек подвластных Шеретлуко с товарами; 4 человека абадзехов

с р. Псекупса. Причем в торговые операции активно начинают втягиваться и представители знати. Как сообщают документы: «владельца Шеретлука черкес Ворк (уорк) Бейслан Калуков с 300 пудов орехов, а вторично с 40 п. меду, 40 п. коровьего масла, 50 п. говяжьего сала, 2 п. воску и 20 бычьих кож³. Перечисленные черкесы с купленными на ярмарке товарами по надлежащем осмотре были пропущены обратно за Кубань.

Единичные посещения горцами Екатеринодарских ярмарок показали закубанцам всю выгоду для них свободной торговли, почему они и начали вскоре массово обращаться за разрешением пропуска на ярмарки. Новый период в истории торговых отношений русских с горцами начинается с 1845 г., когда за дело взялся умный и энергичный, по словам современников, начальник Черноморской кордонной линии генерал Рашпиль. Чтобы «ознакомить черкесов с выгодами мирной торговли при мирных условиях»⁴ Рашпиль идет на беспрецедентный шаг и допускает всех мирных горцев из-за Кубани в Екатеринодар на ярмарку. Ввиду этого в 1845 г. Главнокомандующим отдельным Кавказским Корпусом графом Воронцовым дозволено было пропускать из-за Кубани в город Екатеринодар на Благовещенскую ярмарку всех мирных и немирных закубанских горцев в течении 6 дней (с 20 по 26 марта) с предупреждением их о том, что разрешение это допускается в виде благодеяния со стороны правительства и в виде пожертвования со стороны войска частью общественных доходов и что поэтому закубанцы должны пользоваться данным случаем, не могущим часто повторяться, для обеспечения своих нужд и потребностей на продолжительнейшее время. Распоряжение это было объявлено генералом Рашпилем в собрании бжедугских старшин при Константиновском посту в понятной для них форме. Бжедуги приняли это известие «с особенным удовольствием и обещали полное свое содействие и кроме выборных старшин, долженствовавших на ярмарке опеку над торговыми обществами закубанцев»⁵ и согласились выставить туда же, к ставке временного воинского начальника, 12 всадников из благонадежных людей.

Об учреждении черкесской ярмарки сделано было предупреждение и жителям ближайших к Екатеринодару станиц и части внутренних, с приглашением привозить на ярмарку для

мены с закубанцами преимущественно хлеб в зерне, как одну из важнейших потребностей аулов.

Воинским начальником первой черкесской ярмарки был назначен подполковник Шарап, его заместителем — есаул Абанович. Власти отнеслись к ее организации чрезвычайно серьезно. Генералом Рашпилем были разработаны тщательные и самые подробные инструкции, лейтмотивом которых явилось стремление предупредить любые возможные негативные явления в период проведения намеченных мероприятий. Так, в одном из ее разделов воинскому начальнику и старшинам предписывалось, например, «озаботиться ласкою приобрести расположение горских посетителей, ограждая их от всяких обид, а благоразумною твердостью и распорядительностью предупреждая и отстраняя случаи, через которые могла бы последовать от них кому либо обида»⁶. От черкесов за порядком на ярмарке следили сотник Султан Сагат-Гирей, прапорщик Шаган-Гирей Батокон и еще «12 благонадежного поведения всадников». С русской стороны наблюдение осуществляли три офицера с приданной им для этого командой, состоящей из солдат и казаков общим числом более 130 человек.

Но, не смотря на все приготовления, первая черкесская ярмарка 1845 года (Благовещенская в Екатеринодаре) оказалась неудачной. По причине обильных дождей и снегопада, и ударившего за ними заморозка пути сообщения сделались невозможными. Погода повлияла и на посещаемость черкесской стороны. В результате продолжительной и суровой зимы, недостатка сена в черкесских аулах начался массовый падеж скота, в том числе и приготовленного на продажу. К этому добавилось запрещение некоторых симпатизирующих Шамиллю феодалов торговать своим подвластным с русскими. Количество жителей станиц, посетивших ярмарку в связи с этим, было крайне незначительным. Черкесов на торги явилось очень мало — «незначительные партии»⁷.

Следующая, в том же 1845 г., черкесская Троицкая ярмарка в Екатеринодаре, с 27 мая по 6 июня была гораздо удачнее первой как по количеству посетителей, так и по объемам торговых оборотов. На этот раз все благоприятствовало ярмарке: погода стояла ясная, съезд жителей из станиц был внушительным; закубанцев прибыло мирных 7 205 человек и не мирных 2 591.

Со стороны администрации были предприняты все меры к тому, чтобы «ярмарка для черкес была праздником, не было упущено из виду ничего, что только могло занять приятным образом слух и взор дикаря: в стане их по вечерам играла музыка, для всех почетных горцев были откуплены входы на зрелища, которые давались на ярмарке странствующими труппами вольтижеров и комедиантов»⁸.

Закубанцы вполне воспользовались «свободой торговли и мены с нашими жителями, и в течении одной недели Троицкой ярмарки выгодно сбывли избыток своих произведений и еще выгодно приобрели от нас все для себя необходимое; ими продано разного товару на 13 550 руб., а куплено и вывезено за Кубань на 22 504 руб. Порядок на ярмарке ничем нарушен не был. Черкесы остались весьма довольны и тут же просили о допущении их на будущее время на ярмарки»⁹. Временным начальником черкесской Троицкой ярмарки был назначен войсковой старшина Корсун, по-видимому именно благодаря его организаторским способностям мероприятие вышло удачным.

Открытую для черкесов в том же году в Екатеринодаре с 25 сентября по 2 октября Покровскую ярмарку тем же порядком и на тех же условиях посетило более 1 000 горцев. Привоз закубанцев состоял большей частью из леса и лесных плодов. Скудость привезенного на ярмарку была следствием значительного недорода на полях и пастбищах и опустошительного нашествия саранчи. Черкесами привезено на эту ярмарку товаров всего на сумму 2 550 руб. По тем же причинам не так многолюдно было стечение и жителей казачьих станиц против предшествующих ярмарок. Закубанцами вывезено с ярмарки товаров на сумму 2 500 руб., при этом «они остались весьма довольны ярмаркою, так как по причине малого съезда со стороны закубанцев, сбывли свои товары весьма выгодно»¹⁰.

Уступая настоятельным просьбам горцев, в 1846 г, с разрешения временно-командовавшего войсками Кавказской линии и Черномории был дозволен пропуск мирных черкесов на Екатеринодарскую Троицкую ярмарку, которая должна была продолжаться с 26 по 30 мая. Пропуск черкесов на ярмарку производился тем же порядком, какой установлен был в 1845 г.

Доставленная ими сельскохозяйственная продукция была полностью реализована. Выручка составила 9 456 руб. 20 коп., а куплено русских товаров и преимущественно муки, проса и зернового хлеба на 8 975 руб. 38 коп. По свидетельствам очевидцев черкесских арб с товарами прибыло 5 139. Количество посетивших это мероприятие черкесов превысило 6 тысяч человек. Следует отметить, что незнакомство с языками нисколько не мешало успешному торгу, т.к. в дело пускались «смешанные термины, созданные из черкесского и русского языков, различные гримасы, пальцы и т.п., так что со стороны получалась веселая картина, да и сами торгующиеся находились не в серьезном настроении»¹¹.

Положительные результаты прошедших Екатеринодарских черкесских ярмарок укрепили администрацию Черноморской кордонной линии в необходимости перехода к следующему этапу в развитии торговых отношений с закубанцами — открытию по всем пунктам кордонной линии временных базаров для свободной меновой торговли с черкесами. Именно с разрешением на проведение этого мероприятия генерал-майор Рашпиль обратился к командиру генерал-лейтенанту Завадовскому 17 июля 1846 г.¹², но сразу осуществить этот проект не удалось: в дело опять вмешался погодный фактор. В ходе сильного разлива реки Кубани все низменные места по линии, удобные для меновой торговли, были затоплены. В связи с этим черкесам вновь разрешено было съезжаться и привозить свои изделия и лес на Екатериноградскую Покровскую ярмарку в течении трех дней (24—26 сентября) и торговать в течении следующих пяти дней (27—30 сентября и 1 октября 1846 г.). Порядок пропуска их из-за Кубани, устройства непосредственно черкесской ярмарки, открытия ее и торга сохранялся тот же, что и на предшествующих ярмарках.

На Покровскую ярмарку прибыло 1 387 черкесских арб и при них 2 491 черкес; привезено товаров на сумму 4 386 руб. Предметами привоза традиционно стали: «лес в сыром виде и хозяйственных изделиях, одежда, кожи, сало, масло, мед, воск, лесные плоды и т. п.». Сумма приобретенного товара почти равнялась сумме привоза 3 804 руб.¹³. Черкесская сторона преимущественно скупала мелочный товар, мануфактуру и недорогой

«красный», в особенности в значительном количестве закубанцы приобретали оббитые жестью сундуки больших размеров¹⁴.

Ярморочная торговля прочно входит в повседневную жизнь горцев и постепенно превращается в одно из важнейших экономических событий завершающегося года. Эти ярмарки, как свидетельствуют источники, «сделались для черкесов народной потребностью»¹⁵. По настоятельным просьбам черкесских обществ в 1847 г. вновь был разрешен свободный торг мирным черкесам на Екатеринодарской Благовещенской ярмарке на прежних основаниях с 26 по 30 марта включительно. На эту ярмарку по ходатайству временно-командовавшего Черноморской кордонной линией также был разрешен проезд шапсугам и абадзехам, хотя и непокорным, но изъявлявшим «расположение» к покорности. Съезд на эту ярмарку состоял из 1 365 арб черкесских и при них 2 166 чел., из которых Хамышейского племени 1 664 чел., Хатукайского 162 чел., Черченейского 329 чел., а остальные не мирные Шапсуги. Продано им товаров на сумму 4 400 руб., а куплено на 4 000 руб. Закупки черкесов состояли в разном красном товаре, хозяйственной рухляди и особенно в медных тазах и красных сундуках, оббитых железа, а также хлеба в зерне, посуды, холста, тканей, сафьяна, железо, мыла и т.п., а привоз заключался в разном лесе, частоколе, обручах, каюки, осях и других подобных изделиях, кожах, масле, орехах и т.п.¹⁶

Вообще торговые обороты черкесских ярмарок в г. Екатеринодаре в 1847 г. выразились в следующих цифрах: привоз из-за Кубани на 14 799 руб. 50 коп., а вывоз — 7 865 руб.¹⁷

В 1849 г. по просьбам закубанских старшин и обществ, снова разрешено было черкесам, как мирным, так и изъявляющим намерение покориться, привозить на Благовещенскую ярмарку в Екатеринодар для продажи лес и прочие товары с 21 по 25 марта на прежних основаниях и с такими же предосторожностями, с тем только ограничением, что переправа на русскую сторону разрешалась не везде, как было раньше, а только в некоторых назначенных для того пунктах и пропуск «наших черкес» без арб был воспрещен¹⁸.

На эту ярмарку со стороны черкесов прибыло 941 человек. Привезено черкесского леса и других закубанских произведений

на 4 367 руб. 50 коп., а куплено ими и вывезено за Кубань на сумму 4 107 руб. Вывозили с ярмарки главным образом весьма востребованный «красный товар, хозяйственной рухляди и в особенности медные тазы и красные сундуки, оббитые железом»¹⁹.

На разрешенную Екатеринодарскую Троицкую ярмарку 1849 г. с 18 по 23 мая, прибыло 2 475 черкесов; «пригнано ими скота и лошадей 100 штук и привезено лесу и других закубанских произведений на сумму 7 283 руб. 5 коп., а куплено и вывезено товаров на сумму 4 757 руб.». На Покровскую ярмарку в том же году прибыло 2 570 черкесов. Привезено ими из за Кубани и продано разного леса и других предметов и изделий на сумму 4 938 руб., а куплено ими и вывезено за Кубань на сумму 835 руб.²⁰

По случаю волнений среди закубанцев, произведенных Магомет-Амином в 1850 и 1854 гг. черкесские ярмарки не проводились. В 1852 году «мирные» черкесы вновь получили разрешение властей участвовать в Екатеринодарских ярмарках на тех же условиях и с теми же предосторожностями, как и прежде. В общей сложности ими было реализовано леса и другой сельскохозяйственной продукции на сумму в 33 442 р. 76 коп., вывоз товаров — 13 363 руб. 50 коп. На трех ярмарках 1853 г. прибыло 10 633 черкеса; продано ими на 84 295 руб. 57 коп., а куплено на 59 071 руб. 40 коп.²¹ В дальнейшем ярмарки проводились в 1856—1863 гг.

Подводя общие итоги, следует отметить, что уже в ходе Кавказской войны разворачивается процесс развития торговли между Россией и черкесами Северного Кавказа. Несмотря на военное положение, экспедиции войск, экономические контакты расширялись. На рубеже XIX в. царское правительство предпринимает попытку урегулировать торгово-экономические отношения с кавказскими горцами путем введения системы меновых дворов. Данные меры оказали значительное влияние на изменение взаимоотношений горцев и пришлого русского населения Черномории и Кавказской линии, возникали новые формы торговли и методы экономического сотрудничества, развивались культурные связи, выстраивались добрососедские отношения.

Попытки правительства расширить торгово-экономические отношения с горцами еще в ходе войны были направлены на то,

чтобы укрепить и расширить свое политическое и военное положение на Северном Кавказе.

Торговые связи с русским населением Черномории и Кавказской линии оказали влияние и на изменения традиционного хозяйства горцев. Торговля способствовала адаптации населения Северного Кавказа к новым условиям русского капитализма, его интеграции в общероссийское экономическое пространство. Важнейшее значение в этом процессе сыграли черкесские ярмарки Екатеринодара, ставшие своеобразным полигоном для отработки методов экономического сотрудничества и взаимодействия русских переселенцев и горцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Шамрай В.* Краткий очерк меновых (торговых) сношений по черноморской кордонной и береговой линии с Закубанскими горскими народами. С 1792 по 1862 г. // Кубанский сборник. Т. VIII. С. 438.

2. Там же.

3. Там же.

4. *Щербина Ф.А.* История Кубанского Казачьего Войска. Т. II. История войны казаков с закубанскими горцами. С. 596.

5. *Шамрай В.* Указ. соч. С. 439.

6. Там же. С. 443.

7. Там же.

8. Там же. С. 444.

9. Там же.

10. Там же. С. 445.

11. Там же. С. 450.

12. Там же.

13. Там же.

14. Там же. С.451.

15. Там же.

16. Там же.

17. Там же. С. 452.

18. Там же.

19. Там же. С. 453

20. Там же.

21. Там же.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ НАЛЬЧИКСКОГО ОКРУГА

К началу XX в. промышленность Нальчикского округа, как и всей Терской области в целом, находилась еще в зачаточном состоянии и была представлена всего несколькими кирпично-черепичными, известковыми заводами и водяными мельницами. Темпы ее развития значительно уступали аналогичным показателям центральных губерний Империи. Такое положение вещей объясняется тем, что, несмотря на завершение процесса колонизации, Кавказ еще не успел до конца интегрироваться в общероссийское общественно-экономическое и культурное пространство. Затягивалось и окончательное оформление нормативно-правовой базы. Судебные преобразования в Терской области, как прежде, проводились на фоне административно-территориальных трансформаций¹.

Традиционные уклады, в том числе и в экономике, медленно и неохотно уступали место новым веяниям. Ситуация усугублялась отсутствием налаженной транспортной инфраструктуры, сложным рельефом и небезопасностью региона, что вкупе с другими, менее значимыми факторами сдерживало проникновение сюда крупного капитала.

Вместе с тем в экономике края к началу XX столетия наметились определенные позитивные сдвиги. Наблюдается переход от кустарного к мануфактурному производству. Растет число мелких предприятий, связанных с переработкой животноводческой и сельскохозяйственной продукции, строительством и, в силу специфики региона, курортным делом. Как правило, это были карликовые, полукустарные предприятия, со слабой капитализацией и мизерным числом занятых на производстве людей. Характеризуя состояние мелкой промышленности в Терской области, ее начальник Каханов указывал, что «фабрично-заводская промышленность находится в младенческом состоянии»², тем не

менее темпы промышленного роста области, судя по документам, с началом XX в. все отчетливее ускоряются.

Экономическое развитие края обусловило увеличение числа рабочих, но прирост этот был весьма невелик и сдерживался малыми мощностями действующих предприятий. Наемная рабочая сила, задействованная на производствах Нальчикского округа, к началу XX в. исчислялась всего несколькими сотнями. В 1901 г. во всех отраслях мелкой промышленности, включая и мельницы, работало 353 рабочих³, через год число их увеличилось, но незначительно, всего на 22 чел. Дальнейшее развитие капиталистических отношений в Кабарде и Балкарии способствовало расширению фабрично-заводской сети и кустарных промыслов. Если в 1902 году количество мелких заводов и фабрик, включая мельницы, исчислялось 307 предприятиями, то к 1914 г. их стало 413⁴. Особенно быстрыми темпами росло количество кирпичных заводов, что было связано с увеличением числа русских переселенцев. Начиная с 1891 г. по 1914 их количество увеличилось с 4 до 37⁵. Исходя из имеющейся статистики, можно рассчитать среднее число рабочих на одно предприятие в Кабарде и Балкарии в 1914 г. Оно составляло около 2 человек на кустарный цех. Мелкая промышленность была сосредоточена в наиболее крупных населенных пунктах, где их продукция пользовалась регулярным спросом. Так, в сл. Нальчик в 1899 г. располагались 3 кирпично-черепичных завода, 1 маслобойня, 2 гончарных завода и 5 водяных мельниц с годовой производительностью на сумму 4 700 руб⁶. Во всех мелких предприятиях Нальчика в 1914 г. было занято 61 рабочий⁷. Это довольно низкий показатель даже в масштабах Терской области и объясняется как характером производящего хозяйства, так и отсутствием разведанных полезных ископаемых. Как это видно на примере других регионов Кавказа, именно добыча нефти и других полезных минералов, в первую очередь, привлекала крупный промышленный и финансовый капитал, что в условиях российских реалий являлось залогом успешного экономического развития.

Львиная доля задействованных на производстве рабочих трудилась на мельницах. Мельничное дело с конца 70-х г. XIX в. находилось на подъеме. Объясняется это как ростом производительных сил в сельском хозяйстве округа, выразившееся в

увеличении урожаев зерновых, так и в низкой себестоимости такого предприятия и простоте обслуживания. 29 мая 1913 г. житель селения Куденетово I Хажмурза Вороков, собираясь построить мельницу в своей усадьбе, подготовил канаву, закупил необходимый лес «затратив на все это 200 р.»⁸. При этом, как видно из документов, с работой вполне справлялся один рабочий. Неудивительно, что именно этот вид предпринимательства становится наиболее популярным у местного населения и получает широкое распространение. В одном только Нальчике в 1876 г. имелось до 20 водяных мельниц⁹. Такое количество, между тем, для небольшой слободы, население которой не превышало 8 тыс., было явно избыточным, потому к 1899 г. их общее число сокращается до 5¹⁰.

В 1903 г. в округе насчитывалось 316 водяных и ветряных мельниц¹¹. В Нальчике мельниц — 5, в немецкой колонии Александровской, расположенной поблизости — 3¹². Для сравнения: в сел. Докшокова имелось 5 мельниц, в Безенги — 11 с 11 рабочими, доход не указан. В Балкарском обществе — 72 мельницы, где трудились 72 рабочих, в большинстве случаев, собственники. Годовой оборот этих предприятий достигал 18 000 руб.¹³

В 1905 г. в Терской области была осуществлена полномасштабная и детальная перепись промышленных предприятий. Благодаря этому событию мы располагаем точными данными о состоянии дел в этой отрасли вплоть до описания технической спецификации этих предприятий. Наиболее значительные из них находились в административном центре округа. Документы сохранили имена владельцев мельниц Нальчика: Василий Аливанцев; Моисей Рогов, который помимо собственной мельницы владел долей на пару с Ильей Кувашиновым в другой. Собственные мельницы в слободе имели братья Варлыгины и братья Тимофеевы¹⁴.

Из документов видно, что в описываемое время наблюдается разделение сферы мельничного предпринимательства по признаку специализации. Наряду с традиционными «мукомольными», появляются новые, ориентированные на работу с отдельными видами зерновых. Например, в материалах переписи фигурирует «крупорушная» мельница Ростовского 1-й гильдии купца Э.Т. Парамонова, расположенная в собственном имении

близ сел. Новопоплавское¹⁵. Зафиксирована «просорушная» мельница братьев Богдановых на р. Малке и проч.¹⁶ Отмеченная специализация наблюдается только на предприятиях владельцев из числа русских переселенцев. Многочисленные мельницы горского населения округа проходили под определением «мукомольные мельницы туземного изделия», технически значительно отличаясь и уступая отмеченным выше, они пользовались популярностью в силу своей неприхотливости и простоты обслуживания. Отдельные экземпляры сохранялись в Кабарде вплоть до середины 20-х гг. XX в. Заставший в 1923 г. подобный тип мельницы В.П. Пожидаев называет ее «архаической мельничкой». Они, по словам ученого, «и до сего времени очень распространены по горным захолустьям Кавказа», где «успешно конкурируют с большими наливными и подливными мельницами о трех и четырех поставах, которые здесь появились с приходом русских»¹⁷. Такая мельница, отмечает Пожидаев, «приготавливает до 15-ти пудов муки в сутки»¹⁸.

Вместе с тем горское население округа постепенно осваивает и новые образцы. Так, в ауле Клишбиевском в феврале 1904 г. одновременно сосуществовали «обычные», построенные по новым технологиям, мукомольные мельницы Бекмурзы Насранова, Мурзабека Насырова и «мукомольная мельница туземного изделия» Ахмеда Афова¹⁹.

Говоря о начальном периоде XX в. нужно констатировать, что фабрично-заводская промышленность Кабарды и Балкарии в основном находилась на стадии мануфактурного развития. Вместе с тем на отдельных производствах начинается переход к механизации наиболее трудоемких процессов. Эти предприятия, как правило, принадлежали представителям русской буржуазии, более грамотной и более сведущей в области технического прогресса.

Тем не менее, отмеченная механизация и усложнение производственных процессов ускорили процесс перехода предприятий Нальчикского округа на паровые машины. Среди первых были лесопильный завод Нальчика и маслобойни сел. Ново-Константиновки.

Горнодобывающая промышленность Кабарды и Балкарии была представлена несколькими мелкими предприятиями по добыче строительных материалов. В конце XIX — начале XX вв. в

округе действовали небольшие предприятия по добыче строительной глины и алебастра. Всего к 1908 г. в Кабарде и Балкарии действовало 7 известковых заводов, с общим числом рабочих 22 чел.²⁰ Часть этих промыслов принадлежала представителям местной буржуазии — Анзорову К.Н. и др. Предприятия добывающей отрасли принадлежали в основном столичным горнопромышленникам.

Порядок геологоразведочных работ и регламентацию отношений между горнопромышленниками и местным населением осуществляла специально организованная из числа наиболее влиятельных горцев и чиновников местной администрации «Комиссия по рудным делам»²¹.

Для эксплуатации минеральных источников Кабарды и Балкарии и строительства санаториев в 1914 г. было создано общество «Эльбрусский нарзан». По сообщениям газеты «Терские ведомости», целью названного общества было «... устройство и эксплуатация минеральных вод ... под горою Эльбрус, на берегу р. Малка у источника теплый нарзан»²². Учредителями общества были русские промышленники Прокопович А.М. и Никольский И.Г.

В 1913 г. слобода Нальчик считалась уже климатической станцией, куда на летнее время съезжалось до 2 000 больных. В 3 верстах от слободы находился дачный поселок Хутор-Долинский²³. Удивительная природа и целебный климат создали все необходимые условия для превращения провинциальной слободы в популярный курорт. Начавшаяся мировая война не позволила осуществиться планам курортного строительства.

Особенно бурными темпами в округе развивалась торговля, что было связано с проникновением капиталистических отношений в экономику Кабарды и Балкарии. Документами отмечено значительное, по сравнению с предыдущим периодом, увеличение числа торговых заведений и людей, занятых в коммерции. В 1895 г. число официально зарегистрированных торговцев одного только Нальчика достигло 114 человек, их годовой оборот составил 160 715 руб.²⁴ Всего по округу числилось 274 торговца, совокупный оборот которых превышал 256 000 руб.²⁵

В 1903 г. в Нальчикском округе насчитывалось 426 торговых точек, к 1914 г. их число увеличивается почти в двое и достигает

825²⁶. Торговыми центрами становятся слобода Нальчик и станция Прохладная. О последней «Терские ведомости» в 1902 г. сообщали своим читателям, что она «... в настоящее время представляет довольно крупный и очень бойкий торговый центр»²⁷.

Нельзя не отметить, что темпы роста доходов от занятий коммерцией значительно опережали аналогичные показатели промышленного производства. Наглядным подтверждением служат данные ежегодных статистических отчетов. К примеру, в 1900 г. имеющиеся в округе 342 предприятия мелкой промышленности, подавляющее большинство из которых составляли водяные мельницы — 317, произвели товаров и услуг на сумму 41 565 руб. В этот же период совокупный торговый оборот местных коммерсантов составил 284 420 руб.²⁸

В слободе Нальчик, как явствует из документов, в 1900 г. доход всех промышленных предприятий не превысил отметку в 9 тыс. руб., тогда как торговый оборот 74 лавок и магазинов составил более 136 тыс. руб.²⁹ В 1903 г. 14 промышленных предприятий слободы имели суммарный доход в 25 тыс. руб., а 125 официально зарегистрированных торговцев задекларировали в фискальных органах годовой торговый оборот в 170 тыс. руб.³⁰

Такая же картина наблюдалась и в других населенных пунктах округа. Для сравнения: в немецкой колонии Александровской, расположенной близ Нальчика, было 6 кустарных заводов и фабрик, 3 мельницы. Ими было произведено продукции на 1 500 руб. При этом хозяин единственной лавки, за этот же период, имел оборот в 500 руб.³¹

Аналогичное соотношение наблюдалось и в селениях горцев. В кабардинском ауле Докшокова числилось 3 лесопильни и 5 мельниц. Произведено товаров и услуг на 3 200 руб. 6 торговых заведений показали торговый оборот в 5 400 руб.³² В Верхне-Кожоковском ауле находилось 9 промыслов, которые произвели за год продукции на 500 руб. Вместе с тем, 5 аульских лавочников существенно перекрывали их показатели, демонстрируя оборот в 1 800 руб.³³

В Обществе Балкарском имелось 72 мельницы, которые за тот же период принесли доход своим хозяевам в 1 800 руб. Торговые заведения, 13 лавок, отчитались перед фискальными органами о торговом обороте в 2 360 руб.³⁴

Всего по округу за 1900 г. в реестре «промышленных» производств значится: известковых — 9; кирпично-черепичных — 18; лесопилен — 4; мельниц — 316; маслобойня — 1; прочих — 3. Общее число рабочих на этих предприятиях составило 459 чел. Товаров и услуг было произведено на 68 792 руб. При этом магазинов, лавок и иных торговых заведений насчитывалось 426, где обслуживанием клиентов занимались 457 зарегистрированных надлежащим образом коммерсантов. Их суммарный годовой оборот превысил 345 тыс. руб.³⁵ О высокой доходности коммерческого предпринимательства свидетельствует тот факт, что как показывают цифры, деятельность одинакового количества, занятого в этих отраслях местного населения имела ощутимо неравнозначное материальное выражение.

В 1907 г. среди лиц, временно проживающих в округе и имеющих официальное разрешение на ведение торговой деятельности, либо небольшое промысловое производство, указано 69 чел.³⁶. В списке лиц, не менее года владеющих торговыми или промысловыми предприятиями значилось 88 чел.³⁷ Из них 33 держали свои лавки и промыслы в Нальчике, 10 - в кабардинских селениях, 26 — в балкарских, 19 — в русских станицах и селах³⁸. Например, купец Мещеряков С.Н., помимо Нальчика, держал лавку в ауле Боташево, там же, судя по документам, находилась лавка Мещерякова Я.Д.³⁹ На хуторе Балкарова в качестве владельца небольшого промыслового производства указан другой нальчикский торговец — Школьный Л.П.

Торговля становилась престижным семейным предприятием. Складывались целые купеческие династии. Документы донесли до нас фамилии Зипаловых, Шуйских и проч. В 1907 г. среди держателей торговых патентов были зарегистрированы 3 брата Гавашелишвили, 8 купцов Лобжанидзе. Династия Рехвиашвили была представлена 11 купцами⁴⁰.

Рост торговых отношений в Кабарде наблюдается и в последующие годы. В 1909 г. число торговых заведений округа достигло 705, торговцев — 829, совокупный торговый оборот составил уже 592 787 руб.⁴¹ Сумма произведенных товаров и услуг кустарной промышленности Нальчикского округа, при этом, составила всего 35 275 руб.⁴² К 1914 г. во всех торговых пунктах

округа работало 946 чел. Годовой торговый оборот всех торговых заведений составил 1 647 474 руб.⁴³

Ярмарочная торговля в рассматриваемое время уступает свое место лавочной. Вместе с тем регулярные базары Нальчика, Докшоково и Кучмазукино по-прежнему остаются популярными как среди коммерсантов, так и среди населения округа. В 1914 г. торговый их совокупный оборот достигал 190 тыс. руб.⁴⁴

В годы первой мировой войны часть мелкой фабрично-заводской промышленности Кабарды и Балкарии выполняла небольшие заказы военного ведомства России. В деле под названием «Список предприятий, фабрик, заводов и др., включенных в число работающих на оборону государства», 25 июля 1917 г. значатся 11 различных предприятий и кредитных учреждений Нальчикского округа. Среди них наиболее крупными предприятиями являлись деревообделочные заводы «Фанера», «Чинар» в сл. Нальчик, мельница Зингера Т.Ф. в сел. Смекаловском, типография Львова К.М. в Нальчике, кредитные товарищества в сел. Баксан, Ново-Полтавское, сл. Нальчик и др.⁴⁵

Вступление России в конце XIX — начале XX вв. в эпоху модернизации способствовало дальнейшему экономическому подъему национальных окраин. Для Северного Кавказа это имело ключевое значение. Возникновение капиталистических отношений, включение края в систему всероссийского рынка благоприятствовало более быстрому росту экономики. Горское население Терской области активно включалось в рыночные отношения, под влиянием которых происходило становление и развитие общекавказского рынка, зарождение товарного производства, развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве.

Модернизационные процессы имели также важное политическое значение. Оказав значительное влияние на окончательное оформление экономики горских народов в пореформенный период, они способствовали развитию торговли и становлению общекавказского рынка. Под влиянием этих процессов традиционный хозяйственный уклад местного населения все больше приобретает товарно-капиталистический характер, начинаются изучение и разработка природных богатств края. Значительное развитие

получила строительная индустрия, появились новые отрасли промышленности: кирпично-черепичные заводы, предприятия по производству извести и алебастра, переработке древесины.

Вместе с тем нельзя не отметить тот факт, что процесс промышленного развития сдерживался отсутствием налаженной транспортной инфраструктуры. Терские производители сельхозпродукции вплоть до конца 70-х гг. XIX в. были лишены возможности доставки собранного урожая и мясомолочных товаров в крупнейшие промышленные центры России. В этих условиях отпадала всякая необходимость наращивать потенциал перерабатывающей промышленности округа, совершенствовать ее техническую базу. Имеющихся мощностей вполне хватало для обеспечения потребностей местного рынка, а о конкурентной борьбе на ведущих внутрироссийских рынках не могло быть и речи.

Отсутствие разведанных месторождений полезных ископаемых, и в связи с этим малая рыночная привлекательность для солидных инвесторов также ограничивали возможности промышленного роста Нальчикского округа. Процесс налаживания курортного дела в изучаемый период только разворачивался.

Предприятия торговли округа с начала XX в. стабильно демонстрировали удивительно высокие показатели темпов развития и доходности. Как показывают документы, этот вид предпринимательства являлся наиболее доходной статьёй экономики Нальчикского округа. Именно коммерческая инициатива населения в условиях отсутствия внешних инвестиций стала залогом дальнейшего роста фабрично-заводской промышленности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абазов А.Х. Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII — начале XX вв. Нальчик, 2016. С. 162.

2. УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хран. 289. Л. 1.

3. Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965, С. 414.

4. УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хран. 4. Л. 17.

5. Там же.

6. УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хран. 455. Л. 36.
7. УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хран. 864. Л. 73.
8. УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Ед. хран. 867. Л. 2.
9. УЦГА АС КБР. Ф. И-51. Оп. 1. Ед. хран. 8. Л. 18 об.
10. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хран. 455. Л. 36.
11. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хран. 602. Л. 28 об.
12. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хран. 602. Л. 110.
13. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хран. 602. Л. 109.
14. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хран. 641. Л. 2 об.
15. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хран. 641. Л. 21.
16. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хран. 641. Л. 28.
17. *Пожидаев В.П.* Хозяйственный быт Кабарды. Воронеж, 1925 г. С. 66.
18. Там же.
19. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хран. 641. Л. 9 об.
20. УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 768. Л. 102.
21. *Саблиров М.З.* Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX — начале XX вв. С. 36.
22. Терские ведомости, 1914. № 91.
23. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хран. 864. Л. 72.
24. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Ед. хран. 11. Л. 116.
25. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Ед. хран. 11. Л. 117.
26. *Кумыков Т.Х.* Указ. соч. С. 415.
27. Терские ведомости, 1902, № 180.
28. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хран. 514. Л. 22 об.
29. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хран. 514. Л. 110.
30. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хран. 602. Л. 110.
31. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хран. 602. Л. 109.
32. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хран. 602. Л. 109.
33. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хран. 602. Л. 109.
34. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хран. 602. Л. 110.
35. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хран. 602. Л. 109.
36. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хран. 702. Л. 111—112.
37. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хран. 702. Л. 132—132 об.
38. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хран. 702. Л. 132—132 об.
39. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хран. 702. Л. 111.
40. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хран. 702. Л. 132—132 об.
41. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Ед. хран. 28. Л. 52.
42. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Ед. хран. 28. Л. 123.
43. Терский календарь. Владикавказ, 1913. Вып. 23. С. 150—153.
44. УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 873. Л. 95.
45. *Саблиров М.З.* Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX — начале XX вв. С. 36.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ НАРОДОВ НАЛЬЧИКСКОГО ОКРУГА В НАЧАЛЕ XX в.

Толчком к трансформации старых и появлению новых предпринимательских практик Нальчикского округа, как и по всей стране, стали социально-экономические реформы второй половины 60-х годов XIX в. Именно в этот период отмечается начало интенсификации процессов модернизации традиционного хозяйства горского населения, поиск наиболее оптимальных путей для его интеграции в общероссийское экономическое пространство. Вместе с тем нельзя не отметить ключевую особенность этих процессов, заключающуюся в том, что все вышеуказанные события и явления хронологически совпали с завершением Кавказской войны и переходом к мирному этапу колонизации Кавказа.

Как известно, во второй половине XIX в. Россия приступает к проведению административных и территориальных преобразований на Северном Кавказе. Сутью реформы являлось желание ответственных представителей царской администрации наладить такую систему административно-территориального деления, при которой будет возможен наиболее эффективный военный надзор и контроль над покоренными народами. Именно ввиду этих задач на Кавказе вводится военно-народное управление, а административно-территориальное размежевание ни в коей мере не учитывало «национальные особенности, экономические интересы региона»¹, руководствуясь исключительно военными интересами и соображениями политической целесообразности. Введение так называемого военно-народного управления происходило постепенно и просуществовало до 1858 г.

Оформление военно-административной системы завершилось принятием «Положения о Кавказской армии» 1858 г. В ходе реформы в Кабарде и Пяти горских обществах упразднилось управление начальника центра Кавказской линии. Взамен было

создано управление Кабардинского округа в составе 2 участков, т.е. территории Большой Кабарды и Балкарских обществ². Малая Кабарда отходила в состав Осетинского округа и оставалась в нем вплоть до 1862 г.

Однако такая схема административно-территориального деления оказалась нежизнеспособной «в национальном, экономическом и политическом отношениях»³. Это стало очевидным уже к 1862 г., когда было принято решение вернуть Малую Кабарду в состав Кабардинского округа. Теперь вся территория была разделена на 4 участка.

Ошибки и просчеты в административно-территориальном районировании, злоупотребления местной администрации и другие факторы, негативно влияли на становление и развитие экономики края, вместе с тем, сам процесс был необратим.

Как уже отмечалось выше, толчком к развитию старых и появлению новых предпринимательских практик в регионе послужили социально-экономические реформы второй половины XIX в. Под «старыми», иначе говоря, традиционными, подразумевается занятие земледелием, скотоводством, а также связанными с ними народными промыслами. Этот «традиционный» сегмент экономики населения в описываемый период переживал не лучшие времена и поступательно сдавал свои позиции под давлением рыночных отношений. Народные промыслы и ремесла, не выдержав конкурентной борьбы с промышленными товарами, отходили в прошлое. В этих условиях локомотивом экономического развития региона становится торговля, бурный рост которой, помимо прочего, способствовал специализации некоторых отраслей народного хозяйства, повышению товарности их продукции, их рыночной ориентированности. Рост частной предпринимательской инициативы обусловил развитие рынка услуг Северного Кавказа в целом. Разбогатевшие на торговле купцы, стремясь сохранить и приумножить свои капиталы, достаточно легко шли на диверсификацию своего основного предприятия. Не остались в стороне и коммерсанты Нальчикского округа, которые помимо лавок и магазинов, старались вкладывать свои капиталы и в другие прибыльные предприятия, открывая мелкие промысловые производства, постоялые дома, духаны и кабаки.

Поражает разнообразие частных предпринимательских инициатив и предложений коммерсантов округа, сформировавшихся уже к началу 90-х г. XIX в. И хотя по-прежнему ведущее место продолжает занимать торговля, тем не менее, как это видно из документов, удельный вес рынка сферы услуг в экономике края неуклонно растет.

В Нальчике уже с мая 1894 г. открылось фотоателье. Заведение принадлежало Ефиму Лукьянову. Но просуществовало оно недолго, т.к. владелец по неизвестным причинам не озаботился приобретением разрешительных документов. Когда через несколько месяцев администрация округа обратила внимание на его нелегальную деятельность, старшина слободы докладывал, что проверить «документ, на основании коего разрешено ему производить фотографическую работу, не представляется возможности, так как он до получения предписания из Нальчика выбыл»⁴.

Рынок сферы услуг в округе в силу своей неосвоенности и динамичного развития привлекает коммерсантов и из центральной России. Наряду с традиционными формами предпринимательства в Кабарде возникают новые формы предпринимательской деятельности. В начале 1896 г. к услугам местного населения и туристов открывается стереоскопический кабинет, где желающие за весьма умеренную плату могли любоваться видами европейских столиц и постановочными фотографиями фривольного характера. По видимому, предприятие не оправдало надежд своего хозяина и оказалось малорентабельным, т.к. уже через 2 месяца после открытия хозяин заведения начинает устраивать после сеансов незаконные лотереи. Этот факт вызвал негативную реакцию слободского правления. 13 апреля 1896 г. старшина слободы Нальчик доносил окружному начальнику, что содержатель кабинета производил розыгрыш вещей «по билетам за 50 к. и больше» и требовал провести расследование. Как выяснилось, устроитель незаконной лотереи Климентий Гаврилович Хрусталеv, не дожидаясь расследования, «закрыв кабинет и скрылся в сторону Моздока»⁵. В связи с отсутствием подозреваемого, дело вскоре было прекращено.

Список развлечений, призванный скрасить досуг состоятельной публики, был весьма разнообразен. Порой встречаются

весьма экзотические. В начале XX в. в Нальчике в верхней части Романовского сада находился кегельбан, упоминание о котором мы находим в документах за 1916 г.⁶ Точных данных о том, когда он был открыт и сколько просуществовал выявить не удалось. Известно только, что к этому времени здание пришло в запустение и продавалось с торгов на стройматериалы.

Тем не менее к началу XX в. рынок услуг в Нальчике продолжает демонстрировать устойчивые темпы роста. В 1913 г. в слободе к услугам отдыхающих имелись: кинематограф; 7 трактирных заведений; 2 клуба «с буфетами»; 2 дома с меблированными комнатами; 4 постоянных и 17 «заезжих» дома⁷. Специфика складывающегося рынка услуг свидетельствует о его ориентации, в первую очередь, на курортный бизнес. Именно на заезжую богатую публику рассчитывали хозяева этих предприятий. Стоит отметить, что окружное правление со своей стороны, предприняло ряд шагов, направленных на превращение слободы Нальчик в популярный курорт. К сожалению, из-за начавшейся мировой войны, эти планы пришлось отложить.

Такие заведения как фотоателье, стереоскопический кабинет, кинематограф, кегельбан и проч., требовали от своих учредителей хотя бы минимальных технических знаний, навыков менеджмента, сопряженных с особенностями данного вида предпринимательства. Расчет строился, как правило, на состоятельную публику из числа отдыхающих, представители же местной элиты, в силу своей малочисленности не могли обеспечить их высокую доходность. Этот вывод наглядно подтверждается данными статистических отчетов. Достаточно упомянуть, что из 4768 чел., постоянно проживавших в 1900 г. в Нальчике, дворян насчитывалось только 37 (8 мужчин и 28 женщин)⁸. Число постоянных и временных торговцев округа в целом, даже в совокупности с местным чиновничеством, не превышало 300 человек. И это при том, что по разным причинам, далеко не все из них становились потребителями услуг данной сферы рынка.

Гораздо предпочтительнее в глазах потенциального предпринимателя, как из числа русского, так и горского населения, выглядел бизнес, связанный с услугами общепита. Этот вид предпринимательства находился в сфере традиционных занятий

(животноводство, земледелие) и вполне укладывался в общепринятый этикет гостеприимства. Вместе с тем именно на этом поприще столкнулись интересы слободского купечества и горцев, стремившихся освоить рынок Нальчика. Реакция слобожан, препятствовавших любым предпринимательским инициативам «туземцев» «на своей территории», вполне объясняется их нежеланием терпеть конкурентов. Горцы же в своей борьбе за место на этом рынке услуг проявляли завидное упорство, выдвигая из своей среды наиболее предприимчивых и целеустремленных.

7 мая 1896 г. житель Балкарского общества Мисир Артасаов обратился к начальнику округа с просьбой о разрешении ему открыть в слободе Нальчик кумысное заведение. К прошению был приложен краткий бизнес-план вкупе с необходимым обоснованием проекта. «Кумыс я обязуюсь готовить хорошего качества, — пояснял Артасаов, — посуду, комнаты буду держать в хорошем виде, продавать же кумыс буду по 10 к. одинарную бутылку, а двойную — по 20 к. Кефир же, одинарную бутылку по 5 к., а двойную — по 10 коп.»⁹.

Далеко не все коммерческие начинания горцев находили отклик в окружной администрации, наглядным примером чему служит их попытка завести в слободе собственные предприятия общественного питания. Так 4 января 1907 г. начальнику округа поступило прошение от горцев Нальчикского округа: Бекира и Караби Мокаевых, Аслантоко Залиханова и Гагой Шаваева. «Мы желаем, — говорилось в этом прошении, — в слободе Нальчик открыть харчевни с приготовлением горячей пищи, но слободское общество противится и хочет последние отдать с торгов, тогда как они открываются без торгов, только с выбором торгового свидетельства»¹⁰.

В обоснование приводились веские доводы: «Харчевни эти необходимы и кабардинскому народу, бывающему в Нальчике по несколько дней, в которых он пользуется горячей пищей мусульманского приготовления; так как Кораном запрещено потреблять пищу, приготовленную не мусульманами, то последние удобны и с этой стороны, да и в отношении народного здоровья, а потому просим Ваше Высокоблагородие приказать названному обществу не препятствовать нам к открытию харчевен»¹¹.

Противостояние проходило на уровне окружной администрации, прочно и давно сросшейся со слободскими торговыми кругами. Некоторые представители нальчикского купечества занимали ответственные посты в правлении и могли оказывать серьезное влияние на принятие тех или иных решений в своих интересах. Гильдейский купец Василий Зипалов, например, исправлявший до 1893 г. должность нальчикского слободского казначея¹², параллельно являлся хозяином ряда промыслов предприятий, а также наиболее доходных питейных заведений округа. В этой связи неудивительно, что частные предпринимательские инициативы горцев встречали многочисленные препятствия со стороны слободской администрации.

Предприятия и мелкие промыслы горцев, которым удалось закрепиться в Нальчике, постоянно находились под административным давлением и вынуждены были вести борьбу за выживание не только с конкурентами, но и с произволом окружных чиновников. Особенно наглядно это демонстрируется на примере вышеупомянутой харчевни, содержатели которой, не найдя справедливости и понимания в окружном правлении, обратились за помощью к Доверенным Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ Нальчикского округа, хотя формально и не относились к их юрисдикции. В поданном от имени «Проживающих в Нальчике Бекербия Мокаева, Аслантоко Залиханова и Гагоя Шаваева» заявлении, датированном 5 января 1907 г., говорилось: «До сего 1907 г. мы содержали в слободе Нальчик азиатские харчевни, но в текущем году нас слобожане не допускают, заявляя, что мы должны платить в пользу слободы особую плату и на открытие таковых не выдают нам промысловых свидетельств. При этом мы имеем честь заявить всему кабардинскому народу, что мы резали и будем принуждены (если сойдемся со слобожанами) убой скота и баранов производить на общей бойне вместе с русскими мясниками, что очень неудобно, тем, что противорелигиозно. Кровь и мясо часто смешиваются и загрязняются. Слобожане, требуя с нас особую плату, тем самым обременяют не нас, а все магометанское население округа, так как уплатив расход будем принуждены продавать гораздо дороже, чем теперь. Поэтому мы, харчевники, просим в интересах всего кабардинского и горского народов уполномоченных

от сельских обществ доверенных обсудить этот вопрос и вывести заключение, выгодное для туземного населения округа»¹³.

С конца 80-х г. XIX в. в округе наблюдается рост питейных заведений. Здесь, как это явствует из документов, производился более строгий контроль за деятельностью предпринимателей. Получить разрешительные документы на право содержания увеселительных и питейных заведений представляло определенные трудности, все решения о выдаче таких документов утверждались непосредственно в Ставрополе. Лицензирование и учет велся исключительно чиновниками Ставропольской Казенной Палаты, что и обусловило относительный порядок в этом виде предпринимательства. Питейных патентов на Нальчикский округ было выдано 14. Документ давал право владельцу в течении 3 лет содержать 1 и более питейных заведений при условии соблюдения правил Устава Торговли и своевременной оплате налогов.

Владельцы питейных заведений с адресами¹⁴:

Имя	Количество	Адрес
1. Афанасий Семенов	1	Нальчик
2. Егор Ходжаев	1	Ново-Павловское
3. Алексей Шуйский	1	Кол. Александровская
4. Илья Шуйский	1	Нальчик
5. Михаил Ананьев	1	Нальчик
6. Василий Зипалов	1	пост Баксанский
7. Вольф Лидский	1	Нальчик
8. Хай-Мурза Аминев	3	На торговлю в сел. Хасав-Урт
9. Василий Дробышев	1	Нальчик
10. Савелий Балахурбетов	2	аул Бабуковский
11. Израиль Ифраимов	1	аул Бабуковский
12. Тамбот Калмыков	2	аул Абукова
13. Варлаам Сеферов	2	аул Агажукина
14. Мухамед Хакимов	1	аул Хасаут

Доходность питейных заведений и ограничение на их общее количество (право на патент разыгрывалось на открытых аукционах по месту нахождения заведения) со стороны царской администрации неизбежно вызвали рост конкурентной борьбы на этом рынке. И, несмотря на то, что патент выдавался сроком всего на 1 год, между местными и пришлыми предпринимателями шла нешуточная борьба за право аренды.

На торгах, состоявшихся в управе колонии Александровской 30 октября 1896 г., право на открытие в колонии в 1897 г. духана выиграл проживающий там же «поселянин, собственник Самарской губернии» Егор Буц, предложивший на аукционе «в закрытом конверте» самую большую сумму — 685 руб. 25 коп.¹⁵ На следующий день Буц «право это передал проживающему здесь же дворянину А.И. Сухачеву, взяв залог в 202 руб.»¹⁶. Повидимому, была проведена некая не совсем законная махинация, по крайней мере так считал местный гильдейский купец — Алексей Шуйский, который безуспешно пытался оспорить результаты аукциона.

В этом же году подобный аукцион за право аренды 3 духанов прошел и в слободе Нальчик. Здесь также развернулась борьба между «нальчанами» и приезжими коммерсантами. По результатам торгов, один достался жителю слободы Михаилу Ананьеву за 3 250 руб. 50 коп., другой — Владикавказскому мещанину Андрею Перову за 2 906 р., третий — Кизлярскому купцу Лазарю Свешникову за 1 900 руб.¹⁷.

О доходности питейных заведений говорят цифры ежегодных отчетов. В 1899 г. в Нальчике доход с базаров и ярмарок составил 1 302 руб., а за разрешение питейной торговли и промыслов — 6 000 руб.¹⁸. В 1901 г. в Нальчикском округе доходы с базаров и ярмарок составили 2863 руб., а разрешения питейной торговли принесли в казну — 13 592 руб.¹⁹.

Подводя общие итоги исследования необходимо отметить, что рост экономической активности населения Нальчикского округа на рубеже XIX–XX вв. является следствием социально-экономических и политических преобразований в Российской Империи во второй половине 60-х г. XIX столетия. Развитие рыночных отношений в крае обусловило трансформацию

традиционных занятий горцев, способствовало увеличению товарности производства.

С конца XIX в. в округе наблюдается увеличение объемов торговли, доходность которой на порядок превышала совокупный показатель кустарных и мелких промышленных предприятий Кабарды. Именно торговля стала основным видом коммерческой деятельности и послужила экономическим стимулом появления новых предпринимательских практик.

Столкнувшись с необходимостью диверсификации основного вида деятельности, местные купцы и коммерсанты были вынуждены искать новые возможности для приложения своих сил и накопленных средств. Это вполне закономерное стремление торговых элит края, а также рост частной коммерческой инициативы населения, выразилось в появлении ряда новых, неизвестных ранее в округе предпринимательских практик. Наиболее перспективным объектом приложения коммерческого потенциала стал бурно развивающийся рынок сферы услуг, особенно его сегмент, связанный с общепитом. В Кабарде ширится сеть трактиров и духанов, открываются харчевни, ориентированные не только на заезжих туристов, но уже и на местное мусульманское население — по сути, явление уникальное. Появляются первые гостиницы и заезжие дома, увеселительные заведения для приезжих туристов.

Сохранившиеся источники и документы свидетельствуют, что к началу XX в., в экономике Нальчикского округа прослеживаются устойчивые темпы развития. Проникновение рыночных отношений в традиционное хозяйство горцев, помимо прочего, способствовало повышению экономической культуры местного населения, выразившуюся, прежде всего, в многообразии форм предпринимательской инициативы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Саблифов М.З.* Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX — начале XX вв. Нальчик, 2001. С. 22.

2. *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1995. С. 12.

3. *Саблиров М.З.* Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX — начале XX вв. Нальчик, 2001. С. 22.

4. УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хран. 298. Т. 1. Л. 25 об. Л. 114.
5. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Ед. хран. 14. Т. 2. Л. 35.
6. УЦГА АС КБР. Ф. И-40. Оп. 1. Ед. хран. 909. Л. 62.
7. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хран. 864. Л. 76.
8. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хран. 514. Л. 52.
9. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Ед. хран. 14. Т. 2. Л. 64.
10. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хран. 699. Т. 2. Л. 24.
11. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хран. 699. Т. 2. Л. 24.
12. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хран. 290. Л. 12—12 об.
13. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хран. 699. Т. 2. Л. 25.
14. УЦГА АС КБР. Ф. И-40. Оп. 1. Ед. хран. 5. Л. 9.
15. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хран. 359. Л. 33.
16. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хран. 359. Л. 33—33 об.
17. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хран. 359. Л. 43.
18. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хран. 455. Л. 14.
19. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Ед. хран. 538. Л. 41 об.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современном кавказоведении наметилась устойчивая тенденция, когда в исследованиях, посвященных экономической истории народов Кавказа, всё больше внимания уделяется анализу взаимодействия экономических аспектов развития с политическими, социокультурными, биологическими и демографическими. Такой подход позволяет проанализировать особенности функционирования различных экономических систем с учетом их геополитических особенностей и исторической динамики.

На сегодняшний день отечественное кавказоведение располагает значительным комплексом научных исследований, посвященных различным сторонам общественно-экономической истории народов региона. Наиболее изученным является период, хронологические рамки которого охватывают XVIII—XIX вв. В большей степени вышесказанное относится к истории развития торгово-экономических отношений России и народов Северного Кавказа в первой половине XIX в. Этот вопрос неоднократно становился объектом пристального научного изучения. Интерес исследователей обуславливался спецификой этого явления, проходившего в условиях Кавказской войны и колонизации края. Война, шедшая долгие десятилетия, то затухая, то разгораясь с новой силой, оказала значительное влияние в том числе и на торговлю народов кавказского региона, предопределив характер и особенности ее развития на весь период XIX столетия.

Вместе с тем история коммерческих отношений у народов Кавказа отнюдь не ограничивается указанным периодом. Не менее интересным и перспективным, по нашему мнению, является изучение торговли и предпринимательства в регионе в предшествующие столетия, особенности и различия функционирования предпринимательских практик в условиях динамичных изменений геополитической обстановки в регионе.

Тема предпринимательства у черкесов еще ни разу не становилась объектом специального научного исследования. Это явление во многом обусловлено ограниченностью источниковой базы.

Как известно, первые, наиболее достоверные сведения, дающие нам представление о развитии торговых отношений у адыгов содержатся в известиях арабских путешественников IX—X вв. Арабы относительно рано начинают посещать с торговыми целями бассейны Каспийского и Черного морей. Из этих сообщений явствует, что предки черкесов уже к началу IX в. были инкорпорированы в структуры причерноморской и прикаспийской торговли, а через них, при посредничестве хазарских, арабских и византийских купцов и в мировую. В подтверждение можно привести наличие в XII в. в Константинополе особого зихского (черкесского) торгового двора Копарио, существование отдельного черкесского рынка в столице Золотой Орды — Сарае в 30-е г. XIV в., засвидетельствованное Ибн-Батуттой и проч.

Расцвет средневековой торговли и предпринимательства адыгов приходится на XIV—XV вв. и связан с итальянским присутствием в Причерноморье.

Ассортимент продукции из Италии и Германии, поступавший на рынки Причерноморья, в основном состоял из недорогих товаров: оружия и ювелирных изделий. Вывозилось зерно, шерсть, продукты скорняжного ремесла, войлок, мед, конский волос, воск. Однако не смотря на эти факты в отечественном кавказоведении продолжает господствовать тезис о том, что основным пунктом экспорта Черкесии были рабы, а сама работорговля имела промышленные масштабы. Научная обоснованность этих и подобных утверждений не выдерживает серьезной критики.

Проведенное нами исследование позволяет заключить, что под работоторговлей у черкесов следует понимать не торговлю в ее узком значении, имеющую своей конечной целью лишь извлечение прибыли, а совокупность разнообразных социально-политических и экономических институтов, объединенных активным использованием в своих интересах такого инструмен-

та, как невольничий рынок. Главным образом он использовался черкесами в качестве «социального лифта», юридического оформления рекрутинга и как способ избавления от избыточного числа пленников, захваченных в ходе войн и локальных конфликтов, т.к. потребности в широком использовании рабского труда экономика Черкесии не испытывала.

Определенные трудности при исследовании истории развития черкесского предпринимательства связаны с ограниченностью источников. До сих пор остается неизученным вопрос о купечестве, его статусе и роли в традиционном адыгском обществе.

На рубеже XIV—XVII вв. в Черкесии сообщество торговцев в силу объективных причин, выразившихся в общественном порицании и неприятии торговли, не сумело оформиться в профессиональное сословие — купечество. Развитие торговли было ограничено общественными институтами и нормами обычного права, что не позволило черкесскому купечеству оформиться в сословие.

Вместе с тем наличие черкесских купцов достоверно зафиксировано письменными источниками уже в XIV в. Существование страты черкесских купцов прослеживается на протяжении XIV—XVII вв.

Натуральный характер производящего хозяйства Черкесии, обусловленный спецификой ее геополитического положения, являлся определяющим фактором, оказывавшим значительное влияние как на развитие отдельных кустарных промыслов, так и на ассортимент производимой продукции, следовательно, и на весь характер черкесской торговли.

Комплекс известных источников и материалов позволяет утверждать, что к середине XVIII в. транзитная торговля через Таманский порт была востребована в большей степени социальной верхушкой черкесского общества. К этому времени внутри этой социальной категории сформировался устойчивый спрос на предметы роскоши, обеспечение которого и стало основной специализацией таманского импорта. Объемы и спецификация ввозимых товаров позволяют примерно установить численный состав данной категории потребителей. По нашему мнению,

импортная продукция была рассчитана на 8—10 тыс. покупателей обоего пола из числа местной знати.

Зафиксированный Пейсонелем факт устойчивой транзитной торговли через Тамань сырьем и полуфабрикатами свидетельствует о продолжавшемся развитии ремесла и кустарного производства у черкесов в данный период. На основе анализа данных французского торгового консула, можно выделить наиболее успешные их направления: ткацкое, войлочное, оружейное, арчачное, шорное и ювелирное производства. Но подобное положение вещей ни коим образом не отразилось на состоянии и темпах развития таманского направления торговли. В большей степени виновником сложившейся ситуации является Оттоманская Порта, которая, несмотря на свое доминирование в регионе, практически самоустранилась от участия в развитии торговли и экономики края. Османское законодательство и администрация действовали лишь на территориях, подконтрольных военным гарнизонам. Их влияние было ограничено во времени и пространстве. Черкесия в этой ситуации выступала заложником в противостоянии двух извечных антагонистов — Турции и России.

С конца XVIII в. торговые связи с русским населением Черномории и Кавказской линии оказали значительное влияние на рост хозяйства горцев, на восприятие ими новых методов ведения сельского хозяйства. Торговля способствовала адаптации населения Северного Кавказа к новым условиям русского капитализма. Важнейшее значение в этом процессе сыграли черкесские ярмарки Екатеринодара, ставшие своеобразным полигоном для отработки методов экономического сотрудничества и взаимодействия русских переселенцев и горцев.

Вступление России в конце XIX — начале XX вв. в эпоху модернизации способствовало дальнейшему экономическому подъему национальных окраин. Для Северного Кавказа это имело ключевое значение. Возникновение капиталистических отношений, втягивание края в систему всероссийского рынка благоприятствовали более быстрому росту экономики. Горское население Терской области активно включалось в рыночные отношения, под влиянием которых происходило становление и

развитие общекавказского рынка, зарождение товарного производства, развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве.

Модернизационные процессы имели важное политическое значение, оказали значительное влияние на окончательное оформление экономики горских народов в пореформенный период, способствовали развитию торговли и становлению общекавказского рынка. Рост экономической активности народов Нальчикского округа на рубеже XIX—XX вв. стал следствием социально-экономических и политических преобразований в Российской Империи во второй половине 60-х г. XIX столетия. Развитие рыночных отношений в крае обусловило трансформацию традиционных занятий горцев, способствовало увеличению товарности производства. В этой связи наглядным примером может служить ситуация в Нальчикском округе Терской области.

С конца XIX в. в округе наблюдается увеличение объемов торговли, доходность которой на порядок превышала совокупный показатель кустарных и мелких промышленных предприятий Кабарды. Именно торговля стала лидером экономического роста и обеспечила появление новых предпринимательских практик.

Столкнувшись с необходимостью диверсификации основного вида деятельности, местные купцы и коммерсанты были вынуждены искать новые возможности для приложения своих сил и накопленных средств. Это вполне закономерное стремление торговых элит края, а также рост частной коммерческой инициативы населения, выразилось в появлении ряда новых, неизвестных ранее в округе, предпринимательских практик. Наиболее перспективным объектом приложения коммерческого потенциала стал бурно развивающийся рынок сферы услуг, особенно его сегмент, связанный с общепитом. В Кабарде ширится сеть трактиров и духанов, открываются харчевни, ориентированные не только на заезжих туристов, но уже и на местное мусульманское население — по сути, явление уникальное. Появляются первые гостиницы и заезжие дома, увеселительные заведения для приезжих туристов.

Сохранившиеся источники и документы свидетельствуют, что к началу XX в. в экономике Нальчикского округа прослеживаются устойчивые темпы развития. Проникновение рыночных отношений в традиционное хозяйство горцев, помимо прочего, способствовало повышению экономической культуры местного населения, выразившееся, прежде всего, в многообразии форм предпринимательской инициативы.

ИСТОЧНИКИ

1. *Бен Ийас*. Книга истории Египта, известной редкими цветами в событиях веков. (на арабском).
2. *Броневский В.* История Донского войска. Описание Донской Земли и Кавказских Минеральных Вод. Поездка на Кавказ. Ч. IV. СПб., 1834.
3. *Броневский В.* Указ. соч.
4. *Гаврилов П.А.* Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа / Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 2. Тифлис, 1869.
5. *Гильом Рубрук*. Путешествие в восточные страны Вильгельма Де Рубрука в лето благодати 1253 // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. / под ред. В.К. Гарданова. Нальчик, 1974.
6. *Гюльденштедт И.А.* Географическое и статистическое описание Кавказа. СПб., 1809.
7. *Д'Асколи Э.Д.* Описание Черного моря и Татарии // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик, 1974.
8. *Давыдов Д.* Партизан / Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова. В 3-х частях. Ч. I. СПб., 1840.
9. *Жиль Ф.* Царскосельский музей с собранием оружия, принадлежащего Государю Императору. СПб., 1860.
10. Занятие Крыма в 1783 году. Материалы для истории Новороссийского Края // Журнал Министерства Народного Просвещения. Ч. XXX. СПб., 1841.
11. Имидж черкеса в книге бургундского путешественника первой половины XV века Берtrandона де ла Броквиера // Хотко С.Х. Очерки истории черкесов. СПб., 2001.
12. *Интериано Дж.* Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик, 1974.
13. *Иоганн Шильтбергер*. Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 // Адыги, балкарцы и карачаевцы...
14. *Иосафат Барбаро*. Путешествие в Тану Иосафата Барбаро, венецианского дворянина // Адыги, балкарцы и карачаевцы...
15. *Клингген И.* Основы хозяйства в Сочинском округе. СПб., 1897.

16. Кабардино-русские отношения в XVI—XVII вв. Т. 2. М., 1957.
17. *Ленген Я.* Описание Кавказа с кратким историческим описанием Грузии. СПб., 1805.
18. *Ломберти Арканджело.* Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией, в котором говорится о происхождении, обычаях и природе этих стран // Адыги, балкарцы и карачаевцы...
19. *Мафиньы Т.* Поездки в Черкесию. Нальчик, 2006.
20. *Надеждин П.П.* Опыт географии кавказского края. Тула, 1891.
21. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. В 3-х томах. Т. 2 / под ред. Ф. Толя. СПб., 1864.
22. *Паллас П.С.* Заметки о путешествиях в южные наместничества Российской империи // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. / под ред. В.К. Гарданова, Нальчик, 1974.
23. *Пейсонель К.* Политическое положение Франции и ее нынешние отношения со всеми европейскими державами. Париж, 1789. Т. 2.
24. *Пейсонель К.* Трактат о торговле на Черном море / Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. / под ред. В.К. Гарданова, Нальчик, 1974.
25. *Плещев С. И.* Обзорение Российской империи в нынешнем её новоустроенном состоянии. СПб., 1793.
26. *Пожидаев В.П.* Хозяйственный быт Кабарды. Воронеж, 1925 г.
27. *Покровский М.В.* Русско-адыгейские торговые связи. Майкоп, 1957.
28. Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г. Т. 3. СПб., 1830.
29. *Прежевальский П.* Дагестан, его нравы и обычаи // Вестник Европы. Т. 3. СПб., 1867.
30. *Ровинский Н.* Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний. СПб., 1809.
31. Русско-адыгейские торговые связи 1793—1860 гг.: сб. документов. Майкоп: Адыг. кн. изд., 1957.
32. *Смирнов А.* Изучение исторических сведений о Российской промышленности с половины XVII-го столетия по 1858 г. Ч. I. СПб., 1859.
33. *Тауш К.* Извлечение из «Заметок о черкесах», составленных немцем по имени Карл Тауш, который проживал восемь лет на служебном положении в Пшаде, близ порта Геленджик / Неизвестные страницы Кавказской войны. Нальчик, 2011.

34. Терские ведомости. 1902. № 180.
35. Терские ведомости. 1914. № 91.
36. Терский календарь на 1896 г. Владикавказ, 1895.
37. Терский календарь. Владикавказ, 1913. Вып. 23.
38. *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884.
39. Торгово-экономические связи России и Северного Кавказа в период Кавказской войны (40–50-е гг. XIX в.). Сборник документов / сост. Т.Х. Кумыков. Нальчик, 2005.
40. Торгово-экономические связи России и Северного Кавказа в период Кавказской войны (40–50-е гг. XIX в.). Нальчик, КБИГИ, 2005.
41. *Тучков С.А.* Записки Сергея Алексеевича Тучкова (1766–1808). СПб., 1908.
42. Устав для генуэзских колоний в Черном море // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V.
43. *Уэ М.* История торговли и навигации древних. Париж, 1727. С. 220.
44. *Христианович В.П.* Сельскохозяйственные районы Кабарды. Труды по обследованию Кабарды. Воронеж, 1929.,
45. *Чулков М.Д.* Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего, и всех преимущественных узаконений по оной Государя Императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей Государыни Императрицы Екатерины Великой. В 6-ти томах. Т. VI. Кн. IV. М., 1786. С. 180.
46. *Чулков М.* Историческое описание Российской коммерции. Т. 2. СПб., 1785.
47. *Шамрай В.* Краткий очерк меновых (торговых) сношений по черноморской кордонной и береговой линии с Закубанскими горскими народами. С 1792 по 1862 г. // Кубанский сборник. Т. VIII. С. 362.
48. УЦГА АС КБР. Ф. И-6. «Управление Нальчикского округа Терской области».
49. УЦГА АС КБР. Ф. И.-16. «Управление Центра Кавказской Линии».
50. УЦГА АС КБР. Ф. И-40. «Управление Межевой Части Терской области».
51. УЦГА АС КБР. Ф. И.-51. «Управление Пятигорского Округа».
52. *Gazette De Franse.* Paris, 1887. P. 4.
53. *Neumann K.* Russland und die Tscherkessen. Stuttgart, 1840. P. 61.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абазов А.Х. Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII — начале XX вв. Нальчик, 2016.
2. Ачмиз К.Г. К вопросу о характере Русско-Адыгских торговых отношений в годы Кавказской войны // Вестник АГУ. Выпуск 4(148). Майкоп, 2004.
3. Бадян В.В. Чипперис А. М. Торговля Каффы в XIII—XV вв. // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. Киев. 1974,
4. Бгажноков Б.Х. Этнография адыгов. Нальчик. «Эльбрус». 2011.
5. Белоусов А.Б. Экономическое развитие Кабарды. Нальчик, 1955.,
6. Бетфозов Р.Ж. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик, 1991.
7. Брун Ф.К. С. Черноморье. II. Одесса, 1880.
8. Бэр А. История всемирной торговли. В 2-х частях. Ч. 1. М., 1876.
9. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1967.
10. Гейд В. История торговли в Средние века / перевод Л.П. Колли // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1915. № 52.
11. Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV веках Исторические записки. Т. 3. Москва, 1938 г.
12. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985.
13. Есипов Г. Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1861. С. 166.
14. Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. Нальчик, 1995.
15. Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965.
16. Кумыков Т.Х. Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии, Нальчик, 1959.

17. *Лучицкий И.* Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV и XV вв. Киев, 1886.

18. *Муфзакевич Н.* История генуэзских поселений в Крыму. Одесса, 1837.

19. *Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV первая половина XVI. М., 1990.

20. *Озова Ф.А.* Торговля тканями и одеждой в Черкесии (X—XVIII в.) // Археология и этнология Северного Кавказа, 2015. № 5.

21. Очерк торговли Московского государства в XVI—XVII столетиях / сост. Н. Костомаров. СПб., 1862.

22. Очерк торговли Московского государства в XVI—XVII столетиях / сост. Н. Костомаров. СПб., 1862.

23. *Покровский М.В.* Из истории адыгов в конце XVIII — первой половине XIX века: социально-экономические очерки. Краснодар: Кн. изд., 1989.,

24. *Примоде Э. Де Ла.* Торговля итальянцев в XIII и XIV столетиях // Сын Отечества. Кн. 9—10. СПб., 1848.

25. *Саблиров М.З.* Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX — начале XX вв. Нальчик, 2001.

26. *Семенов А.* Изучение исторических сведений о России и внешней торговле и промышленности с первой половины XVII—го столетия по 1859 г. СПб., 1859.

27. *Смирнов А.* Изучение исторических сведений о Российской промышленности с половины XVII-го столетия по 1858 г. Ч. I. СПб., 1859.

28. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 13. М., 1870.

29. *Тхамоков Н.Х.* Социально-политический строй кабардинцев в XVIII веке. Нальчик, 1961.

30. *Уляницкий В.* Дарданеллы и Босфор и Черное море в XVIII столетии. М., 1883.

31. *Шпилевский С.М.* О благоустройстве по уложению и современным ему памятникам / Временник Императорского Московского Общества истории и древностей российских. Кн. 24. Москва, 1858.

32. Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего Войска. Т. II. История войны казаков с закубанскими горцами.
33. Юргевич В. О монетах генуэзских, находимых в России. «Записки Одесского о-ва истории и древностей», VIII.
34. Bratianu C. Actes des notaries genois de Pera et de Caffa de la fin du troizime siècle. Bucrest, 1927.
35. Bratianu. Bratianu. Recherches sur le commerce génois dans la Mer Noitre au XIII siècle. Paris, 1929.
36. D'Osson M.S. Des peuples du Caucase. Paris, 1828.
37. Elie de la Primaudaie. Etudes sur le commerce au moyen âge. Histoire du commerce de la mer Noire et des colonies de la Crimée. Paris, 1848.
38. Heyd W. Geshichie des Levantehandels im mittelalter. Т. 2.
39. Pardessus. Collection de lois maritimes anterieures au XVIII s. Paris, 1824—45 (в 6 томах).
40. Rasmussen. Journal asiatique. Т. V. Paris, 1835.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЧЕРКЕССКОЙ ТОРГОВЛИ В XV—XVIII вв.	7
Роль княжества Копя в развитии черкесской торговли в XV в.	7
Черкесская работорговля в XIII—XV вв.: источники и историография проблемы	27
Черкесское купечество как социальное и экономическое явление XIV—XVII вв.	47
География и номенклатура торгового предприниматель- ства адыгов в XVIII в.	55
Товарный ассортимент в культуре потребления Черкесии в середине XVIII в.	69
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ ЧЕРКЕСОВ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ В ОБЩЕРОССИЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В XIX — НАЧАЛЕ XX вв.	83
Черкесы в торговле России в первой половине XIX в.	83
Российские ярмарки в торгово-экономических связях Западной Черкесии в первой половине XIX в.	95
Торгово-промышленное развитие Нальчикского округа	103
Предпринимательские практики народов Нальчикского округа в начале XX в.	113
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	123
ИСТОЧНИКИ	129
ЛИТЕРАТУРА	132

Научное издание

Дзуганов Тимур Аликович

**ОЧЕРКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ ЧЕРКЕСИИ
XV – XIX вв.**

Макет и техническое редактирование
З.З. Сокуровой

Корректор
Ф.Х. Занукова (Гулиева)

ISBN 978-5-91766-150-6

Подписано в печать 19.12.2018
Формат заказной. Гарнитура New Journal
Усл. печ. л. 7,9. Тираж 500 экз. (1-й завод – 100). Заказ № 225

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ –
филиал Федерального государственного бюджетного
научного учреждения «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук»
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел.: 8 (8662) 42-46-97, 42-50-94
E-mail: kbigi@mail.ru

Отпечатано в Редакционно-издательском отделе ИГИ КБНЦ РАН